

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Научный совет по теории советского языкознания
Институт языкознания
Институт славяноведения и балканистики
Институт Дальнего Востока

КОНФЕРЕНЦИЯ
ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ

23—25 октября 1978 г.

(Тезисы докладов)

Москва — 1978

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Научный совет по теории советского языкознания
Институт языкознания
Институт славяноведения и балканистики
Институт Дальнего Востока

КОНФЕРЕНЦИЯ
ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ
(Тезисы докладов)

Москва 1978

Редакционная коллегия:

В. Н. ЯРЦЕВА (ответственный редактор),
Р. В. БУЛАТОВА, Н. З. ГАДЖИЕВА, В. А. ДЫБО,
В. К. ЖУРАВЛЕВ, В. П. НЕРОЗНАК, М. Ф. СОФРОНОВ,
Н. И. ТОЛСТОЙ

СТРУКТУРА СЛОВА

ПРОБЛЕМЫ ТИПОЛОГИИ И РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАЯЗЫКА
(индоевропейская праязыковая структура)

1. Применение типологического подхода к проверке реконструкций приводит к постулированию совершенно новой системы индоевропейского консонантизма, в корне меняющего представления о нем. Индоевропейская модель поворачивается на 180° и системы типа германской, армянской, хеттской оказываются наиболее архаичными, близкими к праязыковой модели, тогда как системы, считавшиеся в классической теории архаичными в этом отношении (древнеиндийская, греческая, латинская и другие), оказываются результатом позднейших преобразований (в частности, озвончения глоттализированных и преобразований серий звонких придыхательных и глухих придыхательных). В данном случае в индоевропейском сравнительном языкознании произошло то, что имело место во второй половине XIX в. (Аскоди и др.) при установлении вторичности древнеиндийского вокализма по сравнению с латинским и другими. В настоящее время новая теория консонантизма, именуемая в американских работах "глоттальной" теорией, находит уже широкий отклик, многие работы (Г.Миллера, Бомхардта и др.) строятся на основе новой модели праиндоевропейского консонантизма со всеми вытекающими отсюда последствиями для истории отдельных групп индоевропейских диалектов. Истоки отдельных индоевропейских языков и их фонологической эволюции представляется с точки зрения этой новой теории в совершенно ином свете. Уже появился ряд работ, в которых глоттальная теория применяется для объяснения целого ряда необъяснимых с точки зрения классической теории явлений отдельных языков подобно тому, как используется допущение ларингальных для объяснения ряда других явлений (ср. объяснение акутовой интонации в ряде загадочных форм в балтийском и славянском наличием глоттализированных, позднее звонких, в новейшей работе Кортланда, объяснение проблем структуры корня в индоевропейском, некоторых вопросов акцентологии и др.).

Следует отметить, что аналогичные и предложенные авторами идеи различия изначально глоттализированных согласных (вме-

сто традиционных звонких) были изложены также несколько позднее (первая публикация авторов — 1972 г.) американским лингвистом Полем Хоппером (в 1973 г.) и французским лингвистом Анри Одрикурром (в 1975 г.). Хоппер приходит к аналогичным выводам, очевидно, независимо на основе сходных типологических соображений с учетом более ранних работ авторов по типологии консонантизма реконструированных систем.

2. В готовящейся к изданию книге авторов индоевропейский язык, восстанавливаемый в первой части в его основных структурных характеристиках (фонология, морфология, синтаксис, ареальное диалектное распределение), изучается в тесной связи с культурой носителей этих языков, реконструируемой на основании лингвистических данных, главным образом, лексики. Дается общеиндоевропейская лексика, расположенная по семантическим гнездам, и соответствующие реалии, обозначаемые данными общеиндоевропейскими словами (мифология, ритуалы, экология, географическая среда, животный и растительный мир, материальная культура, реконструируемые через призму общеиндоевропейской лексики). В этом индоевропейском сравнительном словаре слова расположены по семантическим группам с учетом соотношений *Wörter und Sachen*, то-есть не в алфавитном порядке (такой порядок расположения слов дается в прилагаемом индексе общеиндоевропейских форм), а по смысловым полям, объединяющим слова общей семантики. В отличие от известного индоевропейского словаря Покорного каждая словарная статья "семантического словаря" не только рассматривает формальные соответствия между родственными словами индоевропейских диалектов, которые позволяют реконструировать индоевропейскую праформу, но и разбирает явления материальной и духовной культуры, которые в отдельных традициях связываются со словами данного корня. На этом основании дается затем соответствующая реконструкция и для общеиндоевропейского уровня. Реконструируются фрагменты индоевропейских поэтических текстов, метрических схем.

3. Реконструкция общеиндоевропейского языка как реального языка, данного в пространстве и времени, предполагает наличие определенных племен, говоривших на этом языке — носителей этого языка и соответственно первоначальную терри-

торию их обитания (традиционная проблема *Urheimat*). С учетом всего комплекса лингвистических данных (типологическое сходство языковых систем, в особенности фонологических систем индоевропейского, картвельского, семитского, наличие заимствованной лексики — картвельско-индоевропейской, индоевропейско-семитской, уже на праязыковом хронологическом уровне) предполагается общий ареал распространения этих праязыковых систем в определенной области Передней Азии. Рассматриваются проблемы соотношения археологических культур Передней Азии с такой первоначальной локализацией праиндоевропейского языка и индоевропейских племен. Принятие тезиса с переднеазиатской прародине индоевропейцев полностью меняет всю картину траекторий первоначальных миграций — носителей отдельных диалектов и диалектных общностей, как расположенных в исторический период относительно близко к первоначальной территории (хетто-лувийский, греческий, индо-иранский и другие), так и прошедших значительный путь миграций через Центральную Азию — тохарский и "древнеевропейские" диалекты (италийский, кельтский, германский, балтийский, славянский).

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕКОНСТРУКЦИИ

"...знают ли компаративисты второй половины XX в., что они реконструируют?" — Э.А.Макаев.

1. В начале XX в. проблемы теории реконструкции были отодвинуты на задний план теорией и практикой установления соответствий и проблемами относительной хронологии. Ныне, как и столетие тому назад, центральное место в компаративистике вновь занимает теория реконструкции. В докладе обсуждается ряд актуальных проблем современной теории и практики реконструкции.

2. Современный период развития сравнительно-генетических исследований характеризуется завершением перехода от реконструкции "архетипов", элементов "инвентаря" системы к реконструкции как системы в целом, так и ее отдельных блоков, подсистем и ярусов. В компаративистике нашло широкое применение понятие "системной реконструкции", как проявление общей тенденции научного мышления XX века — перенос внимания исследователя с субстанции на структуру. В связи с этим, антропологические приемы решения сравнительно-исторических задач постепенно уступают место фонологическим. В современной фонологии развиваются две линии анализа дистрибутивных и оппозиционных, которые сближаются в пользу оппозиционно-коррелятивного с учетом позиционного варьирования и нейтрализации противопоставлений. Этот подход позволяет уточнять характеристики отдельных элементов системы на основании анализа структурного устройства блока, в который входит данный элемент. Далее уточняются характеристики и инвентарь блока на основании анализа подсистемы и т.д. Примерами этого могут служить дискуссии о глоттальных, ларингальных и т.п. Во всех случаях система становится арбитром, а системность — критерием при решении задач и оценки осуществленных реконструкций.

3. Реконструкция, основанная на сравнении родственных морфем в разных языках, отодвигается на задний план в пользу реконструкции, основанной на сравнении морфем в рамках одной и той же языковой системы. В компаративистике представлены два типа реконструкции - внешняя и внутренняя. Общепринятое различие между ними состоит в том, что первая ведется на регулярном и частотном, а вторая - на нерегулярном и изолированном. Исходным моментом анализа является признание того, что внутренняя реконструкция ориентирована на системные отношения в языке. Сила разрешающей способности внутренней реконструкции, разумеется, заключается не в том, что она анализирует нерегулярные, изолированные явления, а во всех случаях в системном подходе, даже тогда, когда анализируются нарушения системных отношений.

4. При этом намечается соответствующая трансформация характера и внешней реконструкции, а именно: межязыковое сравнение родственных элементов языка /фонем, морфем и т.п./ уступает место сравнению отношений. В этом случае мы можем говорить о появлении своего рода "сравнительной типологии" родственных языков. Это в свою очередь предполагает типологическое сравнение фактов родственных языков с общетипологическими данными и универсалиями, добытыми при исследовании языков неродственных. Выход за рамки сравнительно-исторического метода - одна из особенностей современного этапа развития компаративистики. Строго генетический подход постепенно уступает место генетико-типологическому методу в языковедении. Современные лингвисты постепенно осознают, что выяснение специфики родственных языков и основных тенденций их развития может осуществляться, минуя этап реконструкции праязыка. Осознается также возможность и необходимость создания сравнительных грамматик родственных языков, не имеющих своей целью реконструкцию праязыка, праязыкового состояния. Наблюдается расщепление предмета, метода и уточнение цели и задач сравнительно-исторического исследования группы родственных языков на две относительно автономные дисциплины: наука о праязыке и собственно сравнительная грамматика родственных языков.

5. Другой важной особенностью современных исследований в сравнительно-историческом языковедении является переход от статической к динамической реконструкции. Если классическая реконструкция статична и принципиально ограничена плоскостью эпохи распада праязыка, то системно-типологическая реконструкция в принципе безгранична на оси лингвистического времени. Классическая компаративистика имела дело в сущности лишь с синхронным состоянием: эпоха распада праязыка данной группы родственных языков, эпоха распада праязыка группы родственных праязыков, первая письменная фиксация данного языка и его современное состояние. Все остальное собственно реальное развитие того или иного явления оставалось в рамках произвольных построений автора-исследователя, ограниченного лишь данными синхронных описаний языка. На современном этапе критерии истинности решений строго ограничены не только фиксированными состояниями, но и данными системного анализа, типологии и языковых универсалий и уникалий /Б.А.Серебрянников, Т.В.Гамкрелидзе, В.М.Солнцев и др./ Применение структурно-типологического подхода в компаративистике в принципе дает возможность реконструировать систему отношений не только праязыкового состояния эпохи распада, но и судить о том, как могла сложиться такая система до этой эпохи и как она развивалась на оси времени и пространства отдельно в каждом из представителей родственных языков. Системной реконструкции подлежат и показания памятников письменности. Полувековое развитие диахронической фонологии позволяет реконструировать собственно динамическую систему фонологического яруса языка.

6. Хронологические рамки системно-динамической реконструкции, подкрепляемой данными типологии, широко раздвинулись. Все чаще мы имеем дело с реконструкциями, идущими вглубь веков от праязыкового состояния эпохи распада. Вместе с тем по-прежнему сохраняет свое значение путь, основанный на внешней реконструкции. Этот путь связан с поисками отдаленного родства, а в конечном счете он ведет к попыткам возрождения ностратической концепции. Хронологически ностратический праязык неизбежно сближается с датой возникновения членораздельной речи вообще. Из этого в свою очередь вытекает новая

проблема — правомерна ли экстраполяция наших представлений о современных языках на эпоху, граничащую со становлением и начальным периодом развития членораздельной человеческой речи. Другой путь выхода в доисторию данного праязыка базируется на принципах внутренней реконструкции в широком смысле с опорой на данные системно-типологической интерпретации материала группы родственных языков. При этом возможна реконструкция таких языковых явлений, которые не зафиксированы ни в одном из родственных языков. В этом случае неизбежен, допустим и необходим выход за рамки материала родственных языков и возникает надобность в материале языков заведомо неродственных. Системно-типологический подход позволяет верифицировать случаи спорных и противоречивых реконструкций. Принципиальная безграничность в пределах лингвистического времени глубины реконструкции праязыка в первом и втором случае должна быть строго ограничена рамками целесообразности реконструкции. Это значит, что реконструкция должна объяснять специфику реально зафиксированных языков в их отличии друг от друга и от других языков, как находящихся в отдаленном родстве, так и неродственных. Должна быть построена такая динамическая модель праязыковой системы, которая в своем развитии, как бы сама собой объясняет порождать факты языковой действительности, имеющие отношение к данной группе родственных языков.

7. Если классическая реконструкция поражает принципиальной схожестью результатов, то современная реконструкция характеризуется неединственностью решений. Объяснение неединственности решений при прочих равных условиях различием глубины возникновения, вскрытием диалектных систем в рамках праязыковой области, субстратно-адстратных отношений позволит мотивировать целесообразность тех или иных реконструкций. Иерархия критериев оценки реконструкции представляется следующей: первоочередность исходных данных родственных языков по сравнению с фактами неродственных, данных внутренней реконструкции по сравнению с внешней, собственно сравнительно-исторических данных по сравнению с типологичес-

кими, первоочередность системной реконструкции по сравнению с элементарной и динамической по сравнению со статической.

Эффективность лингвистической реконструкции будет всецело зависеть, как от правильного применения теоретических постулатов, так и от полноты охвата языковых фактов.

К РЕКОНСТРУКЦИИ СТРУКТУРЫ СЛОВА В
ЗАПАДНОКАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Реконструкция фонетической и морфологической структуры слова в западнокавказских/абхазско-адигских/ языках приобретает важное значение не только как узловая проблема сравнительно-исторической грамматики данной группы языков, но и в связи с непрекращающейся дискуссией по вопросу о типологическом обосновании теории моновокализма индоевропейского корня на материале отдельных западнокавказских языков/ см. работы У. Аллена, Р. Якобсона, О. Семереньи, М. Хилле, А. Койперса и др./

2. На основе данных внутренней реконструкции для эпохи западнокавказского языкового единства постулируются разные модели фонетической структуры основы /корня/. К ним прежде всего относятся модели CV, CCV. Модель CVCV может быть также приписана западнокавказскому языку, хотя она более надежно реконструируется для поздних хронологических эпох — общеадигского, адигскоубыхского и общеабхазского /абхазско-абазинского/ периодов.

3. Отсутствие вокалического начала слова, характерное для современного состояния отдельных западнокавказских / в частности, адигских/ языков, унаследовано от более древних хронологических эпох.

4. В отличие от общепринятой точки зрения при реконструкции фонологической структуры слова автор исходит из мысли о вторичности так называемых преруптивных / полуабруптивных / смичных. В докладе выдвигается положение, согласно которому преруптивы /полуабруптивы/ относятся к поздним диалектным инновациям, возникшим на почве западных адигских диалектов, т.е. в период самостоятельного существования западнокавказских языков.

Это положение обосновывается на основе данных внутренней реконструкции и материала восточнокавказских /в частности, лезгинских/ языков. При этом материал восточнокавказских языков используется в основном для типологического /вероятностного/ обоснования указанного положения. Элиминирование преруптивов из системы исторического консонантизма западнокавказских языков согласуется с высказанным в литературе мнением об усложнении исконного /более простого/ состава согласных фонем в поздние хронологические эпохи.

РЕКОНСТРУКЦИЯ СТРУКТУРЫ СЛОВА В РАННЕ- И
СРЕДНЕИНДЕОЕВРОПЕЙСКОМ

1. Древнейшим типом ИЕ слова был изолированный раннеиндоевропейский (РИЕ) корень, состоявший из двух неодинаковых согласных и сллабемы между ними; РИЕ корнеслов содержал 203 такие единицы.

2. В старшем РИЕ периоде корней как компонентов слова еще не было: имелись только неразложимые слова указанного выше типа и их свободные комбинации. В младшем РИЕ периоде устойчивые сочетания стали превращаться в целостные двучлены, после чего фаза словосложения сменилась корнесложением, поскольку корень стал двойко противопоставляться слову: во-первых, как двухслогная часть четырехслагному целому в синтагматике, во-вторых, как связанная двухконсонантная единица свободному слову того же состава в парадигматике.

3. До младшего РИЕ периода слово имело только фонемную структуру. Когда появились два вида слов: двухслагные простые слова и четырехслагные сложные слова, т.е. биномы, это означало, что слово, наряду с фонемной, приобрело также и морфемную структуру.

4. Развитие биномиального корнесложения привело к образованию двух подсистем парадигматических рядов: по общности первого компонента и по общности второго. Между этими двумя подсистемами имелось то существенное различие, что в потоке речи первая часть бинома воспринималась прежде второй и ассоциировалась с автономным двухконсонантным словом того же состава; второй корень находился внутри бинома как бы "в тени" услышанного первого корня и в силу этого осознавался как нечто добавленное к нему.

5. Соответственно, план содержания подсистемы вторых частей биномов эволюционировал в направлении модифицирующей семантики. Совокупность биномов, имевших одинаковую вторую часть, со временем превращалась в деривационный ряд, а их вторая часть - в рядообразующий модификатор значения.

6. Далее система деривационных рядов стала претерпевать изменения, связанные с опрощением внутренней формы биномов; многие из них ^{были} переосмыслены как независимые единицы, семантика которых утратила прямую связь с значением своих корневых констиuentов. Это создавало условия для интерференции отдельных опрощенных биномов между собой, а затем и целых деривационных рядов друг с другом.

7. Биномиальные ряды, имевшие одинаковое завершение, т.е. один и тот же четвертый согласный в конце бинома, взаимодействовали друг с другом как в плане содержания, так и в плане выражения. Первое взаимодействие заключалось в возникновении общей смысловой доминанты у одинаково завершаемой группы рядов, второе - в установлении знаковой связи между возникшей семантической общностью и отиравным единством фонемного завершения. Итогом названных процессов было морфемное переразложение части биномов: на месте двух бывших корневых морфем, со стершейся границей между ними, появилось членение на трехслагную основу и следующий за ней детерминатив, располагавшийся сперва только на четвертой позиции в бывшем биноме. Именно этим радикальным шагом в перестройке морфемной структуры слова датируется начало среднеиндоевропейского (СИЕ) периода в истории праязыка.

8. Дальнейший ход указанных процессов вел к вычленению детерминативов также из трехслагных основ и к оформлению подсистемы свободно сочетаемых детерминативов. К концу старшего СИЕ периода сложились четыре различные структуры слова: 1) одноморфемная корневая; 2) двухморфемная биномиальная; 3) двухморфемная из основы и детерминатива; 4) многоморфемная из основы и нескольких детерминативов.

9. Последующее развитие перечисленных структур, их взаимодействие между собой, появление семантически ослабленных вариантов корней и превращение их в энклитики, грамматикализация части детерминативов и их сочетаний, - все это в младшем СИЕ периоде имело следствием возникновение словоизменятельных средств, знаменовавшее собой переход к флективному типу языка. С этого времени структура слова начинает включать в себя характеристики его грамматического оформления.

О ТРУДНОСТЯХ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ)

Современный сравнительно-исторический метод значительно отличается от сравнительно-исторического метода эпохи младограмматиков. Он широко использует количественные методы, типологические закономерности, методы ареальной лингвистики, данные топонимики, универсалии, особенности языковой системы и многое другое. Современный сравнительно-исторический метод — это фактически сумма или система равных приемов, которую некоторые лингвисты без основания называют методами генетических исследований.

Однако даже усовершенствованный современный сравнительно-исторический метод не всегда оказывается в состоянии преодолеть трудности, связанные с установлением истории слов и их форм.

Сравнительно-исторический метод становится ущербным, когда у него нет никаких точек опоры. Этим объясняются многие белые пятна в истории различных языков, в частности истории тюркских языков.

До сих пор не поддается убедительному объяснению аффриката *а:н*, часто наблюдаемый в аффриках тюркских языков, происхождение форм настоящего времени *=н*, *=и* в тюркских языках и т.д.

Существуют трудности и другого рода. Происхождение лингвистического явления находит объяснение, но часто таких объяснений предлагается несколько, ср., например двоякое объяснение происхождения будущего времени в чувашском языке, разноречивая трактовка настоящего времени с показателем *=а*, *=йор* и др. в тюркских языках. Иногда приходится прибегать к реконструкции двух архетипов, ср. причас-

тик и *=ган* и *=мыш* в тюркском языке. Методические недостатки бывают связаны с тем, что не учитываются данные относительной хронологии, т.е. возраст той или иной формы, относится ли она к числу поздних инноваций, или образовалась в период существования общетюркского языка. Целесообразно выделение раннего и позднего пратюркского состояния. Ср. выделение первичного ядра тюркской платольной системы, более поздних образований накануне распада языка и временные формы, отстаивающиеся в отдельных языковых группах.

Большие затруднения при изучении языков могут создавать методически неправильно подготовленные материалы. Особенно этот недостаток проявляется в работах по диалектологии. Фонетические и морфологические особенности диалекта иногда подаются отрывочно, бессистемно. Нередко проводится сравнение только с литературным языком, звуковые различия не имеют так называемых топологических характеристик, т.е. не указывается точно, какое место в слове занимает рассматриваемый звук, в каком окружении он находится. Специфические формы слов часто даются вне парадигм и т.д.

Плодотворному изучению истории языков иногда мешают исходные позиции, связанные с абсолютизацией архаичности данных старых письменных памятников. Недостаточно учитываются общие законы развития и изменения языков и многое другое.

Операционные приемы реконструкции грамматических показателей могут успешно опираться на данные типологических особенностей тюркских языков, на данные тюркской ареальной лингвистики, на глубокий семантический анализ, связанный с необходимостью восстановления не только грамматических форм и семантических типов. (ср. реконструкцию платольных времен тюркского языка).

РЕКОНСТРУКЦИЯ ОСНОВНЫХ СИЛЛАБИЧЕСКИХ ТИПОВ ИМЕННЫХ
ОСНОВ ОБЩЕДАГЕСТАНСКОГО ЯЗЫКА

1. Имя существительное, принадлежащее коренному лексическому фонду, в дагестанских языках в большинстве своем односложно. Наиболее распространенными являются слова следующей фонемной структуры: СГС, СГСсон., СГСсон.С, СГСw, т.е. структуры, представляющие собой закрытый слог.

В андийских языках, а также в дидойских, имеются двусложные слова, оканчивающиеся на *i* /анд., ахв. *mic:i* "язык"; анд. *nos:i* "вошь", ахв. *nas:i*, дид. *nos i* и др./, которые происходят от односложных типа СГС вследствие добавления к конечному согласному узкого гласного с целью избежания согласного исхода /известное правило для ряда андийских языков/. Сравнение слов подобной структуры разных дагестанских языков позволяет реконструировать в качестве одного из основных типов структуру СГС со своими разновидностями.

2. Исконных двусложных имен в современных дагестанских языках относительно мало. Они обычно представлены структурой СГСГ, т.е. содержат два открытых слога. Это однако отнюдь не означает, что в общедагестанском количестве двусложных основ было весьма ограничено и представлено только лишь вышеуказанной силлабической структурой.

3. Многих из тех существительных, которые представляют собой односложную структуру с закрытым слогом типа СГС или СГСсон.С, можно возвести к двусложным структурам типов СГСГ или СГСГС. Основанием для такой реконструкции в ряде случаев служит изменение инициальных *b* и *d* в словах общедагестанского происхождения. Инициальные *b* и *d* общедагестанского языка в ряде языков лезгинской группы перешли соответственно в *v* и *z* при условии, если они находились не перед подударным гласным. В противном случае они не спирализировались. Следовательно, в односложных словах начальные *b* и *d* не должны

были спирализироваться, поскольку ударение поневоле оказывалось непосредственно после них /группы согласных в начальной позиции не были свойственны для общедагестанского языка/. Если же в лезгинском, табасаранском, агульском, рутульском, цахурском и хинлугском мы находим анляутные *v* и *z* в односложных словах при наличии в других дагестанских языках *b* и *d*, то следует предположить, что эти, ныне односложные, слова происходят от двусложных, т.к. ударение не могло падать на гласный, непосредственно следующий за вторичными *v* и *z*.

4. Утрата конечного подударного слога выглядела бы неубедительным, если не учесть, что для общедагестанского языка было характерно динамическое ударение и что в связи с изменением его места могли изменяться то конечные, то начальные слоги. В словах с вторичными анляутными *v* и *z* ударение падало сначала на конечный слог, что вызвало *b*→*v*, *d*→*z*, затем, в некоторых словах, ударение переместилось вперед, что повлекло за собой утерю конечной части слова.

Имеются примеры, иллюстрирующие обратное явление — перемещение ударения на конечный слог, вследствие чего начальный слог нередко целиком отпадает.

Тенденция укорачивания слов предполагалась и в абхазско-адыгских языках /Н.С.Трубецкой/, но в основном за счет выпадения гласного начального слога.

5. Казебынтересно, что некоторые реконструируемые нами общедагестанские слова **bortʰo* "свинья", **ar(ə)c* "серебро" /могут быть сопоставлены с индоевропейскими **por̥ko-* и **ar(ə)g-* / в свете древних контактов на уровне праязыков.

К РЕКОНСТРУКЦИИ ФРАКИЙСКОЙ МОРФОЛОГИИ

Изучение языков, сохранившихся только в виде ономастики, до недавней в иноязычной передаче (в данном случае греко-римской), свойственны три наиболее характерные особенности: 1) исследовательская практика всегда ведется на уровне реконструкции и на разной глубине, начиная с ее первичной процедуры снятия фонетико-морфологических черт, возникших в процессе иноязычной адаптации; 2) реконструкция таких языков in corpore имеет жесткие ограничения, накладываемые тем обстоятельством, что факты обычного языка при подобном засвидетельствовании восстанавливаемы лишь в той степени, в какой они обслуживают каждую конкретную ономастическую систему; особенно велики ограничения для морфологии, поскольку система словоизменения в иноязычных передачах имен собственных, вкрадываемых в иноязычный текст, не реализуется, не говоря уже о синтаксисе; 3) приемы внутренней реконструкции здесь по преимуществу не применимы, так как "ономастические" языки в силу специфики фактической базы "лишены истории", вместе с тем комбинаторный анализ ономастикона, являясь необходимой предваряющей операцией для выделения повторяющихся отрезков слова, обычно получающих статус морфем, не может быть отнесен к внутренней реконструкции.

Именно третья особенность вынуждает при реконструкции таких языков, как фракийский, иллирийский и др. реликтовые языки Балкан, идти по линии внешнего сравнения. Поскольку "ортодоксально-генетическая" методика, руководствуясь которой обычно сопоставляют корневой отрезок или в лучшем случае основу непосредственно с апеллятивной лексемой любого и.-е. языка, относительно фракийского исчерпала себя в трудах Томашека, Дечева и др., то в настоящее время более продуктивной оказывается "ареально-этимологический" метод, когда проводится сплошное сопоставление фрак. ономастикона с ономастикой и соотносимой с ней апеллятивной лексикой ареально (и/или генетически) близкого языка (ср. реконструкцию скифского). В рамках указ. методики весьма ощутимый эффект был достигнут сравнени-

ем фрак. реликтов с материалом балтийских языков (Топоров, Дуриданов) и хетто-лувийских (автор доклада).

Несмотря на все ограничения, накладываемые на реконструкцию фрак. морфологии, целнолексемные отождествления фрак. ономастических единиц с хетто-лувийскими на уровне ономастики и апеллятивной лексики позволили прийти к следующим выводам. 1. Фракийский располагал характерными для и.-е. языков основами с исходом на сонанты: и-основы, ср. ЛИ (личное имя) *Торкелус* из "анат." ТН (теоним) *Tarhu-*, ТН *Περκους* из и.-е. **perkū-* или *perkū-* и т.д.; i-основы: ЛИ *Εβρι-ς* при лат. *Ebrius*, ЛИ *Επτι-ς* = лат. *Epteni-s*, *asbi-s* в ЛИ **Aut-asbi-*; ЭН (этноним) **Trusi-* при мон. *Трушук* < *Трофос-α*, также e-основы: дак. фитоим *Διγ-μα* (I компонент из и.-е. **dipes-*, *Δεν-υρος* < *Λος-υρος, *Dios-cudus* и т.д. (I компонент из и.-е. **dipos-*, o-огласовка оксилатического суффикса в *πο-ασσ.*, аналогично греч. *ύβος* и пр. 2. Реконструированные преимущественно комбинаторным путем суффиксальные элементы: *-(a)l-*, *-(u)l-*, *-(a)l-, -ko-*, *-(a)n-*, *-(ō)n-*, *-bo-*, *-st-* находят обоснование в тождестве фрак. основ и целных лексем с ранне- и позднехетто-лувийскими единицами словаря, см.: ТН *Ἀρμολ-ημή* при лид. ЛИ *Armlv-li-*, хетт.-лув. ТН *Arma-*; ЛИ *Τορκουλ-ας* при хетт.-лув. ТН *Tarhu-*; ЛИ *Επτι-ελ-α*, *Επτι-ελ-α*, *Επτι-υλ-α*, *Επτι-υλ-α* (лат. *Ept-en-ia*) при м.-аз. ТН *Ἰπτα*; *Ἰπτα* из хетт.-лув. (< хурр. ТН *Ḫapat / Ḫirat*; ЭН *Δ-ρα-ν-ος*, кар. МН *Ṭṛay-нос* при м.-аз. глоссе *Ṭāra*, хетт. ЛИ *Tara-ḫawa*, ЛИ *Daba-la-ḫu*; *Εβρι-ς* (лат. *Ebbe-n-us* при лик. *ebbe-*; *Κωστο-ρο-κόλ* при кар. МН *Κωστο-ρα-κόλ*, лид. МН *Κωστ-ρο-ς*, хетт. (капп.) ЛИ *Ḫayta-li-* = **ḫayta-li-* и пр.; МН *Παρνοβ-στ-α* при анат.-догреч. *Παρνας(ε)ος* = хетт. (капп.) *Parna-ḫa* и т.д. (членение морфемных отрезков достаточно условно вследствие морфологического переразложения и вторичной тематизации суффиксов).

К РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАИНДОЕВРОПЕЙСКОГО АБЛАТИВА

Отдельная аблативная флексия реконструируется только для тематических основ. Однако аблатив не всех лексем имел шанс встретиться в речи. Именно поэтому при отмирании аблатива формы отдельных слов остаются переходя в наречия (ср. напр. в литературном панджаби **piṅḍ** "деревня", **khēt** "поле", **sahir** "город", **ghar** "дом" — лексемы, обладающие аблативной формой, и единственную форму древнегреческого существительного, восходящую к аблативу — дельфийское *ἴσκιον* "из дома"). Именно это сохранение форм отдельных слов позволяет предполагать, что помимо лексем, часто принимавших аблативную форму, имелись и такие, которые в этой форме никогда не выступали, а также — что существовал и слой лексемы со средней частотностью употребления в аблативе. Однако сейчас выделить такие лексические слои не представляется возможным.

Таким образом получается противоречие: не всякая лексема могла употребляться в аблативе, но, одновременно, все слова тематического склонения имели отдельную аблативную форму. Вряд ли можно полагать, что все лексемы, имевшие шанс употребляться в аблативе, относились к тематическим основам. Поэтому следует иметь в виду, что формальная реконструкция не может дать адекватной картины и. — е. аблатива, но только она может ответить на вопрос, не было ли у других основ своих окончаний. Проверка функционирования аблативных окончаний в конкретных языках (см. след. стр.) дает следующие результаты: хеттский язык во всех основах имеет окончание **-az**, лувийский **-ati**; в Авесте, а также в старолатинских и осских текстах (за несколькими исключениями) для всех основ выступает одно окончание на дентальный. Ряд фактов не позволяет видеть в этом инновацию (напр. хетт. **ammedaz**, где **-az** добавлено к форме, сопоставимой с лат. **mēd**, скр. **mat**). Можно предполагать, что в каждом отдельном языке флексия, свойственная той или иной основе, распространилась по всем склонениям. Таким образом особое внимание должно быть уделено санскриту, где засвидетельствован ряд аблативных флексий, присоединяющихся к основе не только в зависимости от ее похода, но и с учетом числа слогов. Вопрос об этимологии аблативной флек-

	ОСНОВЫ НА c'o	ОСНОВЫ НА ā	ЛИЧИНЕ МЕСТОИМ.	ОСНОВЫ НА ē	ОСНОВЫ НА i	ОСНОВЫ НА ī	ОСНОВЫ НА ū	ОСНОВЫ НА ū	СОГЛАСИЕ ОСНОВЫ	НАРЕЧИЯ Παραρημα
КЕЛТ.	Abl. -az antuhšaz (antuhša-)	ammed- az	Abl. -az uānē-az	Abl. -az tuzziāz (tuzzi-)	Abl. -az harmahāti (harmahi-)		Abl. -az genuuaz (genu-)	humandaz (humant-)		
ЛЮВ.	Abl.-Instr. -ati happišati (hapiša-)									
ЛАТ.	Gnauōd	Troiād	mēd	eod <u>die</u>	marid, urbiō		castud	airid	intus	
ОСКС.	Dolud malud	toutād						ligud pure-to		
АВЕСТ.	akāt (aka-)	daēnayāt (daēnā-)	mat		garōit (ga ⁱ ri-)		xrataot (xratu-)	tanvāt tanū-	vīsat (vīs-)	
САНСКРИТ.	devāt (deva-)	senayāh (senā-)	mat		m. agneh (agni-) vārinah n. vāri- {matyāh mateh} * mati-	devyāh (devī-)	śatroh n. śatru- madhunah n. madhu- {dhenvāh dhenoh} f. dhenu-	bhūyah (bhū-)	marutah (marut-)	mukha- tah
ГРЕЧ.	Folkw									ἐντός ἐκτός

сии анатолийских языков и наречья на *-tos*, впервые привлеченные к реконструкции аблатива Д.Н. Кудрявским¹⁾ и попытка включить *-tos* в парадигму. Вопрос о флексии тематических основ: **-t* (Кудрявский), **-a* (Бругманн) и позиция нейтрализации **-d* (Иллич-Свитич, Мажилис). Если признавать сопоставление с **-tos*, искомым оказывается **-t*.²⁾ Сопоставление А. Майе окр. *atab* со ст.-сл. *Отъ*. Единство предлогов и послелогов в языке (напр. "наречный элемент" (Вяч. Во. Иванов) **en* как источник флексии локатива в тохарском). Попытка сопоставления вариантов аблативной флексии с "наречными элементами":

ОКОНЧАНИЯ	"НАРЕЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ"				
	лат. <i>at</i>	гр. <i>ἐν</i>	лат. <i>in</i>	гр. <i>ἐκ</i>	лат. <i>*-t</i>
хетт. <i>-as</i>	?	гр. <i>ἐκ</i>	лат. <i>---</i>	гр. <i>ἐκ</i>	лат. <i>ex</i>
лув. <i>-ati</i>	лит. <i>eti</i>	гр. <i>ἐν</i>	лат. <i>---</i>	гр. <i>---</i>	лат. <i>---</i>
<i>*-tos</i>	скр. <i>atab</i>	гр. <i>ἐν</i>	лат. <i>intus</i>	гр. <i>ἐκ</i>	лат. <i>---</i>

Окончание *-tos*, которое Кудрявский нашел в наречьях, можно усмотреть в т.н. "памфилийском генетиве" на *-tus* (Ср. парадигму: *Ν. Μάγες, G. Μάγεται, D. Μάγετι, A. Μάγευ*, где датель образован по аналогии с генетивом), а также, возможно, в некоторых из тех слов, где находят "расширительное" или "распространительное" **-t* (тип *δῶμα, δῶματα* и *δορυ, δορός / δόρατος*). Постулируемые нами варианты "наречного элемента" *at* присоединялись к основе, вероятно, в соответствии с определенными условиями. Так, основы на *-ā* присоединялись к себе, судя по всему, **-(a)ts* в нулевой ступени.

Условия выбора окончаний следует, возможно, искать также в просодических или акцентных особенностях основ.

1) Кудрявский Д.Н. Суффикс *Ablativi singularis* в и.е. языках, *ИМН*, часть *СССУ*, 1896 стр. I-12.

2) Авестийское *-aba* (**at+a*) появилось после унификации флексии аблатива.

3) Подразумевается гласный, слившийся с гласным тематической основы и вызвавший удлинение последнего. Исходя из сделанных сопоставлений, скорее следовало бы думать об **-at*, а не об **-et*.

ДР-ИРЛ. i foss, tox. A wašt, B ost И
И-Е НАЗВАНИЕ "ДОМА"

1. Для обозначения "дома"; "жилища" и-е языки используют несколько лексем: **dom* - , **keudh* - , **gherdh* - , **(s)teg-*, **weik-*, **wost* - и некоторые другие. Распространение этих слов ограничено хронологически и территориально.

2. И-е **wes-* представлено в кельтском (вал. *gwesti* "жилище", др.-ирл. i foss "дома"), в тохарском (A wašt, B ost), а также в др.-инд. *vasati* "пробывать, проводить ночь, проживать", *vasati* "дом". В других ареалах **wes-* имеет другие значения: *ἄστου* "горб", *ἄστια* "очаг", др.-исл. *værr* "спокойный" и т.д. Распределение по маргинальным областям значения "дом" показательно.

3. Наречное выражение i foss "дома" является архаизмом в др.-ирл. Foss означает "покой", а глагол *foaid* "проводить ночь, спать (≠ *con-tuil* "спать" как физический акт), покоиться". Обычным словом для "дома" в др.-ирл. было *teg*, в вал. *ty*, в брет. *ti*, которые имеют соответствия в крит. *στῆρα* "дом", лат. *tectum* "крыша", "укрытие, дом", возводимые к и-е **(s)teg-* "покрывать". Структура этих слов позволяет сделать вывод о поздней дате их возникновения.

4. От и-е **dem-* (тох. A *tam-*, в *tem-* "производить", гот. *ga-timan* "связывать", др.-ирл. *damnae* "материал") образовано распространенное название "дома", которое засвидетельствовано в слав. (домъ), итал. (*domus*), и.-ир. (*damah*), гр. (*δῶμος*), балт. (*namai* ?). В герм., кельт. и тох. в этом значении не представлено.

5. В герм. языках в значении "дом" можно отметить две лексемы - **keudho-* (гот. *gud-hūs* "храм", др. англ. *hūs* "дом") и **ghordho-* (гот. *gards* "дом", но, др.-исл. *gardr* "двор"), причем последнее встречается

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТОИРЛАНДСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

ся в др.-инд. *urha-* "дом". Значение "дом" появляется в отдельных языках уже после распада и-е языковой общности.

6. Предлагаемое этимологическими словарями сближение *foss, wast, ost* с др.-инд. *vasati* "проживать", "ночевать", с одной стороны, и с гот. *wisan* "быть", *ga-was* "оставаться" (*3sq. praet*), с другой стороны, представляется перспективным. Если принять преформатное толкование (тох. *A wast ~ B ost*, т.е. отсутствие преформанта *w-), то оно, может служить основанием для соотнесения *wes- с глаголом бытия *es-. Последний получает, т.обр., более конкретное значение "пробывать в покое". Косвенным подтверждением связи *wes- и *es- могут служить др.-инд. *vāstava-* "действительный, верный", *vastu-* "вещь", ср.др.-инд. *sant-* "сущий, истинный", хет. *asant* "то же" при *es-*.

7. Развитие значения "покой" ("жилище" имеет аналоги в различных языках, например, фр. *maison* < лат. *mansio*; *хбдумаи ~ ймай*, русск. покой).

Дл. значения "быть" → "жилище" ср. ирл. *both* "хижина", д-в-н *būan* "жилище" < *bhw-

8. Приведенный материал позволяет, на наш взгляд, реконструировать и-е *w-os-t- "жилище, дом" как (в конечном счете) производное от *es-. Семантика и деривационная модель свидетельствует о большой древности этого слова.

1. Протоирландским состоянием будем условно называть то языковое состояние, которое отражает этап, переходный между распадом общекельтского языка и древнейшими памятниками древнеирландского языка (7 в. н.э.). Часто данный этап именуется также прото- или общегейдельским.

2. Как и всякая реконструкция вообще, данная проблема имеет два аспекта: уровень реконструкции (фонологический, морфологический, синтаксический, лексический) и метод реконструкции, опирающийся на исходные данные (внешняя или внутренняя). Для интересующей нас проблемы внешняя реконструкция заключается в сравнении с данными других ветвей кельтских языков (бриттской, галльской и кельтиберийской). Внутренняя реконструкция опирается частично и на засвидетельствованные факты - огамические надписи 4-7 вв. н.э.

3. Протоирландская реконструкция, таким образом, может осуществляться в двух направлениях: вперед во времени, с опорой на внешнекельтские сравнения, и назад, преимущественно на основе внутренней реконструкции.

4. Различные уровни протоирландского языкового состояния могут быть реконструированы различными путями. Фонологический уровень восстанавливается путем внутренней реконструкции, причем очень важную роль здесь играют данные огамических надписей. Для морфологии же эти надписи дают крайне мало, и основной упор надо делать на комбинированное применение обоих методов (данные древнеирландского языка и внешнекельтское сравнение). Синтаксис находится в несколько особом положении. Огамические памятники в этом отношении ничего не дают, а общекельтский синтаксис находится все еще в крайне неразработанном состоянии. С другой стороны, в определенных жанрах древнеирландской литературы (законы, риторика, древнейшая поэзия) сохранилось множество примеров архаических конструкций и формул как на уровне синтагм, так и на уровне предложений. При использовании данных иных индоевропейских языков реконструкция протоирландского синтаксиса представляется весьма плодотворной уже на нынешнем этапе исследования.

РЕКОНСТРУКЦИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ
И ГЛОТТОГЕНИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА

Материально-функциональное сходство элементов сравниваемых языковых систем может быть интерпретировано как результат действия по крайней мере одного из трех факторов: 1) Генетической соотнесенности (родства) языков; 2) Их соотнесенности в пределах языкового союза; 3) Наличием общих типологических характеристик. При этом сразу необходимо отказаться от рассмотрения третьего фактора, поскольку типология предполагает лишь функциональное сходство, исключая сходство материальное. Таким образом, при квалификации соотнесенности языков возникает альтернатива, разрешение которой связано с рядом трудностей.

Прежде всего, сами понятия генетической соотнесенности языков и языкового союза еще не получили теоретической экспликации. Когда мы говорим о генетической соотнесенности двух языков, мы имеем в виду, что на некотором предшествующем этапе существования они составляли диалектный континуум, в пределах которого осуществлялась нормальная языковая коммуникация. Наличие для сравниваемых языков предшествующего им диалектного континуума устанавливается путем обнаружения для них общих инноваций. Когда мы говорим о языковом союзе, мы имеем в виду нечто прямо противоположное. Сближение сравниваемых языков явилось вторичным процессом, вызванным их интенсивным взаимодействием в пределах контактной зоны (мы не касаемся здесь возможных при этом сложных субстратно-суперстратных отношений). Легко понять, что вторичность сближения исключает возможность общих инноваций в предшествующий период и, таким образом, этот критерий оказывается важнейшим для различения генетической соотнесенности языков и языкового союза.

Если в теоретическом плане необходимость установления общих инноваций для решения проблемы совершенно очевидна, практически обнаружить их весьма трудно. При квалификации генетической соотнесенности языков должны выделяться некоторые признаки, диагностирующая сила которых была бы пред-

варительно проверена. Для этого выбирается пара языков, происхождение которых от общего предка прослеживается исторически, и на ней проверяется весь набор признаков. В 1973 г. в докладе на VII Международном съезде славистов "Праславянская и балто-славянская суффиксальная деривация имен" нами был предложен следующий "логический эксперимент". При сравнении белорусского и болгарского языков, генетическая соотнесенность которых заведомо известна, был проведен ряд признаков (фонетических и морфологических), обычно применяемых для установления генетической соотнесенности, и доказано, что эти языки не являются родственными. Такого рода *reductio ad absurdum* наглядно показало необходимость кардинального пересмотра критериев для определения диагностической силы признака. Продолжая этот эксперимент, мы ввели обычно не учитываемые при этом словообразовательные признаки. Степень близости белорусского и болгарского языков в этом отношении оказалась приблизительно равной степени близости между белорусским и русским. И это со всей очевидностью показало, что именно словообразовательные признаки являются признаками, диагностирующими генетическую соотнесенность. В дальнейшем эти же признаки были использованы для доказательства генетической соотнесенности балтийских и славянских языков.

Проведенный нами эксперимент при необходимости может быть воспроизведен на ином материале, а выделенные диагностирующие признаки использованы при решении индоевропейской проблемы.

Предварительные наблюдения показывают, что с точки зрения именного словообразования существует явно выраженная дифференциация индоевропейских языков. Так, например, известная триада *Nomina agentis--Nomina instrumenti--Nomina loci*, объединяемая формантным единством словообразовательных средств (-ter/-tel-, -tro-/ -tlo-) реализуется только в латинском, греческом и индо-иранском, в преобразованном виде существует в балто-славянском и отсутствует в германском, кельтском и армянском, в которых в этих функциях выступают совсем другие, не соотносимые между собой форманты. Расширение формантного репертуара с включением в него No-

mina collecti a и Nomina abstracta приближает к основным индоевропейским языкам германские, но по-прежнему далеки от индоевропейской системы словообразования оказываются такие языки как древнеирландский и древнеармянский. Не исключено, что отношение этих языков к другим индоевропейским может быть охарактеризовано как языковой союз.

СТРУКТУРА КОРНЯ И ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ В ОБЩЕКАРТВЕЛЬСКОМ

В докладе представлены результаты изучения распределения смычных и сонорных фонем в общекартвельских корнях типа СВС и в глагольных основах с чередованием гласных. Выявлено, что один и те же признаки определяют дистантное сочетание смычных как в общекартвельских корнях, так и в глагольных основах. Получены следующие правила дистантной сочетаемости смычных:

1. Из гомогенных соединений допустимы сочетания типа звонкий-звонкий и аспирированный-аспирированный и недопустимы соединения типа глоттализированный-глоттализированный. Это ограничение имеет параллель в живых языках и объясняется тенденцией признака глоттализации к диссимилятивным, а не ассимилятивным соединениям.

2. Ограничения соединения негомогенных смычных сводятся в одно общее правило, интерпретируемое в докладе в качестве "тенденции к равновесию по степени сонорности начальных и конечных смычных". Заключается оно в следующем: Если конечный смычный более сонорен по сравнению с начальным с точки зрения ларингальной артикуляции (соединения типа: глоттализированный-звонкий, аспирированный-звонкий, глоттализированный-аспирированный), то он менее сонорен с точки зрения места артикуляции (характеризуется более передней артикуляцией, последовательность является акцессивной), если же, наоборот, конечный согласный менее сонорен, чем начальный с точки зрения ларингальной артикуляции (соединения типа: звонкий-глоттализированный, звонкий-аспирированный, аспирированный-глоттализированный), то по месту артикуляции он будет более сонорным (более задней артикуляции, чем передний, последовательность будет децессивной). Нет соединений, в кото-

рыя конечный слогной характеризовался бы большей или меньшей сонорностью по отношению к начальному как по признакам ларингальной артикуляции, так и по признакам места артикуляции. Это правило определяет консонантизм глагольных суффиксов в общенарпвельских глагольных основах с чередованием гласных.

3. Распределение сонорных фонем также регулируется степенью их сонорности. В слоговой (интерконсонантной) позиции вероятность сонорных фонем соответствует их ряду по относительной сонорности: *ч-џ-п-т*. В начальной же, наиболее консонантной позиции встречаемость *ч*, наиболее сонорной фонемы из сонант, чрезвычайно низка.

Перечисленные правила находят параллели в строении общенарпвельского корня.

ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ И ДИАХРОНИЧЕСКАЯ МОРФОЛОГИЯ

1. В истории любого языка всегда большое место имело сложное переплетение двух основных разнонаправленных тенденций: разрушающая сила фонетических преобразований и противоположенное ей стремление к сохранению целостности парадигматических рядов. Первая тенденция обусловлена скорее энтропийными факторами, вторая – системностью языка. Изучение механизма и результатов этого сложного процесса представляет собой предмет и задачи диахронической морфологии.

2. Возможности диахронической морфологии при реконструкции архетипов грамматических моделей недостаточно оценены в современной компаративистике. В свое время на это указывал Н.С.Трубецкой, однако и на сегодняшний день диахроническая морфология остается одним из самых узких мест сравнительно-исторических исследований.

3. Теоретические вопросы, касающиеся метода морфологических исследований в диахронии, степень необходимости учета морфологических явлений в процессе реконструкции, сам процесс отнесения известных языковых явлений к разряду морфологических – иными словами – многие прямые вопросы реконструкции архетипов разработаны неудовлетворительно. Шлейхерианская и младограмматическая методики реконструкции, основанные на повышенном внимании лишь к фонетической стороне исследуемого явления оказались достаточно живучими. Любой компаративист имплицитно пользуется этими методиками, откровенно признавая их несовершенство.

4. При строгой проверке материала многие явления языка, объясняемые ранее лишь ссылками на развитие по аналогии, находят достаточно четкое объяснение с точки зрения диахронической морфологии. Важно при этом учитывать согласованность подобного объяснения с общими морфологическими тенденциями, действующими в языке в определенный период его развития.

5. Эти тенденции прослеживаются достаточно легко. Однако нередко они оказываются не идентичными даже в группе близкородственных языков. Данное обстоятельство оказывается

весьма существенным для относительной хронологии определенных языковых явлений. Здесь возможно упомянуть о тенденции германских языков к проведению основообразующих суффиксов по всему парадигматическому ряду. Наиболее полно эта тенденция была реализована в готском языке, наименее — в древневерхне-немецком и древнесаксонском. С этой точки зрения многие реконструкции получают неожиданно иное, нетрадиционное толкование (ср. гот. *sokida*, др.-гот. *warhtata*, др.-в.-нем. *mis-va*, др.-англ. группы претеритальных образований типа *wealde*, *hte*, *sūhte* и пр.). С учетом этой общегерманской тенденции иначе представляется действие таких общеизвестных явлений как синкопа и тесно с ней умлаут, где определяемые традиционно как заведомо поздние новообразования оказываются древнейшим пластом с точки зрения относительной хронологии.

6. Строгий морфологический контроль реконструкций позволяет более адекватно объяснить возмещение различных алломорфов к одному архетипу (ср. отнесенность фонетически законономерного гот. *munda* и морфологически закономерного гот. *muntra* к германским /t/).

7. Вышеуказанные положения свидетельствуют о необходимости более активного привлечения морфологического анализа в диахронических исследованиях и разработки теоретических предпосылок этой методики.

КОРНЕВЫЕ ВАРИАНТЫ В АФРАЗИЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Корни любого афразийского — как, вероятно, и вообще любого — языка можно подразделить по происхождению на пять основных типов: 1. Исключные корни, унаследованные от праязыкового состояния и имеющие параллельные генетически тождественные им корни в родственных языках (надо учитывать, что последние не всегда сохраняются и становятся достоянием исследователя); генетическое отождествление, выявление или реконструкция корней этого типа основывается на регулярных звуковых соответствиях, которые устанавливаются путем более или менее широкого сопоставления корней этого же типа, принадлежащих к разным родственным языкам (сфера приложения принятой компаративистской методики). 2. Корневые варианты исконных корней, возникающие на почве данного языка — как реально засвидетельствованного, так и реконструируемого (в случае утраты по тем или иным причинам исконного корня, в языке могут оказаться только его варианты, чем объясняются нередкие случаи нерегулярных звуковых соответствий) ¹. 3. Корни, возникающие в данном языке и не объяснимые из праязыкового состояния, но не являющиеся вариантами других корней или заимствованными, т.е. как бы "безродные" (многие экспрессивные, дескриптивные образования, часто не подчиняющиеся звуковым законам и выпадающие из сферы компаративного исследования). 4. Корни слов, заимствованных из родственных языков (их выявление и отделение от корней первых трех типов должно быть побочным результатом сравнительно-исторического исследования). 5. Корни слов, заимствованных из неродственных языков (они выделяются негативно — невключением в список проанализированных корней). Процент корней с выясненным происхождением довольно низок в любом языке, и причина этому, по крайней мере в афразийских языках, видится нам, в первую очередь, в игнорировании корневых вариантов. Под корневыми вариантами мы имеем в виду следующие случаи.

¹ Концепция корнеобразования и родственных корней (корневых вариантов) впервые разработана на семитском материале С.С.Майзелем (1900-1952). Подробнее см.: А.Ю.Милитарев, "Верификация согласных в семитском корне" (автореферат кандидатской диссертации), М., 1974.

1. араб. *grq* 'быть свежим, нежным' - *ḡadīr* 'зеленый, нежный, свежий, влажный', *iḡtuḡira* 'умереть молодым' - *ḡḡr* 'зеленеть/о растении', *iḡtuḡira* 'умереть молодым' - *ḡḡl* 'быть влажным', *ḡadīl-at* 'сад, цветник' - *ḡadīm-at* 'молодое растение' - *ḡḡb* 'быть покрытым зеленью/о дереве, земле/' - *ḡḡb* 'быть в зеленых или черных полосах', *ḡḡḡ-ḡn* 'некое растение; зеленая лютва дерева самур'.

Т.о.: *grq* - /метагеза/ - *ḡḡr* - /варьирование в позиции первого коренного однорядных сог. аснх - звонкого *ḡ* и глухого *ḡ* / - *ḡḡr* - /варьирование в позиции третьего коренного соголнх *ḡ*, *l* и *m* с некоторыми колебаниями в семантике/ - *ḡḡl* - *ḡḡm* - /варьирование в третьей позиции лабиальных *m* и *b*/ - *ḡḡb* - /варьирование во второй позиции эмфатических дентальных - *ḡ* и *t*, принадлежащих в прасемитской фонологической системе к разным локальным рядам (*ḡ* < латерального сибиланта *ḡ) / - *ḡḡb* ..

2. семит. *darak 'дорога'
др.-евр. *darak* 'путь' / в том числе в книге Иезекииля /,
араб. *darak-at* 'ступенька'
/ср. араб. *ḡarīq* 'путь, дорога'
- позиционный вариант, возникший в результате эмфатизации/

3. араб. **ba'ir* -
бык; скот; верблю-
д' /
семит.: аккад. *bīr*, *būr* - 'те-
лец; отпрыск',
угар. *bu'ir* 'бык,
скот', др.-евр. *bō'ir* 'бык, скот',
арам./сир./эсс. *bō'ir* 'бык; *bō'ir-ē*-
навоз', араб. *ba'ir* - 'верб-
люд', *ba'ar* - 'на-
воз', ж.-араб. *bō'ir* 'скот'
и верблюды';

семит. *darag - 'дорога'
др.-евр. *madrōg* 'горная тропа'
/в книге Иезекииля /,
араб. *darag* 'дорога; *darag-at* -
'ступенька, лесница',
арам./сир./дарг - 'ступенька',
аккад. *daragg* - 'тропа' /и с ме-
тагезой *girid* - 'тропа'.

араб. **bv'ar* -
'бык,
скот'
семит.: аккад. *buqār* - /дими-
нutive/ 'тел. и',
финик. *bqr* 'бык-
ки, скот', др.-
евр. *bāqār* 'скот',
арам./сир. /
bāqr - 'скот',
араб. *baqar* -
'быки и козы',
tabaqara 'ста-
богатый',
араб. *baqar* -
'крушиль рот'

мехри *beir* 'верблю-
д', *be'ir* 'вер-
блюд';
берб.: *zayn* -
насан *ti-birr-
it*, *shayn* *li-
barr-ko* 'козий
помет', *ḡ'ana* *ḡ'
ḡbbūr* (**vbbūr*)
*bv'ūr 'огне-
нок', *ḡ'axḡḡar*
e-bārā 'пете-
ный антилопы
мешок' (<
**bv'ar* -), *ḡ'at*
ḡbbar 'выгнанье'
(< *vbbār <
**bv'ar*), *zayna*
ta-baḡar-t 'вер-
блюда',
кушит. **bv'ur*-
бык; кабарга;
антилопа';
(?) егип. *b'ar*
'драться'

три *bēkir* 'перво-
родный', *ḡeḡz*
bak'ar 'перво-
родный';
берб.: *ḡashel-
ḡut* /семья/ /
a-bukir 'ковле-
нок', *ḡaxḡḡar*
e-bārā 'огне-
нок', *ḡ'axḡḡar*
чадск.: *ḡera*
bōkār /*b*, *m* /*ḡ'axḡḡar*
bergerō, *iki*
binkiri 'козел'
/возможно, <
**b'ar* / см. след.
берб.: (?) *ḡashel-
ḡut* /семья/
bōkār 'полу-
тать малую при-
быль', *zayn ta-bāq-*
ir 'быт',
(?) *ḡaxḡḡar*
bī'ar 'быт',
богатый /ор.
также *ḡ'axḡḡar*
ta-baqe 'оп-
на' /

Полобные случаи обычно либо не рассматриваются вообще /т.е., вообще, оцениваются как случайные совпадения - не заметить их совсем трудно из-за их удивительного обилия/, либо фиксируются пометой "сравни" как некие необъяснимые курьезы, либо же иногда используются для установления звуковых соответствий, которые на более глубоком уровне реконструкции оказываются ложными, так как корневые варианты могут встретиться на всех диахронических уровнях - от живых диалектов /с распределением по разным диалектам или в одном и том же диалекте/ до реконструированного для каждой ветви и даже всей языковой семьи состояния.
Мы не можем назвать общих причин возникновения и удержания в языке корневых вариантов; смелая, но весьма гипоте-

тическая картина дана в работе С.С. Майзея, кое-какие соображения есть и у нас, однако решение этой проблемы — дело будущего. Вместе с тем, работать с афразийской лексикой, делая вид, что никаких корневых вариантов не существует, сейчас довольно трудно, как показывает опыт начального этапа составления сравнительно-исторического словаря афразийских языков, а также материалов к сравнительно-историческому словарю берберских языков. Для освоения такого зыбкого, очень разнородного и совершенно не тронутого материала, как афразийские корневые варианты, предлагается следующая последовательность операций: 1. Выявление и максимально полная регистрация случаев, подозреваемых в "необусловленной вариантности". 2. Установление "необусловленности" предполагаемых корневых вариантов, т.е. последовательное рассмотрение всех факторов, которые могли бы обусловить их появление (напр., заимствование из родственных языков, неопознанные диалектные варианты, позиционные чередования, отражение разных фонем или одной фонемы в разном окружении в языке, контаминация и проч.), и отбор только тех случаев вариантности, которые не находят себе адекватных объяснений, имеющих сегодня в арсенале сравнительно-исторического метода. 3. Условная "этимологизация" подобных случаев, т.е. определение, вариантом какого "нормального" /имеющего нормальную этимологию/ корня является тот или иной неэтимологизируемый корень.

СОКОТРИЙСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ОБЩЕАФРАЗИЙСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ.

Языки юга Аравийского полуострова — махри, бхаури, харсуси, батхари, а также сокотрийский /язык коренных жителей островов Сокотра и Абд эль-Кури/ на ранних этапах семитологии было принято рассматривать как группу южных диалектов арабского, в связи с чем они практически не привлекались для сравнительно-исторических исследований. Однако постепенно стало очевидным, что, наряду с несомненными общими чертами, эти языки обладают целым рядом особенностей, отличающих их от классического арабского языка и его диалектов. В настоящее время эти языки включаются в самостоятельную южнопериферийную ветвь семитских языков вместе с эпиграфическими южноаравийскими диалектами /сабейским, минейским и др./ и семитскими языками Эфиопии. Причем для сравнительных исследований данные живых южноаравийских языков имеют особое значение, поскольку семитские языки Эфиопии находились в продолжительном контакте с кушитскими языками, а сведения по эпиграфическим диалектам Южной Аравии эпохи I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. существенно ограничиваются объемом и характером сохранившихся письменных памятников и особенностями самой письменности.

В некоторых аспектах сокотрийский /как и другие южноаравийские языки / обнаруживает большее сходство с реконструируемым обще семитским состоянием, чем большинство семитских языков, включая арабский. В настоящем сообщении мы ограничимся фонетическими аспектами.

Как известно, для семитского консонантизма характерным является наличие трюхного противопоставления: глухой — звонкий — "эмфатический", причем этот последний обычно реализуется как фарингализованный /чаще глухой/. Однако данные других афразийских /семитохамитских/ языков свидетельствуют в пользу реконструкции для общеафразийского глоттализованных /смягчегортанных/ согласных, т.е. с гортанной смичкой одновременно со смичкой в полости рта или после нее. В семитской ветви подобная артикуляция известна в языках Эфио-

пик, где это могло быть вызвано кушитским влиянием, и в южноаравийских языках. Наличие смычногортанной артикуляции в махри было показано в недавней работе Т. Джонстона.² В сокотрийском глоттализованными являются смычные "эмфатические" t , $ʔ$, в то время как фрикативные f , v , а также l /о статусе l см. ниже/ характеризуются фригантизацией, аналогичной арабской. Таким образом, данные южноаравийских языков говорят в пользу реконструкции глоттализованных "эмфатических" для общесемитского. Причем указанное распределение в сокотрийском позволяет сделать предположение о причинах изменения этой артикуляции в большинстве семитских языков. Как показывают ведущиеся в настоящее время исследования, большинство семитских сибиллянтов, в том числе все "эмфатические", восходят к аффрикатам.³ Когда в семитских языках начался процесс перехода сибиллянтных аффрикат во фрикативные сибиллянты, "эмфатики" одновременно утратили и вторую смычку в области гортани, заменившуюся фригантизацией. Смычные "эмфатические" могли сохранять старую артикуляцию, что и имеет место в сокотрийском, или подвергнуться изменению по аналогии с фрикативными, как в большинстве семитских языков. В сокотрийском сохранение архаичной артикуляции смычных "эмфатических" могло поддерживаться внутрисистемной аналогией - неэмфатические глухие, соответствующие общесемитским глухим, аспирированы, т.е. оппозиция t - t^h имеет в сокотрийском вид t^h - t^h /ср. с аналогичной ситуацией в махри/.

Другой архаичной чертой сокотрийской фонетики является сохранение латеральных сибиллянтов: глухого $ʔ$ /соответствует араб. $ʔ$, евр. $ʔ$ / и звонкого "эмфатического" $ʔ$ /соответствует араб. $ʔ$, евр. /аккад. $ʔ$, арам. $ʔ$ /. Сокотрийский $ʔ$ имеет позиционный вариант l : $gaʔ$ 'мышь' - l и перфекта $gaʔak$. Ряд латеральных сибиллянтов имеет в

¹ Приводимые здесь сокотрийские данные получены в результате анализа текстов, преимущественно фольклорного характера, полученных одним из авторов на острове Сокотра в 1972-73 г.г.

² См. Т.М. Johnstone, *Contrasting articulations in modern South Arabian languages*, "Hamito-Semitic", The Hague-Paris, 1975.

³ Подробно об этом см. И.М. Дьяконов, В.Я. Порхомовский, *О принципах абразийской реконструкции / в связи с работой над сравнительно-историческим словарем /*, в печати.

сокотрийском, так же как и в общесемитском, только два члена. Возможно, глухая и звонкая латеральные аффрикаты сохранили еще в общесемитском, хотя имеются некоторые основания для их реконструкции в кушитских. Что касается l , то он, по видимому, не имеет в сокотрийском статуса отдельной фонемы, являясь позиционным вариантом $ʔ$, а также l / под влиянием фригантизов и эмфатических согласных /.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПРИЧАСТИЙ В ТУНГУСО-МАНЬЧЖУРСКИХ ЯЗЫКАХ

Степень развития залоговой противопоставленности семантически активных и пассивных причастных форм резко различается в тунг. и маньчж. языках. Если причастие выступает в функции сказуемого при подлежащем-не субъекте действия, то причастие, пассивное по значению, во всех тунг.-маньчж. языках имеет страдат. форму (либо содержит перед причастным суфф. суффикс страдат. залога, либо имеет собственно страдат.-причастную форму). Форма действит. залога у причастия-сказуемого при подлежащем-не субъекте действия невозможна ни в одном тунг.-маньчж. языке. Примеры: эвенк. Удукй хуркэкэнду вэ-п-ча-н (*вэ-ча-н) 'Белка мальчиком убита' (ор. семантически активную действит. форму причастия-сказуемого в Хуркэкэн удукй-ва вэ-ча-н 'Мальчик белку убил'), маньчж. Никаса маньчжуса де гйда-бу-ха 'Китайцы маньчжурами потеснены /были/' (ор. Маньчжуса никаса бэ гйда-ха 'Маньчжурн китайцев потеснили'). Но если причастие выступает в функции определения при определяемом-не субъекте действия, то причастие-определение, пассивное по значению, в тунг. языках, как правило, имеет страдат. форму¹, а в маньчж. языке всегда имеет действит. форму, ср. эвенк. вэ-п-ча (*вэ-ча) бэе 'убитый человек', но маньчж. ва-ха (*ва-бу-ха) нялма 'убитый (и 'убивший!') человек'. В маньчж. возможна определенительная конструкция ва-бу-ха нялма, но только с каузат. значением 'велевший, разрешивший убить (кого-л.) человек', хотя в этом языке показатель страдательного залога и каузатива один и тот же - =бу=.

¹ Это относится только к минимуму двучленным конструкциям типа "причастие-определение-определяемое". В минимум трехчленных определительных конструкциях типа "глагол(субъект действия) - причастие-определение - определяемое(не субъект), которые здесь не рассматриваются, причастие, пассивное по значению, во всех алтайских языках имеет действит. форму. См. нашу работу в сб. "Тезисы докладов I международного симпозиума ученых социалистических стран на тему "Теоретические проблемы восточного языковедения", ч.2, М., 1977, с.9-10.

Итак, залоговая противопоставленность семантически активных и пассивных форм причастий, свойственная причастиям-сказуемым всех тунг.-маньчж. языков, существует у причастий-определений тунг. языков, но отсутствует у причастий-определений маньчж. языка, в котором семантически активные и пассивные причастия омонимичны. Как исключение из общего правила, во всех тунг. языках существуют причастные формы, формально не различающие семантическую активность и пассивность²; причем это явление формальной залоговой невыраженности активности-пассивности эвенкийским языкам свойственно в большей степени, чем нанайским, ср.: эвенк. сё-ри 'знающий' (активное значение), 'известный', 'знакомый' (пассивное значение), эвен. мё-ча 'убивший', 'добывший' (активное значение), 'убитый', 'добытый', 'добыча' (пассивное значение). В рост. говорах эвен. языка причастие прош. вр. от глаг. мё= 'убить', 'добыть' с пассивным значением имеет страдательную форму мё=п-ча. Явление формальной залоговой невыраженности активности-пассивности свойственно причастиям прош. вр. в большей степени, чем причастиям наст. вр. В тунг. языках нет показателя причастия прош. вр., который бы без показателя страд. залога образовывал бы только пассивные по значению причастия наст. вр., но в ряде тунг. языков есть показатели причастий прош. вр., которые без суффикса страдат. залога образуют только пассивные причастия прош. вр. (эвен. =тля, ороч. =-ча/-ча/-чо, удэг. =се/=се/=со), ср. удэг. ана-ха 'толкавший', ана-са 'то, что было толкаемым'. В плане генезиса тунг.-маньчж. языков представляется наиболее вероятным, что формальное залоговое неразличение активности-пассивности причастий-определений в тунг.-маньчж. языках первично по отношению к развившемуся в тунг. языках залоговому противопоставлению семантически активных и пассивных причастных форм. Едва ли можно предполагать обратный путь развития: от залогового различения активных и пассивных причастий-определений к потере пассивными причастиями страдательного суффикса в редких случаях в тунг.-маньчж. и во всех случаях в маньчж. языке.

² И.В. Не дя л ко в. Причастия в тунгусо-маньчжурских языках. АКД. Л., 1977, с. 5.

О СООТНОШЕНИИ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО И МОРФОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ПРИ ИСТОРИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ГЛАГОЛА АЛБАНСКОГО ЯЗЫКА(И.-Е. *ei-mi > алб. *vetë* "я иду")

1. Для языков с относительно поздней письменной фиксацией, то есть в случае, когда нет возможности опереться на документированные данные о древних этапах языковой эволюции (к числу таких языков принадлежит и албанский), единственным надежным средством историко-морфологического анализа служит реконструкция строения словоформы на основе внутреннего и внешнего сравнения (внутренняя и внешняя реконструкция).

В современном историческом языкознании общепринятым является методический принцип, согласно которому внешнее сравнение должно предваряться внутренней реконструкцией. Однако в старых исследованиях по сравнительной грамматике и этимологических словарях мы часто сталкиваемся с ситуацией, когда та или иная словоформа в ее современном виде непосредственно сопоставляется с внешне сходными словами родственных языков и на основе такого сопоставления приводится к некоторому архетипу. Так, например, Густав Мейер, автор первого этимологического словаря албанского языка (*G. Meyer. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache, Strassburg, 1891*) сопоставил албанский глагол *vetë* "иду, хожу, еду" с латинским глаголом *vado* "иду". При этом причастие *vatë* "ушедший" он рассматривал как результат фонетического упрощения формы *vadto. Такая интерпретация говорит, в частности, о том, что в плане индоевропейской этимологии Г. Мейеру представлялся релевантным взятый в целом звуковой состав современных албанских форм *vetë, vatë*. Ряд фактов заставляет критически отнестись к данной гипотезе.

2. Предлагаемая в докладе новая этимология глагола *vetë* включает, во-первых, реконструкцию морфологического состава словоформы, в частности, определение консонантной и вокалической структуры корня и, во-вторых, установление индоевропейских связей полученного в ходе внутренней реконструкции архетипа.

Г. Мейер принял за основу этимологии трехфонеменный состав корня *-vet-/vat-(*vad-)*. Целый ряд фактов, однако, свидетельствует, что ни в одной форме, имеющей в своем составе дентальный смычный *t*, последний исторически не принадлежит корню. В причастии тоск. *vatē*, гер. *vatē* окончание *-tē* является суффиксом причастия. В наст. вр. ед. ч. (*vetë*) и в 3л. ед. числа аориста (диалектные формы тоск. *vate*, гер. *vote*) *te* является приращением (т.е. неэтимологическим формантом основы сравнительно позднего происхождения). Формы без приращения (т.е. с корнем *ve-* для презентной основы и с передующимися по двум основным албанским диалектам вариантами корня *vo-* / *va-* для форм системы аориста) засвидетельствованы в ряде архаичных говоров современного албанского языка и в памятниках староалбанской письменности XVI-XVII вв. Кроме того, корень *ve-/va-(vo-)* имеет большинство форм в современной парадигме глагола *vetë* (*ve-mi* "мы идем", *të ve-sh* "чтобы ты шел", *va-fshin, vo-fshin* "пусть они пойдут" и т.д.).

Анализ вокализма корня, в частности, определение исторического содержания чередования корневой огласовки *o:a* в аористе привел к следующим результатам. В аористе из двух вариантов (тоск. *a* гер. *o*) первичной является огласовка *o*. Учитывая вокализм презентной основы *-e-* можно предположить, что аористное *o* представляет собой обычное для албанского языка страдание ступени долготы корня, т.е. др.-алб. *ō > совр. *o*. В процессе реконструкции вокализма корня выявляются основания для интерпретации начального *v-* как протетического согласного относительно позднего происхождения. В албанском языке имеется целый ряд слов с чередующимися по диалектам начальными *va-* / *vo-*, для которых установлен протетический характер начального *v-*. Ср., например, тоск. *vaj*, гер. *voj* "масло" < лат. *oleum*.

Получаемая в результате реконструкции протоалбанская модель корня *e (в аористе *ē) может быть сопоставлена с индоевропейским корнем **ei-* "идти"; др.-инд. *e-ti* "идет", гр. *εἶμι* "я иду", лат. *eo*, лит. *eĩmi*. Для историко-фонетического обоснования данного соответствия в докладе приводятся материалы, показывающие, что алб. *e* может восходить к индоевропейскому дифтонгу *ei*.

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ УГОРСКО-САМОДИЙСКИХ И ДРУГИХ
МЕЖГРУППОВЫХ ИЗОГЛОСС В ПРАУРАЛЬСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

В реконструкции уральского (геогр. финно-угорского) праязыка приходится учитывать далеко, по-видимому, не уникальную для реконструируемых праязыков ситуацию, когда:

- имела, как предполагается, место достаточно высокая степень разобщенности праязыковых диалектов (причем скорее в состоянии диалектной непрерывности, нежели при наличии четких границ отдельных ареалов);

- каждая из позднейших языковых групп не является продуктом случайной диалектной гибридизации, а имеет своей непосредственной предшественницей отведенную совокупность праязыковых говоров.

При такой ситуации понятие прауральского (и вообще праязыкового) материального или структурного явления оказывается шире понятия общеуральского явления, поскольку оно охватывает не только те черты, которые были присущи всем диалектам праязыка, но и те, которые, возникнув еще в прауральскую эпоху, распространились лишь на часть говоров. Наличие целых пучков лексических и грамматических изоглосс предположительно праязыкового (но, вероятно, не общего для всех частей праязыка) в двух современных языках (языковых группах) позволяет предполагать территориальную смежность соответствующих праязыковых диалектов, наличие ареально-генетических связей между ними; во многих случаях также предположение подтверждается данными истории расселения. Материал уральских языков свидетельствует о том, что чисто генетическим связям, обусловленным последовательным дроблением, сопутствует цепочка ареально-генетических связей: (финно-саамско)-мордовских, мордовско-марийских, марийско-пермских, (коми-северноудмуртских и южнокоми-удмуртских,) пермско-угорских, венгерско-мансийских, угорско-самодийских.

Учет ареально-генетических взаимодействий позволяет

постулировать в сфере грамматики такие элементы прафинно-угорской (но отнюдь не обязательно общефинно-угорской) реконструкции, как форманты *-m-a(ɜ) в названиях десятков и *-m-i-v(ɜ) в числительных "8" и "9" (перм. + угор.), показатель инфинитива *-n-ɨ (перм. + венг.), показатель 2Sg. -a (перм. + об.-угор. + ? замод.). Для пра-, но не обязательно общефинно-пермского допустима реконструкция датива-аллатива на *-l-aɜ (перм. + мар.). Западная диалектная зона угорского праязыка могла характеризоваться аномальным развитием *lɜ > *tɜ в числительном "3", протезой гласного в местном имени "я", критичным суффиксом *-tɜl- (венг. + манс.) и т.д.

Уральский праязык восточной диалектной зоны - предок угорских и самодийских языков - мог обладать следующими реконструируемыми с особым учетом венгерских данных (поскольку многочисленные обско-угорско-самодийские параллели обусловлены более поздними, чисто ареальными, связями) особенностями:

1. Парадигматическое противопоставление субъектного, объектного и, возможно, рефлексивного спряжений у глагола с использованием следующих окончаний:

	Subj.	Obj.	Refl.
1Sg.	*-k(ɜ) (?*-kkɜ)	*-m(ɜ)	
2Sg.		*-ntɜ, *-ɜɜ	
3Sg.	*ɔ	*-vɜ	*-ɜk(ɜ) (?*-ɜkkɜ)

Рефлексы этой системы наиболее четко прослеживаются в венгерском (-k, -m, -l, -d, ɔ, -ja/-l, -ik) и селькупском (-k, -m, -ntɜ, -l, ɔ, -tɜ, ?-ɜk) языках.

2. Действие следующих правил употребления различных типов спряжения: а) только Subj. (или Refl.) при v1; б) Obj. при vt с опущенным прямым дополнением (ПД); в) Subj. при vt с ПД, выраженным личным местоимением I-2 л.л.; г) Subj. при vt с неопределенным ПД; ? д) Obj. при vt в предложениях с порядком слов, отличным от SOV.

3. Образование каузативных (куративных) глаголов с помощью сложных показателей, образованных двумя суффиксами транзитивизирующего (общепереходного) значения. Ср. венг. -tat/-tet, -lat/-let, -lal/-lel; манс. -lapt-,

-rapt-; хант. *-tɔlt-, *-tɔrpt-, *-ltɔrpt-; нен. -rapt-,
-lapt-; эн. -tara-рґан. -ruptu-, -luptu-; сельк. -talt-,
-rait-, -allalt- (< *-altalt-); компонентами этих показате-
лей являются урал. *-lt-, *-rpt-, *-tt-.

4. Использование коаффикса n (вероятно, = урал. Gen.
*-n) в показателях местных (особенно лативных) падежей. Ср.
венг. -nott/-nött/-nett (-nitt), -nál/-nál, -ni (-nyi),
? -nak/-nek, ? -nál/-nél; манс. -nâ, -n (Lat.), -nâl (Abl.),
? -nât (Comit.); хант. -na (Lat.), -nat, -na/-nâ (Instr.),
? -niŋet (Comp.), ? -nam (All.); самод. *-nts (Lat.), сельк.
-ni/-nik/-niŋ (Dat.-All.).

5. Использование частицы *ki ("душа-тень" → "сам" →
"же") в сфере личных местоимений (манс. ankî "я сам" и под.)
и специально - в качестве супплетивной основы Acc. формы
Acc. строились по структурной модели "Pron. Pers. + *ki +
Pn", ср.: венг. engem "меня" < *ãñn-ki-m(э), tégéd "тебя"
< *tãñ-ki-nts, mind(et) "нас" < *mi-ki-mak, titék(et) "вас"
*ti-ki-tak; сельк. (n-)ãñm "меня" < *(mãñ-)ki-m(э), (ta)ãñn-
ti "тебя" < *(tãñ-)ki-nts и т.д.; нен. (mãñ) ãñmi "меня" <
*(mãñti) kit-mi и т.д.; эн. (moñi) ãñi "меня" < *(mãñti)
ki-mit и т.д. Ср. также манс. amkãñm, smãñkãm "меня само-
го" < *ãm(i)-ki-m(э) и т.д.

6. Разграничение атрибутивной и неатрибутивной форм
числительного "2", из которых первая является прямым про-
должением урал. *kãktã, а вторая осложнена показателем Du.
*-kz. Ср. венг. két~kettõ, манс. kit~kitij, хант. kãt~
kãtkãn, сельк. ãittij~ãittãqï, нен. ãidã~ãidãxaï, кам. ãi-
de~ãidãge.

7. Возможно, специфический способ фонетической реали-
зации сибиллянтов */s/, */š/, */š/, обусловивший в дальней-
шем общее угорско-самодийское развитие *s, *š > *š, *š > *s.

Не исключено, разумеется, что какие-то из этих особен-
ностей были общеуральскими и случайно утрачены финно-перм-
скими языками - в пользу этого говорят некоторые проблема-
тичные ностратические (и.-е.) параллели. Однако признание
всех указанных черт общеуральскими, равно как и отнесение
угорско-самодийских параллелей только на счет вторичных
ареальных контактов, было бы, на наш взгляд, несторожным.

СТРУКТУРА И ФУНКЦИЯ ФОРМ ОБЛАДАНИЯ В АЛТАЙСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Выражение идеи владения каким-либо предметом в ал-
тайских языках - т.-ма.(тунгусо-маньчжурских), мо.(монголь-
ских), тюрк.(тюркских) - является функцией имени и осущест-
вляется двумя группами морфологических средств.

2. Первую группу составляют формы, которые служат для
передачи представления о принадлежности тому или иному ли-
цу; с их помощью предмет обладания характеризуется по обла-
дателю, ср. эвенк. мурина-ми, бур. мори-м(ни), башк. ат-м-м
"мой конь"; сюда же эвенк. эр мурина минçи, бур. энэ мори(н)
миници, башк. был ат минеке "этот конь мой". Эти притяжа-
тельные или поссесивные образования обязаны своим происхож-
дением личным местоимениям (генетически общим для упомяну-
тых трех подсемей).

3. Вторая группа, являющаяся предметом нашего рассмот-
рения, используется при характеристике обладателя по пред-
мету обладания/необладания, типа "я конный", "конный чело-
век" = "человек, имеющий коня", ср. также "речная рыба" (I
гр.) - "рыбная река" (II гр.). Эта особая, характерная для
алтайских языков, лексико-грамматическая категория совмеща-
ет в себе функции формообразования и словообразования.

4. Исторически показатели обладания связаны с падеж-
ными аффиксами и послелогоми совместно-сопроводительной се-
мантики, а также с формами множественности-совокупности.
Данные алтайских языков позволяют наглядно представить со-
отношение этих сходных по значению, имеющих общие истоки, но
используемых с различными грамматическими нагрузками единиц,
ср.:

а) * -луға, -лүгэ

мо.: афф.совм.п. -луға, -лүгэ; п.-мо. морин-луға "с ло-
шадью", "с конем"; сюда же афф. -луға, -лүгэ прош.вр.п.

тюрк.: афф.облад. * -лур, -лүг, -лыр, -лиг; др.=тюрк.атлыр
"лошадный", "конный"; сюда (?) др.=тюрк. ула- "присоеди-

нять", улар ~ улур "соединение".

т.-ма.: орок.аф.облад. -лу, -ллу, напр., аси-ллу "имеющий жену", "женаты"; сюда же аф.облад. -лкан, -лкэн: эвенк. восст. мурилкан, эвен. муралкан, нег. мойилкан "лошадиный", "конный"; ма.аф.облад. -ңга, -ңгэ: мори-ңга "конный", "всадник".

б) гэли

т.-ма.: на.совз гэли "еще", "вместе"; сол.аф.совм. п. -гилй - ашй-гилй "с женой", зуг-гилй "вместе с домом", эвенк. аф.совм.п. -гали, -гэли, -калй, -кэли, -чалй, -чэли - ашй-гали-ви "со своей женой"; эвен. -гли - лача-гли "с Васей"; нег.аф.облад. -гали, -гэли - ниуктэ-л-гэли-вэ-н "вместе с волосами".

Сюда же (?): тюрк. кел-, гэл- "приходить", "подходить", "соответствовать"; аф.деепр.относительного вр. -галы, -гэли, -калы, -кэли; аф.причастия бл.жайшего буд. -галир, -гэлир, -калыр, -кэлир.

Сюда же: мо.аф.числит.распределит. * -гал, -гэл > -вал, -гэд (ср.-мо. нийи'ел "по одному").

в) ту

мо.: аф.облад. * -у, -ту; п.-мо. мори-ту "лошадиный", "конный";

тюрк.: др.-тюрк. ту "весь", "каждый", "всякий"; ту ту, тур-луг "разнообразный, различный";

т.-ма.: аф. -ту, -ту; ма. кэси-ту "счастливец"; аф.собирает.исчерпывающий - нан. илан-то/-ту "все трое", нан. илан-то-зи-ри, ульч. илан-ту-насар-зи-ри "все втроем"; ср. нан., ульч. хэм "все", нан. хэк-ту, хэм-ту-зи-ри, ульч. хэмту-цэсэ "все без исключения"; п.-мо. камту "вместе, сообщая", камур "весь, все"; др.-тюрк. камар-, камыр, каму, камур "весь, все, целый, полный", "все без изъятия, все в совокупности"; камур турлуг "всевожможный, всякий, любой".

Сюда же эвен. Арм. аф.облад. -тур - оро-тур "многочисленный"; ср.: др.-тюрк. тур- обк- "скапливать".

г) * -тай, -тэй

мо.: аф.облад. и аф.совм.п. * -тай, -тэй: п.-мо. мори-тай "лошадиный", "конный", "имеющий коня", морин-тай "с лошадей, с конем".

т.-ма.: аф. * -тай, -тэй (< мо.) + эвенк.аф.облад. -тай, -тэй - хутэ-тэй-вэ-н "с его сыном"; сол.аф.совм.п. -тэ - нинахин-тэ-ви "со своей собакой"; ма.аф.наречий (деепр.ч. многократ.) -тай, -тэй - эргэлэ-тэй "наильно". Сюда же аф. мн.ч. -та, -тэ-, -то: ма. ама-та "отцы"; эвенк., эвен., нег.аф.числит.распредел. -тал, -тэл, ма., уд., ульч. -та, -тэ - ила-та-л "по три".

Сюда же (?) др.-тюрк. послелог тег ~ теги ~ тегу "до", тег- "достигать", "иметь отношение, касаться", тегма "каждый", тегма бири "каждый в отдельности".

д) *зи(й)-и > *зи

т.-ма.: аф.твор.-совместн.п., качеств.наречия, числит. собир., деепричастий; эвенк. адил-и-л-зи, нан. адолесал-зи "сетями" (ловить), эвенк.мурин-зи, нан., ульч. моринзи "кошем", "на коне", нан.сэлэ-зи "из железа" (сделать), эвенк., нан., ульч. тургэн-зи "быстро", нан., ульч. илан-зи-ри "втроем", эвен. эм-ри-зи(и) "придя", нан. ичэ-й-зи-и /гэсэ/ "увидя", "как только увидел", ср.эвенк. ичэ-кэсэ "увидя".

мо.аф.деепричастия соединительного * -зи, * -зу и прош.вр. Ш. * -зи(и), -зи(и), -зу(и), -зугу(и), -зугу(и), -зук(и); п.-мо.ирз-зу "приходя", ирз-зу-куи "пришел".

Сюда же: др.-тюрк. инг-, иди- инг- "собирать"; п.-мо. зигэ "внук, внучка, племянник, племянница (по женской линии); ма., нан., ульч.зи = "приходить", "приближаться", нан. ульч. зиза "близко".

е) * -ку, -кү

т.-ма.аф.обладания: *ку, -кү - нан. -ку, -кү, ульч. -чу, -чу (< -кү), ороч. -ки, уд. -хи, (?) эвенк., нег. -чи, эвен. -пчи, -пчун, ср.: нан. пиктэ-ку, ульч. пиктэ-чу, ороч. хитэ-ки, уд. ситэ-хи, эвенк. хутэ-чи, нег. хутэ-чи "имеющий детей", эвен. хутэ-пчи, хутэ-пчу "многолетний"; сюда же ма. а-кү "нет", "не", "без", ср. байта аку-байтаку "бесполезный".

Сюда же (?): п.-мо. кура-, др.-тюрк. кубран-, кубра(н)- "собираться", "сходиться"; п.-мо. кбчин, эвен. кубэч, бур. хуу "весь", "все".

5. Приведенные в п.4 шесть групп (а, б, в, г, д, е) алтайских форм с показателями обладания легко адъективируются (тюрк., мо.) и, с присоединением аф. мн.ч., субстантивируются.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ТЕНДЕНЦИИ К ОТКРЫТОМУ СЛОГУ
В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

1. Согласно правилам функционального слогаделения, в инлауте "к предшествующему слогу относятся все, что допустимо в конце слова, плюс то, что недопустимо в начале слова"¹. Если это правило содержательно, то а) в языках, в которых слова могут оканчиваться на согласный, допускаются закрытые инлаутные слоги (иначе: не должно быть языков, в которых бы все слоги, кроме конечных, были бы открытыми); б) языки, не допускающие конечных закрытых слогов, не должны допускать их также в середине слова.

2. Типологический анализ показал, что а) действительно не существует языков, в которых бы все слоги в инлауте были бы только открытыми, а в конце слов — и открытыми, и закрытыми; б) даже среди языков с конечными открытыми слогами состояние открытых слогов достаточно редкое явление (нет в Австралии и Индии, встречается в языках Новой Гвинеи, обычно в языках банту); в) в языках с исключительно открытыми конечными слогами инлаутные слоги могут быть закрытыми только сонорными или сонорными и геминатами; г) если в языке слова оканчиваются только на гласные и сонорные (все или некоторые), то в инлауте слов данного языка могут быть слоги, закрытые теми же согласными, которые допускаются в конечной позиции.

Языки без конечных согласных и с инлаутными слогами, закрытыми сонорными или сонорными и геминатами, а также слогами, закрытыми в инлауте и ауслaute исключительно сонорными (при возможных интервокальных геминатах), характеризуются как находящиеся в предсостоянии открытых слогов.

3. Обращение в диахронию установленных типологических закономерностей дает следующие правила:

— отпадение конечных согласных неизбежно приводит к

усилению инлаутных слогов, закрытых не сонорными; иные преобразования, обычно связываемые с тенденцией к открытому слогу, могут и не произойти;

— процесс отпадения конечных согласных не обязательно охватывает конечные сонорные;

— упрощение инлаутных групп согласных после отпадения конечных согласных может привести к возникновению геминат;

— следовательно, тенденция к открытому слогу приводит или к предсостоянию, или к состоянию открытых слогов;

— учитывая то, что языки открытых слогов достаточно редкое явление, хотя открытые слоги преобладают во всех языках мира, можно утверждать, что состояние открытых слогов не является устойчивым и что оно не может быть следствием спонтанной генерализации открытых слогов;

— так как в языках в состоянии и предсостоянии открытых слогов обычно допускаются начальные неприкрытые слоги, то становление тенденции к открытому слогу не означает "тенденцию к образованию слогов типа CV".

Перечисленные характеристики тенденции к открытому слогу составляют ее динамическую модель, в которой описываются типологическое пространство (возможные исходы) этой тенденции, ее типологическое древо (структура), а также связи с предшествующими и последующими изменениями.

В рамках тенденции к открытому слогу взаимосвязаны отпадение конечных согласных и устранение закрытых внутренних слогов; все остальные изменения, происходящие в ходе ее развития, являются сопутствующими. Таким образом, само отпадение конечных согласных нельзя считать результатом действия тенденции к открытому слогу, поскольку до отпадения ее просто не существует.

4. Анализ исторических данных о становлении предсостояния открытых слогов в пракрытах, диалектах народной латвии, во французском и хотаносаксонском языках, а также состояния открытых слогов на самом позднем этапе развития праславянско-го показывает, что структура исследуемой тенденции в индоевропейских языках соответствует тем представлениям, которые складываются о ней на основании фактов типологии. Реа-

¹ Курилович Е. Вопросы теории слога. — Очерки по лингвистике, М., 1962, с. 272.

лизация ее, безусловно, в каждом конкретном случае отличается некоторым своеобразием. Прежде всего это касается последовательности, с которой тенденция к открытому слогу проявляется в том или ином языке. В принципе, например, слова итальянского языка оформляются так же, как в наги и пракрытах; несущественны различия в данном отношении между этими языками с одной стороны и хотаносакским, позднелатинскими говорами, французским языком XVI в. с другой, только в первом случае в гчлауте допускаются гминаты и слоги, закрытые сонорными, а во втором — исключительно слоги, закрытые сонорными.

• Рассмотренные примеры становления диахронической тенденции к открытому слогу наглядно свидетельствуют об отсутствии причинно-следственных отношений между основным и сопутствующими изменениями, составляющими эту тенденцию. В то же время исключено, чтобы в языке сложилась и развилась тенденция к открытому слогу, во при этом осуществились бы только основные изменения. Следовательно, универсалией является само наличие сопутствующих изменений этой тенденции, а набор их и последовательность осуществления варьирует от языка к языку.

Б. Типологическую ситуацию, в которой происходит развитие тенденции к открытому слогу можно понять, выяснив общие причины отпадения конечных согласных. Обосновывается положение о том, что устранению конечных согласных способствуют внешнее сандаи и ограниченное количество согласных, допускаемых в данной позиции.

Ф О Н О Л О Г И Я ,
А К Ц Е Н Т О Л О Г И Я
И
Т О Н О Л О Г И Я

ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ ГИПОТЕЗА ГЕНЕЗИСА ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ АКЦЕНТНЫХ СИСТЕМ

Акцентная система, реконструируемая на основе славянских и балтийских фактов, характеризуется следующими чертами:

А к ц е н т н ы е т и п ы. У неизпроизводных — две акцентные парадигмы (а.п.): 1а.п. — неподвижная с постоянным ударением на корне; 2а.п. — подвижная, включающая два типа словоформ: а) формы с ударением на окончаниях, б) формы-*enclitomena*, безударные в большинстве фразовых позиций, но в абсолютной позиции получающие начальное ударение. У производных — три акцентных типа: тип А — неподвижное ударение на корне, тип В — неподвижное ударение на суффиксе, тип С — подвижное ударение (= 2а.п.).

В ы б о р а к ц е н т н ы х т и п о в. У неизпроизводных а.п. традиционны, т.е. каждой основе присуща одна из двух а.п., которая не предсказывается какой-либо информацией, исходящей из синхронной системы языка. Выбор акцентных типов производных определяется двумя параметрами: а.п. производящего и классом суффикса (по характеру влияния на выбор суффиксы делились на два класса — I и II) — и производился следующим образом: от основ 1а.п. независимо от класса суффикса выбирался акцентный тип А, от основ 2а.п. при суффиксах I класса — тип В, т.е. тип, при котором были словоформы с ударением на окончании и словоформы-*enclitomena*, при суффиксах II класса — тип С, в котором иктус был привязан к суффиксу.

На эту систему акцентных типов налагалась система фразовых модификаций акцента энклиноменов, анализ которой приводит к выводу, что формы-*enclitomena* следует рассматривать как фонологически безударные формы.

Такой тип акцентной системы получил в обиходе московской акцентологической школы обозначение "парадигматический тип акцента" (или "парадигматический акцент"). Традиционность выбора а.п. неизпроизводными была названа первым принципом парадигматического акцента, обусловленность выбора акцентных типов производных акцентными типами произ-

водящих — вторым принципом парадигматического акцента. Акцентные системы, у которых удается проследить оба принципа, обозначались как "нередуцированные" системы парадигматического акцента, акцентные системы, у которых прослеживается лишь первый принцип, — как "редуцированные" системы парадигматического акцента.

"Нередуцированный" характер балто-славянской системы позволяет сделать выводы о глубинной структуре такой системы. Между, казалось бы, разнородными характеристиками обсуждаемой системы: традиционностью выбора а.п. неизпроизводных, правилами выбора а.п. у производных, видом акцентных кривых, фонологическим статусом форм-энклиноменов, очевидно, существует глубинная связь.

Тот факт, что традиционная а.п. неизпроизводных определяет выбор акцентных типов производных, указывает на то, что именно корневой морфеме (а не основе или слову в целом) следует приписать некое морфонологическое качество — "валентность", определяющее выбор акцентного типа, при этом таких "валентностей" оказывается две: одна из них определяет место иктуса на корне как в неизпроизводных, так и в производных ((+) — валентность), другая не определяет (—) — валентность). Этому разбиению корневых морфем соответствует разбиение суффиксов: II класс суффиксов определяет постановку иктуса (при корневой морфеме с (—) — валентностью), это класс первой, т.е. (+) — валентности; I класс суффиксов не определяет постановку иктуса, это класс второй, т.е. (—) — валентности. Наконец, анализируя отношения в акцентной кривой подвижного типа, мы видим, что эти же валентности могут быть приписаны морфемам окончаний: окончаниям, несущим на себе иктус (при корнях и суффиксах второй валентности), может быть приписана валентность первого типа (равная валентности корней неизпроизводных имен и глаголов 1а.п.), окончаниям безударным (при корнях и суффиксах с второй валентностью) — валентность второго типа. Важным моментом, подтверждающим это разбиение, является тот факт, что словоформы, состоящие исключительно из морфем с валентностями второго типа, т.е. с (—) — валентностями, обладали фонологическим статусом безударности.

Очевидно, что между валентностями существует иерархическая зависимость, которую можно определить как отношение "доминантности - рецессивности": при наличии морфемы первой, т.е. (+)-валентности, положение иктуса определяется ею независимо от наличия, количества и расположения относительно нее морфем второй, (-)-валентности.

Исходя из этой иерархии, легко получить правило постановки иктуса в балто-славянском, которое при учете всех комбинаций морфем может быть наиболее экономно сформулировано следующим образом: иктус ставится на первую морфему высшей валентности. Это правило описывает и случаи, когда словоформа состоит из морфем разной валентности (1. *lən-est-ŋ-jŋ*, *məx-ov-ŋ-j-e*, *mold-ŋ-ŋ-mə*, *slad-ŋ-ŋ-mə*; 2. *star-est-ŋ-jŋ*, *bəg-ŋ-ŋ-jŋ*, *məd-ŋ-ŋ-ŋ-jŋ*, *məd-ŋ-ŋ-ŋ-a*; 3. *kəz-ŋ-jŋ-jŋ*, *stol-ŋ-ŋ-ŋ-ŋ-jŋ*, *ŋbrn-ŋ-ŋ-ŋ-ŋ-ŋ* (gen.pl), *ŋbrn-ŋ-ŋ-ŋ-ŋ-ŋ-mə*, *ŋen-estv-ŋ-ŋ-est-ŋ-jŋ* и под.), и случаи, когда словоформа состоит из морфем одинаковой валентности (1. *star-ŋ-ŋ* (gen.pl), *brŋux-ŋ-ŋ-ti*, *vy-ŋ-ŋ-a-ti*; 2. *lən-ŋ*, *lən-est-ŋ*, *lən-est-ŋ-ŋ*, *krŋv-ŋ-ŋ*, *ŋb-krŋv-ŋ-ŋ-ŋ-ŋ*).¹ Однако в этом правиле экономично не выражены два момента, которые означаются патлами при типологическом сопоставлении подобных систем: 1. тождественность, соответственно нетождественность, правил постановки иктуса при последовательностях морфем (+)-и (-)-валентностей, 2. отношение иктуса к разрыву последовательности (+)-морфем морфемными (-)-валентности. Эксплицируя эти моменты, мы получим правило: иктус ставится на начало первой последовательности морфем высшей валентности (при словоформах, состоящих исключительно из морфем (-)-валентности, иктус падает на начало последовательности таких морфем).

Поиски подобных типичных систем с тонологически выраженными валентностями приводят к выводу, что такого рода отношения устанавливаются между иктусом и слоговыми тонами в ряде тотальных языков. Наличие случаев, переходящих между системой слоговых тонов и системой парадигматическо-

¹ В качестве примеров приведены праославянские формы, праославянская реконструкция представляет собой в принципе тождественную систему парадигматического акцента.

го акцента (например, тубу, язык центральносахарской семьи, в котором, по-видимому, возникает система акцентных парадигм при затухании слоговых тонов)² позволило продвинуть гипотезу, согласно которой балто-славянская акцентная система является отображением индоевропейских тонов.

Важным этапом в обосновании тонологической гипотезы происхождения балто-славянской акцентной системы явилось типологическое сопоставление ее с западнокавказскими акцентными системами: абхазской и убыхской. Анализ последних показал, что они могут быть описаны при помощи двух валентностей (+, -) и контурного (иктусного) правила, согласно которому иктус ставится на конец первой последовательности слогов высшей валентности. Словоформы, состоящие из слогов низшей, т.е. (-)-валентности, имеют иктус на конечном слоге (см. В.А. Дубо. Западнокавказская акцентная система и проблема ее происхождения. - Конференция "Ностратические языки и ностратическое языкознание". Тезисы докладов. М., 1977, его же. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента. "Кузнецовские чтения 1973. История славянских языков и письменности". М., 1973). Осенью 1977 г. С.А. Старос-

² См. J. Lukas. Die Sprache der Tubu in der zentralen Sahara. Berlin, 1953. Правило постановки иктуса в тубу аналогично балто-славянскому: иктус ставится на первом высокотональном слоге. Что касается морфонологически полностью низкотональных последовательностей, то на тонологическом уровне они, вероятно, уже в прототубу-канури были утрачены в результате развития "контрастного" высокого (нисходящего) тона в конце таких последовательностей (ср. тональные схемы глаголов в тубу и канури). Таким образом, если на морфонологическом уровне требуется введение дополнения: в низкотональных словоформах иктус ставится в конце словоформы (следует предварительно вынести за пределы словоформы ряд вторично присоединенных к ней частей), - то на фонологическом и фонетическом уровнях достаточно применения общего правила. Ряд отклонений от морфонологически предсказываемого места ударения объясняется утратением уже в прототубу-канури некоторых тональных схем. Например, отмеченное Лунасом (стр. 43) передвижение иктуса в производных прилагательных объясняется общетубу-канури процессом $\rightarrow$ $\rightarrow$ $\rightarrow$, ср. тона $-d\acute{e}$ 'сильный' из $d\acute{e}na$ 'сила' ($*d\acute{e}na - d\acute{e} *d\acute{e}na - d\acute{e}$, ср. канури $d\acute{u}nd$ 'сила'), но $n\acute{a}rge - d\acute{e}$ 'рванный' от $n\acute{a}rge$ 'разрыв' ($*n\acute{a}rge - d\acute{e}$, ср. канури $n\acute{a}rue$ 'трещина').

тин обнаружил, что в тапантском диалекте абазинского языка, имеющем в основном тождественную абхазской систему парадигматического акцент, в ударном слоге противопоставлены два тона, высокий и низкий. Оказалось, что правило постановки на ударном слоге высокого или низкого тона зависит от того, какую валентность имеет данный слог: при (+)-валентности выступает высокий тон, при (-)-валентности — низкий. Таким образом, тонологическая гипотеза происхождения западнокавказских акцентных систем может считаться в настоящее время доказанной. Очевидно, что тапантская акцентная система представляет этап, при котором тоны в безударных слогах потеряны и иктусовые правила уже не зависят от тональной структуры словоформы, но на ударном слоге акцентуационные валентности еще имеют фонологическое выражение в виде тонов.

Сопоставление западнокавказских акцентных систем с балто-славянской имеет тем большее значение, что здесь мы встречаемся с нетривиальностью типологической аналогии: различные контурные правила при наличии одинаковых систем валентностей. Срегулированность этих правил с началом (в одном случае) и с концом (в другом случае) последовательности гласных (и, соответственно, с началом и концом слова при однородном по +/- составе словоформы) заставляет предполагать, что в обоих случаях мы имеем дело с фонологизированной деформацией разных типов демаркационного акцента (в балто-славянском — начального, в западнокавказских — конечного) под влиянием просодических характеристик, которые имеют свойство находиться к иктусу в отношении "доминантности — рецессивности" (в достаточно отчетливом виде такое свойство обнаруживается лишь у тонов).³

³ Имеются тональные языки, в которых при различных последовательностях тонов используются разные иктусовые правила. Так, в языке усаруфа (Новая Гвинея) иктус ставится в конце платформы низких тонов (если словоформа полностью низкотональна), но в начале платформы высоких тонов (соответственно на одиночном высокотональном слоге), если словоформа состоит из высокотональных слогов или включает в себя высокотональные слоги, однако, если словоформа, начинаясь платформой высоких тонов заканчивается низким тоном, иктус ставится на последнем высокотональном слоге (см. "Studies in New Guinea Linguistics", Sidney, 1962, стр. 114,

Одной из основных ошибок "классической" балто-славянской и индоевропейской акцентологии представляется стремление вывести нередуцированную балто-славянскую систему парадигматического акцента из реконструкции, построенной на материале редуцированных систем парадигматического акцента: греческой и древнеиндийской. Таким образом, дело сводилось к попыткам вывести из сильно деформированных акцентных систем, в которых трудно непосредственно уловить какой-либо единый принцип построения, акцентную систему, построенную во всех своих частях на исключительно четком (едином) принципе, находящем типологическое подтверждение в целом ряде подобных же акцентных систем. Пренебрежение этим "поверхностным" наблюдением закономерно приводило к тому, что проблема реконструкции индоевропейской просодической системы подменялась конструированием переходов от априорно принятой точки отсчета. При таком подходе из поля зрения исследователей естественно выпало то, что между индоевропейскими акцентными системами при всем их сходстве и материальной близости одно-однозначное соответствие отсутствует, а разные части языковых систем образуют специальные акцентологические соответствия. Отмеченная ситуация, явно указывая на единый источник всех индоевропейских систем парадигматического акцента, вероятно, свидетельствует о достаточно сложных процессах перестройки индоевропейской тональной системы, о формах и явлениях которой эти акцентные системы, по-видимому, являются.

материал также на стр. 115-127). Объясняются ли эти правила как результат деформации какого-либо типа демаркационного акцента, может показать лишь специальное исследование. К сожалению, такие системы плохо описаны.

ТОНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЯЗЫКАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

1. Тоны представляют собой одну из наиболее характерных признаков языков Юго-восточной Азии. Наличие тонов и специфическая слогоморфемная структура языков этого ареала долгое время давала основание для утверждения относительно их генетического родства. А. Конради в конце прошлого века еще считал, что тоны являются исконным признаком этих языков, унаследованным от их древнейшего состояния. Он же первым в европейской науке сформулировал закон зависимости регистра реализации тона от глухости или звонкости начального согласного слога.

2. Современные экспериментальные исследования языков различного строя показали, что основной закон зависимости реализации тона от качества начального согласного не является особенностью языков Юго-восточной Азии, а представляет собой универсальное явление. Все звонкие согласные характеризуются наличием специальной форманты низкой частоты, которая является причиной более низкого произношения любого слога со звонким начальным согласным. Эта чисто акустическая зависимость высоты произнесения слога от качества начального согласного является универсальным свойством вообще всех языков, однако наиболее благоприятным условием для формирования тонов является простая структура слога без больших стечений согласных в начале и конце и четкое выделение слогов в речевом потоке, что чаще всего встречается в языках со слогоморфемной структурой, где каждый слог, как правило, имеет некоторое собственное значение.

3. Ясное осознание различия произношения слогов с глухими и звонкими начальными согласными имело важное значение для формирования тонов в языках Юго-восточной Азии. Противопоставление слогов высокого регистра с глухими начальными согласными слогам низкого регистра со звонкими начальными согласными составило отправную точку развития тональных систем в языках этого ареала. В тайских языках филологическая традиция различает не два, а три регистра

произношения слогов, зависящих от качества начальных согласных: слоги высокого регистра, с глухими начальными согласными, слоги низкого регистра со звонкими начальными согласными и слоги среднего регистра с глухими придыхательными начальными согласными.

4. Развитие фонологических систем языков Юго-восточной Азии, проходившее в условиях явного осознания наличия двух регистров произношения слогов, часто приводило к тому, что регистры, которые были иррелевантны при сохранении противопоставления глухих согласных звонким становились релевантными признаками слога при исчезновении звонких согласных. Так регистровые иррелевантные признаки могли превращаться в релевантные тональные признаки, а регистры произношения в самостоятельные тоны.

5. Не менее важную роль в тоногенезе языков Юго-восточной Азии сыграли также и конечные согласные слогов. Конечные согласные в силу своей слабой позиции в конце слога имеют тенденцию к превращению в импloffивные, а затем и к полному исчезновению. При этом исчезновение конечных согласных в слогах языков Юго-восточной Азии редко проходит бесследно для слога в целом. В одних случаях это исчезновение сопровождается изменением характера слогаобразующего гласного, в других случаях - его дифтонгизация, в третьем случае - появление нового тона слога.

6. Конечные омичные в слогах языков рассматриваемого ареала способствуют развитию кратких обрывающихся тонов. Таким, например, является так называемый "входящий тон" среднекитайского языка, который встречается и в современных диалектах. Но современным описаниям этого тона его реализация зависит от начального согласного слога, но контур во всех случаях остается постоянным. Однако в тибетском языке наличие конечного согласного уже могло оказывать влияние на контур тона слога в целом. Конечные целевые также способствовали формированию тонов в языках Юго-восточной Азии. В китайском языке до III века н.э.

на конце слога мог находиться конечный согласный -S , который в дальнейшем отпал и в слогах с этим конечным согласным развился специальный так называемый "уходящий тон", который, несомненно, не был ровным. Примечательно, что и в тибетском языке отпадение конечного -S привело к тому же результату.

Таким образом, различные сочетания начальных и конечных согласных привели к образованию различных контурных и регистровых комбинаций, составивших современные тональные системы языков Юго-восточной Азии.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СВЯЗЬ АКЦЕНТОВ И ГРАММАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ СЛОВА

1. Более ста лет потребовалось для выявления связей акцентов с другими явлениями. Важнейшие моменты установления соответствий -

- 1845 - словесное ударение в разных языках, - (Бенфей);
- 1875 - словесное ударение и качество согласных, - (Вернер);
- 1876 - слоговые акценты в разных языках, - (Куршат);
- 1878 - слоговые акценты и сочетания с плавными, - (Ф.Ф.Фортунатов);
- 1889 - слоговые акценты и словесное ударение, - (Де Соссюр);
- 1912 - слоговые акценты, придыхательность согласных и ларингалы, - (Кюли);
- 1931 - слоговые акценты, количество гласных и морфемный состав слова, - (Курилович);
- 1966 - слоговые акценты и качество фонем, - (С.Д.Кацнельсон);
- 1968 - словесное ударение и просодические свойства морфем, - (В.А.Дыбо);
- 1969 - просодические свойства морфем и тип флексии, - (Шиндлер).

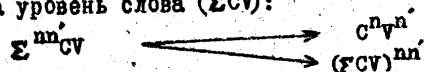
2. Установление многосторонних связей акцентов стало возможно с углублением исторической перспективы, достигнутым путем внутренней реконструкции.

Принципиальным был шаг от реконструкции, основанной на этимологических корреспонденциях, к реконструкции движения фонологических систем и других частей языкового строя. Поскольку языковое состояние способно не к одной, а к ряду трансформаций, восстановление предшествующих состояний требует проверки на маргинальных явлениях этимологического

фонда и, - где возможно, - в косвенной передаче и во внешних свидетельствах. Например, вывода армянский консонантизм из системы типа древнегреческого, можно найти этому подтверждение в собранных Г.Б.Джаукяном этимологиях без переноса согласных.

Это значит, что в языке представлены сочетания хронологических компонентов, их совокупность же определяет предел реконструкции.

3. Наблюдаемые в многотысячелетнем развитии связи акцентов с другими явлениями находят объяснение в сдвигах дифференциальных признаков ($\overset{n}{n}$, $\overset{n}{n}$, $\overset{n}{n}$ ...) со слогового уровня (Σ) на уровень гласных (V) или согласных (C) фонем, а также на уровень слова (ΣCV):

Так, признак, характеризующий на слоговом уровне резкий акцент, с переходом в состав согласной обуславливает ее придыхательность.

Другая сторона такого движения признаков - "укрепление" (возможно, и возникновение) фонем вследствие взаимного смещения слоговых и морфемных границ, т.е. вследствие консолидации многоморфемного слова. Иначе говоря, формирование индоевропейского слова тернарной морфологической структуры сопряжено с трансформацией звукового строя языка. К усилению внутреннего единства слова ведет и сдвиг признака (силы, напряженности) со слогового уровня на уровень слова, например, замещение имманентных просодических свойств морфемы (первоначально, вероятно, равной слогу) акцентным контуром слова.

4. Ориентированное на морфологию понимание истории акцентов как мутаций признаков ведет к тому, что важнейшим критерием для классификации индоевропейских языков оказывается сохранение признака ларингальности/резкости на слоговом уровне, противостоящее сдвигу его на уровень консонантический. Сдвиг этого признака происходил, как показывают результаты, дискретно: языки с исконно четырехрядным ($T : D : TH$) консонантизмом (индоиранские) отделены от

"древнеевропейских" (Alteuropäisch) языков с исконно трехрядным консонантизмом ($T : D : TH$). Мутации признака силы позволяют судить об относительной хронологии.

Классификация, основанная на принципе фонетико-морфологическом, ждет проверки и коррекции путем применения другого принципа, - в первую очередь, критерия формирования глагольного строя индоевропейских языков в его гомогенном разнообразии.

К РЕКОНСТРУКЦИИ ЧИНСКОЙ ТОНОВОЙ СИСТЕМЫ

Чинские (или куки-чинские) языки составляют одну из групп китайско-тибетской семьи, возможно, вместе с языками нага. Из нескольких десятков чинских языков тоны описаны только в трех: сизанг, тиддим и лушер (материалы по последнему оказались недоступными). Ниже для удобства сравнения используется нумерация тонов, отличающаяся от принятых в описаниях этих языков. Тоны сизанга: 1 - ровный низкий; 2 - восходящий; 3 - падающий; 4 - ровный высокий. Слоги с кратким гласным, оканчивающиеся на шумный согласный (р, т, к), имеют обычно только тоны 3 и 4. Тоны тиддима: 1 - ровный; 2 - восходящий, перед паузой завершается гортанной смичкой; 3 - падающий. В слогах с кратким гласным, оканчивающихся на шумный согласный (р, т, к и отсутствующий в сизанге ?) противопоставление по тону отсутствует. Перед ? долгие гласные всегда сокращаются, поэтому в слогах на ? противопоставление по тону отсутствует всегда. Тоны лушер: 1 - ровный высокий; 2 - ровный низкий; 3 - восходящий; 4 - падающий. Сведений относительно тонирования слогов с кратким гласным, оканчивающихся на шумный согласный, у нас нет.

На основании данных этих языков П. Бенедикт реконструировал для праиндоевропейской четырехтоновую систему: *1 - с.1, т.1, л.1; *2 - с.3/4, т.2/3, л.3; *3 - с.2, т.2, л.2; *4 - с.2, т.3, л.4. К сожалению, лексические сопоставления, подтверждающие реконструкцию, почти не приведены.

Мы получили следующие соответствия между сизангом и тиддимом: с.1 - т.1; с.2 - т.2; с.3 - т.3; с.4 - т.2/3 (в равном числе примеров) или 1 (редко); т.-? - с. открытый слог с тоном 4. Ниже приведен лексический материал, подтверждающий соответствия. Первое - слово сизанга, второе - тиддима. Когда они полностью совпадают, общая форма выписывается только один раз. Тон не обозначен при каждом отдельном слове, так как каждый раз указывается, на какое

тоновое соответствие приведены данные примеры. Из-за ограниченности доступного материала число примеров невелико.

С.1 - т.1: āk 'курица', ū 'старший брат', hiŋ 'живой', tsaŋ-xaj 'рождать, вырастать', khāi-xāi 'повесить', khī-xī 'лавищий олень', khua-xua 'деревня', khoi-xoi 'выращивать, кормить', ŋan-gan 'животное', ŋam-gam 'суша, округа', ŋūl-gūl 'змея', tūi 'бежать', tua 'тот', tōp-tōp 'кончать', thū-xū 'дух', thī-xī 'умирать', dāk 'гонг', sūŋ 'быть выскоким', san 'красный', sūi 'слон', siel-siel 'вид животного', suŋ 'в', zūŋ 'рано', nū 'болеть', nī 'день', nui-nūi 'смениться', lām 'танцевать', pal 'рано', pai 'идти', pū 'разговаривать', pū 'отец отца', pō-pou 'расти', māŋ 'начальник', vom 'медведь'. С.2 - т.2: an 'еда', It 'любить', in 'дом', en 'смотреть на', om 'быть', hun 'время', huan 'варить', kāp 'стрелять', kīk 'снова', kuan 'идти работать', tā 'сын', tō 'показатель множ.числа', tuŋ 'наверху', thā 'сила', thāk-xāk 'послать (сообщение)', thū 'рассказ', sū 'мясо, животное', sūt 'быть', sam 'звать', suak 'появляться', zā 'слышать', zō-zou 'мочь, побеждать, кончать', zō-zou 'кончать', paŋ 'ты', nō 'кушать', nō-nū 'ребенок, быть маленьким', lam 'путь', pā 'мужчина', pal 'опоткнуться', māi 'лицо', mei 'хвост'. С.3 - т.3: hū 'быть богатым', hī 'быть', kāi 'собирать налог, тянуть, висеть', kum 'год', khia-xia 'бросать (вниз)', tī-tēi 'сказать', thū 'ружье', saŋ 'быть использованным', sū 'сто', nei 'иметь', pal 'из, от', baŋ 'быть похожим', bōŋ 'пригласить, ударить ладонью' (?). С.4 - т.2: ei 'мы', kī-kei 'я', ŋui-ŋui 'жила, корень' (?), tui-tūi 'вода', daŋ 'эпителия', doŋ 'до', nū 'женщина', nuī-nui 'под', bū 'гнездо', mī 'человек', vū 'птица'. С.4 - т.3: i 'мы', kua 'кто', kō-kou 'мы', kuī-kui 'отдавать', ŋūl-gūl 'оба', taŋ-tāŋ 'время', tu-tū 'этот', thūi-thui 'знать, мочь', lāi 'палец', ŋum 'завод, тело', mū 'видеть'. С.4 - т.-?: hē-he? 'горевать, быть сердитым', khū-xē? 'снимать кожуру, расчесываться', tā-ta? 'показатель удаленного действия; убо', tia-tsia? 'возвращаться', dā-dā? 'горевать', dēi-dei? 'хотеть', sia-sia? 'ловить и обнуку', sia-sia? 'на-рост', li-li? 'семь', pi-pi? 'пятьдесят, все вместе', mā-mā?

гласным на -р, -т, -к (в тиддима по тону не противопоставлены). C.3: khat-xat 'один', tak 'обределенно, быть правильным', lük-guk 'шесть', phot 'сначала', vok 'свинья'.

C.4: kap 'кричать', that 'убивать', mit 'глаз'.

Кроме перечисленных, изредка встречаются также другие соответствия, которые можно считать нерегулярными. C.1 - T.2: tam 'быть многочисленным', tiaŋ-taiŋ 'когда', thəm-xəm 'обманывать', sal 'раб', zu-sū 'крыса'. C.1 - T.-?: a-a? 'в, на', hāi-hai? 'не достичь цели, откладывать, мешать'. C.2 - T.1: sūn 'вечер, вчера'. C.2 - T.3: ŋei-ŋei 'наверняка, обычно, когда-либо', wəŋ 'что'. C.3 - T.1: kəŋ 'гореть', ŋāi-gāi 'думать, намереваться'. C.3 - T.-?: ŋui-gua? 'дождь', to-to? 'с, и', mo-mo? 'не мочь, быть виноватым' (?). C.4 - T.1: hi 'этот', ŋui-gua 'бамбук', doŋ-dəŋ 'спрашивать, отвечать' (?), sū 'думать'.

Таким образом, дописывая соответствия лушей, установленные П.Бенедиктом, получаем следующую таблицу.

прачиносский сизанг	тиддим	лушей
*1	1	1 (34 примера)
*2	2	2 (31 пример)
*3	3	3 (13 примеров)
*4a	4	2 (11 примеров)
*4б	4	3 (11 примеров)
*4в	4	-? (11 примеров)

Наиболее бесспорна реконструкция тонов *1 и *2; у Бенедикта они имеют номера *1 и *3. На месте наших тонов *3 и *4 Бенедикт реконструирует один тон - *2 (опираясь на лушей). На соответствие с.2 - т.3 (рефлексы тона *4 у Бенедикта) мы обнаружили лишь два примера (см. выше, нерегулярные соответствия), то есть на материале лишь сизанга и тиддима реконструкция тона *4 Бенедикта не подтверждается; необходимо выявить все параллели лушейским словам с тоном 4 в сизанге и тиддима, что, возможно, приведет к увеличению числа реконструированных тонов. Не ясно, действительно ли тоны *4a, *4б, *4в являются четырьмя разными тонами или в тиддима каким-то образом произошло расщепление тона *4. На месте тона *4в, возможно, следует реконструировать *-?.

До сих пор мы исключали из рассмотрения глагольные формы конъюнктива, так как иначе к чисто фонетическим соответствиям примешались бы морфологи и морфонология: В сизанге есть два "правильных" способа образования конъюнктива, а также каузативов и отглагольных имен (все три образуются в сизанге и тиддима одинаково): 1) заменой тона слова (любого) на тон 3 (в слове с тоном 3 он просто сохраняется); 2) заменой тона слова (только не тона 3) на тон 4. В тиддима "правильный" способ один: для слов с тонами 1 или 2 - замена их на тон 3; у слов с тоном 3 - замена его на -?. В обоих языках есть отклонения и "неправильные" способы образования этих форм. Реконструировать общую для сизанга и тиддима исходную систему образования конъюнктива и др. пока не удалось. Однако можно утверждать, что тиддимский тон 3, по крайней мере - в случаях, когда он образует названные формы, возник в результате исчезновения конечнослогового *-s. Во-первых, замена тонов 1 и 2 на тон 3 сопровождается изменением конечнослогового -ŋ в -ŋ̄ (вообще же -ŋ̄ в слогах с тоном 3 встречается), что легко объяснимо ассимиляцией *-ŋs > *-ns > -n̄³ и совершенно непонятно, если конъюнктив, каузатив и отглагольное имя всегда образовывались лишь изменением тона. Во-вторых, известен китайско-тибетский суффикс *-s, образующий, по крайней мере, каузативы и отглагольные имена (напр., в древнекитайском), который, очевидно, и отражается в этих случаях в тиддима.

Таким образом, основные праचीносские тоны - *1 и *2: они почти в три раза частотнее остальных и не являются грамматическими, в отличие от тонов *3 и *4 (возможно, кроме *4a), которые предположительно могут считаться вторичными. П.Бенедикт возвел тон *1 к китайско-тибетскому тону *A. Наши сопоставления с бирманским показали, что чинский тон *1 обнаруживает корреляцию с лоло-бирманским тоном *1 (рефлекс китайско-тибетского *A) - 18 примеров за и 10 против. Сильнее корреляция чинского *2 и лоло-бирманского *2 (рефлекс китайско-тибетского *B) - 14 за и 5 против. В открытых слогах соответствие *2 - *2 представлено в 11 примерах без исключений. Таким образом, чинский тон *2 - отражение второго из двух китайско-тибетских тонов (по Бенедикту) - *B.

ФОНАЦИОННОЕ ПРОТИВПОСТАВЛЕНИЕ В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ

До самого недавнего времени о просодических системах дагестанских языков практически ничего не было известно. Исследователи отмечали наличие в ряде языков противопоставления гласных по долготе – краткости, а также динамического ударения, но крайне редко регистрировали эти признаки в своих материалах. Наличие в дагестанских языках других просодических признаков не предполагалось. Ситуация резко переменялась в 1975 году, когда экспедицией кафедры структурной и прикладной лингвистики МГУ были открыты тоновые противопоставления в ряде андийских и цезских языков. Фонационные противопоставления были обнаружены той же экспедицией в языках шахдагской подгруппы в 1977 году.

Просодическая система лакского языка мало изучена. Достоверно известно лишь то, что динамического ударения, подобного русскому, в этом языке нет, что с точки зрения лакцев ни один слог в слове не выделен по сравнению с остальными.

Основной целью нашей экспедиции было исследование лакской просодии. Обследовались говоры селений Кули /кулинский диалект/, Цовкра I /первоцовкринский диалект/, Цовкра II /каялинский диалект/, Аракул /аракульский диалект/ и Верхний Катрух /С.М. Хайдаков относит этот говор к аракульскому диалекту, но мы склонны считать его скорее говором литературного языка/. Наиболее полные материалы собраны по говору селения Кули.

Во всех обследованных говорах было обнаружено одно и то же противопоставление, которое, видимо, следует считать фонационным. Каждое слово произносится в одной из двух фонаций. Первую информанты характеризуют как "твердое", "ясное", "свободное" звучание голоса, вторую – как соответственно "мягкое", "заглушенное", "сдавленное" звучание. Надо полагать, что первой фонации соответствует английски термины voice, а второй – lax voice. Интересно, что "рас-

слабленный голос" характеризуется, по мнению информантов, специальной работой гортани, а следовательно, некоторым напряжением. Это, по видимому, связано с тем, что признак "мягкости", "расслабленности" маркирован, вторая же фонация – нет.

Фонационные различия сопровождаются тоновыми, правда довольно слабыми. Для мягкой фонации характерен ровный и низкий тон, для твердой – тоновое движение в более высоком регистре. Этому различию информанты, как правило, не придают значения, замечая лишь фонационное.

Противопоставление наблюдается при любых гласных, входящих в состав слова. Фарингализация, таким образом, никак не связана с фонационным противопоставлением, которое наблюдается и на ее фоне.

Фонационные характеристики отдельных слов в различных диалектах в общем соответствуют друг другу, хотя некоторое количество расхождений тоже имеется.

Определенное влияние на фонацию оказывает наличие в слове увулярных согласных, особенно абруптивного кь и сильного кь. В говоре Верхнего Катруха /во всяком случае, в диалектах наших информантов/ все такие слова произносятся в твердой фонации, в говоре Кули противопоставление присутствует и в этом случае, но информанты часто ошибаются в сторону твердой фонации.

Информанты также склонны иногда слышать твердую фонацию вместо мягкой в словах, содержащих абруптивные согласные и мягкую вместо твердой в словах, содержащих д. Перечисленные особенности, видимо, и вызвали обильную часть расхождений в наших записях.

Других просодических различий в обследованных диалектах обнаружено не было, но не исключено и даже очень вероятно, что в других лакских диалектах они есть.

Собранные материалы могут использоваться для сопоставления с просодическими системами других языков и реконструкции прадагестанской системы.

ТОНЫ В ШАНЬСЬСКОМ ДИАЛЕКТЕ ДУНГАНСКОГО ЯЗЫКА

Выявление тоновых классов, т.е. определение числа тонов и группировка морфем, относящихся к данному тону, всегда было объектом пристального внимания в традиционной китайской фонологии. В то же время сведения о реальном звучании тонов на разных этапах развития китайского языка всеюма ограничены и к тому же даны в неясных терминах, не способных воссоздать картину подлинного произношения, без знания которой невозможно выяснение причин и обстоятельств исторических изменений самих тональных систем. Особое значение в связи с этим приобретает широкое изучение фонетической реализации тонов и их взаимодействия в современных диалектах. Названная задача, однако, осложняется тем, что именно фонетическая реализация выступает как наиболее варьирующий признак, с трудом поддающийся систематизации: определение границ географического распространения того или иного типа фонетической реализации тона и проведение соответствующих изоглос часто оказывается невозможным (ср. M. J. Hashin to. *Phonology of Ancient Chinese*. 1978, p. 262-63).

Предлагаемое описание тонов шаньсьюского диалекта дунганского языка основано на данных, полученных у информантов - жителей сел Масанчим и Шоу-Тябе Кав. ССР. С магнитной записи односложных слов, двусложных словосочетаний и двусложных слов с суффиксами сняты осциллограммы.

В шаньсьюском диалекте (ШД) установлены четыре тона, наиболее характерные для северокитайских диалектов (в соответствии с китайской традиционной терминологией - инь-пин, ян-пин, шан-шэи и цюй-шэи). Этим тонам присуща следующая фонетическая реализация (в скобках приводятся значения начальной и конечной точек реализации в произношении одного из информантов): первый - низкий нисходящий (130гц - 90гц), второй - восходящий (100гц - 140гц), третий - нисходящий (200гц - 110гц), четвертый - высокий ровный (180гц).

Противопоставление тонов инь-пин и ян-пин реализуется в ШД в любой позиции - как перед другим слогом, так и пе-

ред паузой. Этим ШД отличается от ганьсуйского диалекта (ГД), в котором противопоставление тонов инь-пин и ян-пин - как показали недавние исследования - сохраняется только в позиции перед другим слогом. Позиция перед паузой отмечена в качестве слабой также и в некоторых других китайских диалектах (Чжао Бань-жэнь, П.Янц). Дунганские системы, таким образом, дают дополнительные материалы для более углубленного исследования проблемы сильной и слабой позиции в тоновых языках.

Особенностью ШД, отличающей его от ГД, является также наличие нейтрального тона (фонетически - краткого низкого нисходящего) в служебных морфемах, стоящих после корневых морфем во всех четырех тонах, тогда как в ГД после тонов инь-пин и ян-пин возникли на месте нейтрального тона полные тоны; их появление, по-видимому, было связано с начавшимся процессом конвергенции тонов инь-пин и ян-пин.

Взаимодействие тонов в ШД также обнаруживает некоторую специфику. Как и в ГД, здесь наблюдается широко распространенный в северокитайских диалектах переход низкого тона в восходящий перед другим низким тоном (для дунганского - переход инь-пин в ян-пин перед тоном инь-пин). Кроме того, в ШД нисходящий шан-шэи в свободных словосочетаниях occasionally переходит в низкий нисходящий инь-пин перед другим тоном шан-шэи. В ГД аналогичный переход зафиксирован только в некоторых словах и отсутствует в словосочетаниях. По всей вероятности, occasional переход шан-шэи в инь-пин в ШД обусловлен быстрым темпом речи (ср. зависимость от темпа речи способа диссимиляции нескольких низких тонов шан-шэи в пекинском диалекте).

По характеру отражения среднекитайского входящего тона дунганские диалекты относятся к широко распространенному на северо-западе Китая типу, в котором входящий тон распределен между современными тонами инь-пин и ян-пин в зависимости от глухости/звонкости среднекитайской инициалы; среднекитайские сонорные при этом принадлежат серии инь, а не серии ян, примыкая к глухим, что не часто встречается в китайских диалектах. Аналогичная принадлежность морфем входяще-

шего тона с сонорными начальными сериями или существует в каньон (японском чтении китайских иероглифов, восходящем к среднекитайским северо-западным диалектам). Вместе с тем, фонетическая реализация тонов каньон, изучено передаваемая буддийскими монахами от поколения к поколению при чтении религиозных текстов, никак не совпадает с современной реализацией тонов в северо-западных диалектах рассматриваемого типа. Этот факт, однако, нуждается в дальнейшем осмыслении.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ИНДООЕРОПЕЙСКИХ АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР

1. Одним из важнейших аспектов современного сравнительно-исторического синтаксиса индоевропейских языков представляется акцентологический. За последние тридцать лет существенный прогресс в изучении структуры индоевропейского предложения был связан главным образом с реконструкцией начальных энклитических комплексов, связывавших в единое акцентологическое целое вводящее слово и следовавшие за ним слова (в частности, субъектные и объектные местоимения, частицы с видовым значением и т.п.). отождествление некоторых из вводящих слов (союзов, наречий-превербов) типа хет. *ni*, др.-ирл. *no-*, осуществленное в 1947 г. М. Диллоном и (независимо от него) Ф. Зоммером, послужило отправным пунктом для реконструкции структуры индоевропейского предложения (в трудах К. Уоткина и ряда других ученых). Можно думать, что реконструкция индоевропейских энклитических комплексов, составившая основное содержание синтаксических исследований последнего тридцатилетия, и намеченное в серии работ У. Лемана и его продолжателей типологическое рассмотрение общеиндоевропейского как языка типа *SOV* представляет собой не два различных подхода к индоевропейскому синтаксису, а изучение двух аспектов единой проблемы, целостное изложение которой должно составить предмет будущих исследований.

2. Оба эти направления исследования объединяются реконструкцией конечного (как правило, безударного) положения глагола в независимом (главном) предложении как нормального (если глагол не существует для актуального членения). При этом возможна эмфатическая перестановка глагола в маркированное начальное положение (где он является ударным вводящим словом). Для глубокой реконструкции (которая может опираться на типологическое сопоставление с possessивными по происхождению глагольными формами в таких языках, как енисейские) интерес может представлять то, что в предложениях, где второе (а также и

следующие за ним) слово является энклитическим, а глагол стоит на первом месте (тип хет. *aki-ai* 'умер - он' и обычных для тохарского сочетаний глагола с последующей местоименной энклитикой при преобразовании древнего места глагольной группы в предложении), второй элемент (в позиции, соответствующей закону Вакарнагеля) может включаться в единое акцентологическое слово и становится постепенно служебной морфемой. В соответствии с высказанной еще Боппом гипотезой (согласующейся и с данными внешнего сравнения) формы I-й серии глаголов типа **g^wen-mi* можно было бы объяснить как развившиеся из сочетаний типа др.-хет.

*kattan-mit 'низ мой', ср. осуществляющееся много позднее в истории отдельных индоевропейских диалектов (балтийского, кельтского) превращение энклитическо-проклитических групп в единое глагольное слово (другую гипотезу о происхождении **-тъ* в 3 л. ед.ч. из местоимения в славянском).

3. Безударность конечного глагола в главном предложении в ведийском соответствует употреблению глагольных форм в четвертой (не участвующей в аллитерациях) метрической позиции в древнегерманском стихе. Важную для интерпретации этого соответствия гипотезу Лемана о том, что для германского, согласно закону Зернера, можно предположить повышение тона на ударном слоге (как в ведийском), представляется возможным подтвердить типологическими данными: с этой точки зрения прагерманский типологически сходен с теми многочисленными языками, в которых повышение тона связано с глухостью согласного, понижение тона со звонкостью (в ясем на Новой Гвинее звонкие согласные выступают только в связи с низким тоном). Немаркированность понижения тона в индоевропейском можно было бы сопоставить с типологической характеристикой славянских энклитик-проклитик по Трубецкому.

4. Ударность глагола в зависимом (подчиненном) предложении представляет интерес как один из древнейших способов подчинения в индоевропейском. Вынесение вперед глагольной акцентуированной формы служит средством прерывания связи подчиненного предложения с главным в микенском греческом, что дублируется и ролью частиц, указывающих на связь между предложениями. Слияние в микенском греческом

вводящего *o-/jo-* с последующим глаголом может, по Ф.Бадер, отражать подчиненную функцию глагола в тексте. Эта постановка вопроса по отношению к микенскому греческому соответствует выводам, к которым подводит исследование роли ударения глагола и энклитическо-проклитических элементов в индоевропейском. Такие слова по закономерности, сформулированной Якоба, могли выступать то как проклитики (см. в лат. *com-edo*, слав. **къ < *къ n*), то как энклитики (*-cum* в лат. *me-cum*, хет. *-kan*), что, видимо, отражает достаточно общий принцип индоевропейской синтаксической акцентологии (сходный с законом Васильева - Долобо - Дыбо в славянском). В ведийском четко проводится закономерное противопоставление проклитического употребления преверба в сочетании с глаголом в придаточном предложении и энклитического употребления глагола в главном предложении при ударности преверба. Реконструкция частиц-превербов с видовым значением типа **kom > хет. -kan*, **som > хет. šan* (слав. **въ*, др.-инд. *sam-*) приводит к новому осмыслению структуры индоевропейского предложения, в котором грамматические значения, существенные для всего предложения в целом (и для уточнения характера глагола), выражались преимущественно с помощью таких элементов, в дальнейшем развитии тяготевших к акцентуационному слиянию с глаголом.

5. Существенное отличие акцентологических характеристик глагола в греческо-арийском от балтийско-славянского заключается в отсутствии деления глаголов на классы, внутри которых выделяются энклиномены (в имени такой класс для индоевропейского можно реконструировать на основании гипотезы об именном происхождении энклитическо-проклитических наречий - превербов, подтверждаемой древнехеттским). Принципы, в индоевропейском формулируемые как синтаксические, для славянского относятся преимущественно к морфологии (и лишь пережиточно к синтаксису). Славянские энклитические комплексы типа ст.-слав. *НБ ІМАТЬ* (в Мариинском евангелии), др.-рус. *но что* (в Чудовском Новом Завете) могут восходить к тому же общеиндоевропейскому типу с переносом ударения на вводящее слово при безударности глагола в конечном предложении, что и др.-хет. *mimaltaḥḥun* 'и помолился', др.-ирл. *no-* в качестве префикса (в кельтском некогда ударного)

в формах претерита. Но в славянском возможность энклитического употребления глагола в этой позиции зависит не только от синтаксической конструкции, но и от локальных морфологических свойств данного глагола.

К РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОСОДИКИ

Систематика типов фонации устанавливается путем применения бинарного членения по двум несовместимым признакам: "фразовость" и "сегментность". Эта процедура позволяет выделить три функциональных области: просодии (+фразовость, -сегментность), сегментной фонологии (-фразовость, +сегментность) и промежуточной области просодики (-фразовость, -сегментность). Последняя объединяет явления, устанавливаемые в слоговой структуре слова (соотношение долгот, степеней напряженности и сонорности, аспирация и акцентные явления). К просодике относятся также малоизученная область внутрислоговых ритмов.

По двум несовместимым признакам "гласность" и "согласность" сегментная фонология подразделяется на две полярные и одну промежуточную область: гласные (+гласность, -согласность), шумные (+согласность, -гласность) и сонорные (-гласность, -согласность). Выделенные пять подсистем образуют градуальную оппозицию "по скорости фонологической функции", т.е. по длине сегмента, необходимой для реализации функционального различия. Понятие скорости функции является базисным для теории лингвистического изменения. Оппозиция в синхронии фонетиков F_x и $F_{\bar{x}}$ может быть представлена как архифункция¹⁾ или изменение функции F_0 с переменной x в реальном времени за отрезок RT .

Лингвистическое время LT выражается через различие $F_{\bar{x}}$ и F_x и, в случае, если это различие равно одному дифференциальному признаку, равно одному кванту изменения. Скорость функции v не зависит от реального времени существования фонетиков и

$$v = LT : RT = \sin f$$

¹⁾ Г.С. Кличков, "Язык как процесс и система", Теория и история языкознания, вып. 1. Москва АН СССР 1975, с. 22 - 23.

является относительной величиной, отношением единицы лингвистического времени к минимальному отрезку синтагматики, необходимому для ее существования. Выражение $V = \sin t$ предполагает, что вектор LT представляет собой прямую. При неравномерности изменения (вектор LT - кривая) угол α определяется по касательной. Приведенная модель требует введения определенной метрики. Мерой LT следует считать функциональную нагрузку оппозиции $F\bar{X}X$, а расстояние $F_0 * r$ - измерять по количеству шагов, разделяющих в сетке системных отношений F_0 и реконструкцию $*r$ функции Fx на исходном синхронном срезе, где $*r$ может быть представлено как лакуной ("расщепление"), так и определенной единицей ("слияние" или "вытеснение"). В зависимости от скоростей функций устанавливается периодичность относительной устойчивости субстанции и структуры.

подсистемы	супрасегментная фонология		сегментная фонология	
	просодия	просодика	гласные	согласные
субстанциональные признаки	универсальные	вариативные	постоянные	вариативные
		вариативные	постоянные	постоянные

В просодии субстанциональные различия (подъем, падение и их комбинации) универсальны, структуры варьируют в зависимости от подавления просодики синтаксико-интонационными факторами; в просодике структурные различия сводятся к противопоставлению сомкнутых - разомкнутых слогов, субстанциональные средства выражения которых показывают значительную вариативность. В согласных подвижны антропофонические реализации фонологических оппозиций ("передвижения" согласных) при сохранении фонологических рядов. Следует вывод, что основой реконструкции следует считать просодику в ее связях с согласными, образующими костяк фонологической структуры слова.

В скандинавских языках известны две просодические структуры слова (тон 1 и тон 2), оппозиция которых отра-

жает сомкнутость-разомкнутость слогов, так же как и различие пре- и постаспирации в исландском. Изоморфные классы словоформ восстанавливаются на основании чередований по законам Вернера, Турнейана, Зиверса, Хольцмана в готском: Тип А. Сомкнутость на уровне сегментов /hátis, hátiza, hártis, ráher, hiérs/

Тип В. Сомкнутость на уровне слогов /á'gís, á'gísa, rá'gínan, hërdís, íddja, hië'bis/

Тип А соответствует линмайли исл. /lí'ta/ и абруптивным англ. /pít, rá't/, но интерлингвистически контрастирует разомкнутым структурам хардмайли исл. /li:-t^ha/ и неабруптивным англ. /pí:-t^ha, rá:-tí/ Тип В соответствует тону 2 скандинавских языков, тон 1 частично соответствует типу В (в односложных словах), но изоморфен разомкнутым структурам. В среднеанглийском удлинение в открытом слоге и геминация абруптивных финалей позволяет восстановить тон 1: /glá:d: smá:l:/, и тон 2: /smá:l'á, glá:d'ár/ Это противопоставление, следы которого обнаруживаются в современных диалектах и вариантах структуры слова в литературном языке, не получило развития из-за отсутствия регулярного чередования одно- и двусложных слов (редукция конечных слогов, отсутствие постпозитивного артикля). Система просодии в среднеанглийском скорее всего изоморфна норвежской: сложная волна, возникающая модуляцией в тонально маркированных слов по разным тональным уровням в просодии. Разложение этой системы приводит к возникновению релевантных участков (предкала-такт-шкала-ядро-защелочная часть/терминальный тон), за каждым из которых в диахронии стоит тонально маркированное слово. Отсюда, число тональных уровней колеблется в пределах среднего числа слов во фразе. Фон-трастивную пару английской образует русская просодия, которая восходит к системе, где все слоги ударны и несут тон (сравни диалектную северн. интонацию). Разложение этой системы приводит к подвижности во фразе одного релевантного ацента и свободному варьированию тональных уровней в пределах бинарного противопоставления. Вариативность просодических явлений сводима к категории слоговой сомкнутости, восходящей к протоиндоевропейской эпохе.

РАНЕИИДОВЕРОПЕЙСКОЕ УДАРЕНИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ КАЧЕСТВЕННЫХ РАЗЛИЧИЙ ГЛАСНЫХ

Основу настоящего доклада составляет развиваемое в других публикациях положение о том, что качественные различия индоевропейских гласных e, i, o, u не являются результатом воздействия исчезнувших ларингалов на единотренный первоначальный гласный, а возникли вследствие взаимодействия сонантов i и u с отсутствовавшим им в потоке речи фонологически неопределенным гласным призвуком л при различном размещении ударения ($\wedge \dot{\lambda} \wedge \rightarrow \underline{i}$, $\lambda \dot{\lambda} \wedge \rightarrow \underline{e}$, $\wedge \dot{\lambda} \wedge \rightarrow \underline{u}$, $\wedge \dot{\lambda} \wedge \rightarrow \underline{o}$) и что древнейшие ларингалы в период их исчезновения могли принять участие вместе с неопределенным гласным призвуком только в образовании гласного o ($\wedge \text{Н} \wedge \rightarrow \underline{o}$, независимо от места ударения) и, позже, в возникновении долгих гласных. Целью доклада является рассмотрение конкретных фактов индоевропейских языков, отражающих непосредственную связь между характером наблюдаемой в исторический период огласовки смежных слогов в наиболее древних частях многих слов и доисторической закономерностью распределения ударности и безударности на первоначальных синлабифонемах формирующегося многосложного слова.

Раннеиндоевропейское словесное ударение реконструируется как ритмическое чередование одного ударного (с главным или второстепенным ударением) и одного безударного слога ($\acute{t}\acute{a}t\acute{a}t\acute{a}t\acute{a}t\acute{a}$, $\acute{t}\acute{a}t\acute{a}t\acute{a}t\acute{a}t\acute{a}$, $\acute{t}\acute{a}t\acute{a}t\acute{a}t\acute{a}t\acute{a}$, $t\acute{a}t\acute{a}t\acute{a}t\acute{a}t\acute{a}$, $t\acute{a}t\acute{a}t\acute{a}t\acute{a}t\acute{a}$). Этот общий принцип распределения ударений в слове должен был сохраняться независимо от конкретного количества слогов (начиная с двух), лишь при некоторых возможных отклонениях.

В сочетаниях с семантическими синлабифонемами $\dot{\lambda}$, $\dot{\lambda} \wedge$ и ларингальными синлабифонемами $\text{Н} \wedge$ консонантные синлабифонемы типа $t\lambda$ образовывали, наряду с другими, следующие акцентуационно-фонематические типы:

1. $\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{a}$ ($\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{a}$, $\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{a}$, $\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{a}$), $\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{a}$, $\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{a}$, $\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{a}$, $\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{a}$, $\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{a}$, $\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{a}$;

2. $\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{a}$ ($\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{a}$, $\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{a}$), $\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{a}$, $\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{a}$, $\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{a}$, $\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{a}$, $\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{a}$, $\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{a}$, $\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{a}$.

В процессе формирования индоевропейских гласных фонем на месте перечисленных акцентуационно-фонематических типов возникли следующие сочетания новых слогов с соответствующими огласовками:

1. $t\acute{e}t\acute{e}t$, ($\acute{t}\acute{e}t\acute{e}t$, $t\acute{e}t\acute{e}t$, $t\acute{e}t\acute{e}t$), $t\acute{o}t\acute{o}t$, $t\acute{a}t\acute{a}t$, $t\acute{e}t\acute{e}t$, $t\acute{e}t\acute{e}t$, $t\acute{o}t\acute{a}t$, $t\acute{a}t\acute{e}t$, $t\acute{a}t\acute{o}t$;

2. $t\acute{i}t\acute{i}t$ ($\acute{t}\acute{i}t\acute{i}t$, $t\acute{i}t\acute{i}t$, $t\acute{i}t\acute{i}t$), $t\acute{u}t\acute{u}t$, $t\acute{a}t\acute{a}t$, $t\acute{i}t\acute{u}t$, $t\acute{i}t\acute{a}t$, $t\acute{u}t\acute{i}t$, $t\acute{u}t\acute{a}t$, $t\acute{a}t\acute{i}t$, $t\acute{a}t\acute{u}t$.

Конкретное распределение ударения в первоначальных слогах (в частности его отношение к начальной и конечной синлабифонеме) зависело от количества синлабифонем и от того, которая из них принимала на себя главное (семантически мотивированное) ударение. Поэтому родственные слова, различавшиеся количеством синлабифонем или качеством отдельных из них, могли отличаться друг от друга распределением ударений (главного и второстепенных), что приводило впоследствии к параллелизму огласовки e - i, o - u в родственных словах одного и того же или различных индоевропейских языков.

Закон ритмического распределения ударения не допускал акцентуационно-фонематических схем типа $t\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}$, $\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}$, $\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}$, $\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}$ и т.д., т.е. таких сочетаний ударных и безударных синлабифонем, которые впоследствии могли бы превратиться в сочетания смежных слогов с разнородными по степени открытости огласовками типа $t\acute{i}t\acute{e}$, $t\acute{o}t\acute{u}$, $t\acute{i}t\acute{o}$ и т.д. Это ограничение не касалось сочетаний смежных слогов типа $t\acute{e}t\acute{a}$, $t\acute{i}t\acute{a}$, $t\acute{u}t\acute{a}$, $t\acute{a}t\acute{i}$, $t\acute{a}t\acute{e}$, $t\acute{a}t\acute{o}$, $t\acute{a}t\acute{u}$, поскольку слог с огласовкой o получался из сочетаний первоначальных синлабифонем $t\text{Н} \wedge$ как при ударении на первом компоненте ($\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a} \wedge$), так и на втором ($\text{Н} \acute{\lambda}$). Поскольку, далее, возможны были сочетания синлабифонем с распределением ударения типа $\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{a}$ и типа $\acute{t}\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{\lambda}\acute{a}t\acute{a}$, т.е. как с ударностью, так и с безударностью консонантной синлабифонемы, не сопровождаемой последующей

силлабифонемой с сонантом i, u или с ларингалом h, после ослияния сонантов i, u и древних ларингалов с неопределенным гласным призвучком должны были возникнуть сочетания смежных открытых и закрытых слогов с огласовками типа *tetti, tettu, tottu, totti, titte, tutto, tutte*. Так же закономерно в зависимости от распределения ударения на первоначальных силлабифонемах могли возникать новые сочетания смежных слогов с краткими и долгими гласными, в которых краткие гласные могли быть и открытыми и закрытыми: *tetē, titē*, соответственно, из *tálatálaná, táltálaná* и т.д.

В исторически засвидетельствованных индоевропейских языках обнаруживается значительное количество фактов параллелизма огласовок e - i, o - u, в которых еще сохраняются первоначальные позиционные условия и предпосылки соответствующих конкретных огласовок. К числу этих фактов принадлежит преобладание в древнейших частях слов индоевропейских языков сочетаний смежных открытых слогов с однородными по степени открытости гласными (*tete, toto, tete, tote, titi, tutu, titu, tuti*), меньшая степень общности и, как правило, вторичный характер сочетаний открытых слогов с разнородными по степени открытости гласными (*teti, tite, tetu, tute, totu, tute, toti, tito*), регулярная связь параллелизма огласовок e - i, o - u в однородных словах с параллелизмом открытости и закрытости слога. Ряд соответствующих фактов уже давно отмечался в специальной литературе, но до сих пор не имел исторического объяснения. Предлагаемое объяснение позволяет отмечать более поздние видоизменения огласовок исконных лексических основ от первоначальных состояний и открывает широкие возможности для установления относительной хронологии многих фактов индоевропейского словообразования и словоизменения.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПРАЦЕЗСКОГО ЯЗЫКА

К цезской (дидойской) группе нахоко-дагестанской семьи языков относятся следующие языки: 1) цезский (Ц), гинухский (Гн), хваршильский (Х), инхокваринокий (И) (восточная подгруппа, ПВ); 2) гуизибский (Гу), себтинокий (Б) (западная подгруппа, ПЗ). Реконструкция фонетики цезского языка до сих пор не была сделана; в книге Е. Бокарева "Цезские (дидойские) языки Дагестана" установлены некоторые звуковые соответствия (стр. 234-263). Ниже предлагается реконструкция фонетической системы працезского языка (ПЦ), причем промежуточными ее этапами являются реконструкции языков указанных подгруппы (ПВ и ПЗ).

Для реконструкции привлекается материал, указанный в книге Е.А. Бокарева, некоторых других публикаций и Кавказских экспедиций ОИЯИ МГУ под руководством А.Е. Кибрика (1976-1976 гг.). Используется транскрипция, принятая в книге: А.Е. Кибрик и др., "Арчинский язык". Бектинский материал дается по диалекту с. Хошар-Хота.

1. Консонантизм

ПЦ	ПВ	Ц	Гн	Х	И	ПЗ	Гу	Б
*b	*b	b	b	b	b	*b	b	b
*p	*p	p	p	p	p	*p	p, b	p
*p'	*p'	p'	p'	p'	p'	*p'	p'	p'
*m	*m	m	m	m	m	*m	m	m
*d	*d	d	d	d	d	*d	d	d
*t	*t	t	t	t	t	*t	t, d	t
*t̄	*t̄	t̄	t̄	t̄	t̄	*d	d	d
*t'	*t'	t'	t'	t'	t'	*t'	t'	t'
*n	*n	n	n	n	n	*n	n	n
*r	*r/1	r/1	r/1	r/1	r/1	*r	r	r
*l	*r/1	r/1	r/1	r/1	r/1	*l	l	l

Щ	ПВ	Ц	Гл	И	ПЗ	Гу	Б
*с	*с	с	с/с ¹	с	*с	с	с
*с'	*с'	с'	с'/с' ¹	с'	*с'	с'	с'
*з	*з	з	з/з ¹	з	*з	з	з
*з'	*з'	з'	з'/з' ¹	з'	*з'	з'	з'
*в	*в	в	в/в ¹	в	*в	в	в
*в'	*в'	в'	в'/в' ¹	в'	*в'	в'	в'
*х	*х	х	х/х ¹	х	*х	х	х/х ²
*х'	*х'	х'	х'/х' ¹	х'	*х'	х'	х'/х' ²
*с	*с	с	с/с ¹	с	*с	с	с/с ²
*с'	*с'	с'	с'/с' ¹	с'	*с'	с'	с'/с' ²
*з	*з	з	з/з ¹	з	*з	з	з/з ²
*з'	*з'	з'	з'/з' ¹	з'	*з'	з'	з'/з' ²
*в	*в	в	в/в ¹	в	*в	в	в/в ²
*в'	*в'	в'	в'/в' ¹	в'	*в'	в'	в'/в' ²
*х	*х	х	х/х ¹	х	*х	х	х/х ²
*х'	*х'	х'	х'/х' ¹	х'	*х'	х'	х'/х' ²
*к	*к	к	к/к ¹	к	*к	к	к/к ²
*к'	*к'	к'	к'/к' ¹	к'	*к'	к'	к'/к' ²
*л	*л	л	л/л ¹	л	*л	л	л/л ²
*л'	*л'	л'	л'/л' ¹	л'	*л'	л'	л'/л' ²
*ш	*ш	ш	ш/ш ¹	ш	*ш	ш	ш/ш ²
*ш'	*ш'	ш'	ш'/ш' ¹	ш'	*ш'	ш'	ш'/ш' ²
*ж	*ж	ж	ж/ж ¹	ж	*ж	ж	ж/ж ²
*ж'	*ж'	ж'	ж'/ж' ¹	ж'	*ж'	ж'	ж'/ж' ²
*г(в)	*г(в)	г(в)	г(в)/г(в) ¹	г(в)	*г(в)	г(в)	г(в)/г(в) ²
*г(в)'	*г(в)'	г(в)'	г(в)'/г(в)' ¹	г(в)'	*г(в)'	г(в)'	г(в)'/г(в)' ²
*к	*к	к	к/к ¹	к	*к	к	к/к ²
*к(в)	*к(в)	к(в)	к(в)/к(в) ¹	к(в)	*к(в)	к(в)	к(в)/к(в) ²
*к'(в)	*к'(в)	к'(в)	к'(в)/к'(в) ¹	к'(в)	*к'(в)	к'(в)	к'(в)/к'(в) ²
*д(в)	*д(в)	д(в)	д(в)/д(в) ¹	д(в)	*д(в)	д(в)	д(в)/д(в) ²
*р(в)	*р(в)	р(в)	р(в)/р(в) ¹	р(в)	*р(в)	р(в)	р(в)/р(в) ²
*р	*р	р	р/р ¹	р	*р	р	р/р ²
*х	*х	х	х/х ¹	х	*х	х	х/х ²
*х	*х _I	х	х/х ¹	х	*х	х	х/х ²
*р	*р	р	р/р ¹	р	*р	р	р/р ²
*h	*h	h	h/h ¹	h	*h	h	h/h ²

1 с/с и т.п. по следующему правилу: с в соседстве с задними, с' - в соседстве с передними гласными.
 2 с/с и т.п. по следующему правилу: с в соседстве с передними, с' - в соседстве с задними гласными.

Щ	ПВ	Ц	Гл	Х	И	ПЗ	Гу	Б
*с	*с	с	с/с ¹	с	с	*с	с	с
*с'	*с'	с'	с'/с' ¹	с'	с'	*с'	с'	с'
*з	*з	з	з/з ¹	з	з	*з	з	з
*з'	*з'	з'	з'/з' ¹	з'	з'	*з'	з'	з'
*в	*в	в	в/в ¹	в	в	*в	в	в
*в'	*в'	в'	в'/в' ¹	в'	в'	*в'	в'	в'
*х	*х	х	х/х ¹	х	х	*х	х	х
*х'	*х'	х'	х'/х' ¹	х'	х'	*х'	х'	х'
*к	*к	к	к/к ¹	к	к	*к	к	к
*к'	*к'	к'	к'/к' ¹	к'	к'	*к'	к'	к'
*л	*л	л	л/л ¹	л	л	*л	л	л
*л'	*л'	л'	л'/л' ¹	л'	л'	*л'	л'	л'
*ш	*ш	ш	ш/ш ¹	ш	ш	*ш	ш	ш
*ш'	*ш'	ш'	ш'/ш' ¹	ш'	ш'	*ш'	ш'	ш'
*ж	*ж	ж	ж/ж ¹	ж	ж	*ж	ж	ж
*ж'	*ж'	ж'	ж'/ж' ¹	ж'	ж'	*ж'	ж'	ж'
*г(в)	*г(в)	г(в)	г(в)/г(в) ¹	г(в)	г(в)	*г(в)	г(в)	г(в)
*г(в)'	*г(в)'	г(в)'	г(в)'/г(в)' ¹	г(в)'	г(в)'	*г(в)'	г(в)'	г(в)'
*к	*к	к	к/к ¹	к	к	*к	к	к
*к(в)	*к(в)	к(в)	к(в)/к(в) ¹	к(в)	к(в)	*к(в)	к(в)	к(в)
*к'(в)	*к'(в)	к'(в)	к'(в)/к'(в) ¹	к'(в)	к'(в)	*к'(в)	к'(в)	к'(в)
*д(в)	*д(в)	д(в)	д(в)/д(в) ¹	д(в)	д(в)	*д(в)	д(в)	д(в)
*р(в)	*р(в)	р(в)	р(в)/р(в) ¹	р(в)	р(в)	*р(в)	р(в)	р(в)
*р	*р	р	р/р ¹	р	*р	р	р	р
*х	*х	х	х/х ¹	х	*х	х	х	х
*х	*х _I	х	х/х ¹	х	*х	х	х	х
*р	*р	р	р/р ¹	р	*р	р	р	р
*h	*h	h	h/h ¹	h	*h	h	h	h

2. Вокализм.

*i	*i	е	е	е	е	*i	i	i
*ii	*ii	е	о	о	о	*ii	ii	ii
*e	*e	i	i	е	е	*e	e	e
*ö	*ö	о	о	е	е	*ö	ö	ö
*y	*y	о	у	е	е	*y	y	y
*ä	*ä	э	е	е	е	*ä	ä	ä
*э	*э	i	е	а	о	*э	э	о
*э _I	*э _I	i	е	а	о	*э _I	э _I	о
*u	*u	u	u	u	u	*u	u	u, -o
*o	*o	u	u	u	u	*o	o	o
*y	*o	o	o	o	o	*y	ä	ä
*a	*a	a	a	a	a	*a	a	a

Кроме того, реконструируется 1) фарингалезия гласных, сохраняющаяся в Ц и И и бесследно исчезающая в других языках; 2) назализация гласных, сохраняющаяся в Х, И, Гу и Б; 3) предположительно, система из четырех тонов.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СИНО-ТИБЕТСКИХ ТОНОВ
/Лоло-бирманские и качинский языки/

Для решения вопроса о существовании тоновых противопоставлений в сино-тибетском (СТ) языке необходимо сравнить между собой системы тонов отдельных языков или языковых групп и показать на их материале возможность реконструкции СТ тонов. Многочисленность и недостаточная изученность СТ языков оправдывает, по-видимому, на современном этапе работы попарное сравнение отдельных языков этой семьи.

Качинский язык /язык цзинпо/ служит одним из основных источников для реконструкции СТ тонов П.Бенедиктом¹. Поэтому представляется полезным провести подробное сравнение данных этого языка с материалами лоло-бирманской (ЛБ) реконструкции, работы по которой близки к завершению.

Тональные системы современных ЛБ языков значительно отличаются друг от друга, а число особых тонов в них может колебаться от 6 (лису, сани и др.) до 3 (бирманский, бису и др.). Однако для пралолобирманского (ПЛБ) языка представляется возможным не воссоставлять тональных противопоставлений. Тоны в языках-потомках объясняются при этом развитием старых сочетаний с префиксами (*s- или Ø) или суффиксами (-x или Ø)². Обосно-

¹ См. различные работы П.Бенедикта по реконструкции СТ тональной системы.

² Напомним, что под префиксами и суффиксами в СТ языках принято понимать единицы (которые не входят в состав основного слога) не зависимо от того, имеют ли они самостоятельное значение.

ванность реконструкции суффикса -x (> бирм. тон:) подтверждается помимо ЛБ данными материалами других СТ языков³. Реконструкция префикса s- (> глоттализиция инициалы в апи и мару), постулированного на основе только ЛБ данных, не столь вероятна, поскольку внешние данные в пользу подобного решения пока не известны. Среди смыхлых и носовых инициалей в ПЛБ языке различаются придыхательные (*ph и *mh)⁴ и непродыхательные (*p и *m), причем Ø *s- сочетаются только последние (*sp и *sm).

Генетические связи качинского языка точно не установлены. Ясно лишь, что в пределах СТ семьи специфическое родство между ним и ЛБ языками отсутствует⁵. Система тонов качинского языка известна по нескольким независимым друг от друга описаниям⁶, из которых следует, что в языке различаются четыре тона, два из которых, по-видимому, вторичны. Ниже рассматриваются rising /тон 2/ и falling /тон 3 /тоны качинского языка. Среди инициалей различаются звонкие, придыхательные и глухие смыхлые и один тип носовых.

Между инициалами и тонами ПЛБ и качинского языков устанавливаются следующие соответствия:

Слог без конечного смыхлого ЛБ Качинский	Смыхлые	
	Слог без конечного смыхлого ЛБ Качинский	Слог с конечным смыхлым ЛБ Качинский
1. **th	*th-(x) th ²	*th-C(x) th-C ²

³ Этому вопросу посвящена наша статья, которая публикуется в одном из сборников ИВ АН СССР. См. также: Пейрос И.И. "Об одном сино-тибетском суффиксе". Тезисы конференции аспирантов ИВ АН СССР. М. 1976.

⁴ Тоновые рефлексы слогов с инициалами *ph и *mh различны.

⁵ Ср., однако, Matisoff, J. The tones of Jingpaw and Lolo-Burmese. Acta Linguistica Hafniensia, vol. XV, 2. 1974.

⁶ Matisoff, цит. раб.; Цзинпо и Ян ганьяо. И. 1959; Цзинский, Ф.В., Качинский язык. М. 1966 и др.

ВЬЕТ-МЬОНГСКИЕ ТОНОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ В СВЯЗИ С ВОПРОСОМ О ТИПАХ ПРАВЬЕТМЬОНГСКИХ СЛОГОВ

2. **t-(x) *t-(x) a² *t-(x) t-0²
 3. **st-(x) *st-(x) a³ *st-0(x) t-0³
 4. **xt *t a³ *t-0 t-0³
 5. **xt-x *t-x th³ *t-Cx ?
 6. **xth-(x) *th-(x) th³ *th-C(x) th-0³

Примеры:

1. сеть *thu², the²; лягушка *khi², khi²; шена *phi², phi²; клевать *thuk, tuk²
 2. крыло *tu², do²; звезда *krja², h²-gan²; металлы *kri², m²-gr²; рано *oaw, dzau²; яд *tuk², tuk²
 3. жаль *skri², h²-gr²; комар *akra, dzi²-gro²; кулак *so², tsu²; сосать *scup², tsu²
 4. зад *ta², da²; гора *pu², bu²; МОЛОТЬ *krit, krit²
 5. рыть *tu², tu²; тонкий *pa², pha²
 6. белый *phu², gum-pho²; ступка *chu², thu² (з) рвать, тошнить *pha², pha²; лист *pha², pha²
 Исключения: толстый *tu², dau²; лекарство *chi², tsi² шесть *khru², kru²

Носовые

ЛБ Качинский

1. *(a)n- (Cx) n-(C)³
 2. *nh -(Cx) n-(C)²

Примеры:

1. небо *mi², mi²; близко *ni², ni²; быть *ja², ja²; болеть *na, na²; хвост *sm², mei²; рана *ma², ma²; penis: *vi(j), nu² короткий *sm²(x), nu² глаз *mja², mi²; боб *n²uk, no²; солдат *mak², mja²; жать *ja²-jar², nu²
 2. тело *ma², ma²; ты *na², na²; пять *ja², ja²; нат nha²(t)x, nat²

Исключения: я *ja, ja²; зять *mak², ma²
 С носовыми инициалами префикс *x- не сочетается, однако из того, что *n ~ n² (*xt > a²), а *nh ~ n² (*td²) можно сделать вывод, что X- каким-то образом озвончал последующую инициаль, чем и объясняется сходность тоновых рефлексов у слогов с *n- **xt. Тоны из сравнения ЛБ и качинского языков не восстанавливаются.

7 Сначала приводятся ЛБ, а затем качинские формы.

Гипотеза о сегментном происхождении 5 вьетнамских тонов (а, à, á, a, ā, ǎ)¹, выдвинутая А.-Ж. Одрикур, заключается в следующем: в истории языка был период, когда тоны были не фонологическим явлением, а просодической характеристикой слога; в слогах без завершения наблюдались тоны а и à, в слогах с терминалью - гортанной смычкой - тоны á и a, в слогах с терминалью - глухой спирантом - тоны ā и ǎ, причем после глухих инициалей встречались только высокие тоны, т.е. а, á, ā, а после звонких инициалей - только низкие тоны, т.е. à, a, ǎ. Развитие языка, связанное с утратой терминалей и смешением глухих и звонких инициалей, привело к фонологизации тонов.

Дальнейшие исследования показали, что объяснительная сила указанной гипотезы не достаточна: во-первых, она не объясняет происхождения тонов в других типах слогов, и, во-вторых, она не может объяснить некоторые соответствия между вьетнамским и мьонгским языками. Опираясь на последние, Л.К. Томпсон предложил дополнить схему А.-Ж. Одрикура закрытыми слогами с импозивными терминалями, имеющими в языке специфические просодические характеристики. В варианте Томпсона схема Одрикура приобрела следующий вид:

ИСКОННЫЕ ТЕРМИНАЛИ (ТИПЫ СЛОГОВ)				
	A(Ø)	B(ʔ)	V(S)	T(P)
Вьетнамский (ханойский говор)	а à	á a	ǎ ǎ	ā ā
Мьонгский (диалект хен)	а à	a ā	á ā	ǎ ā

¹ Цитации вьетнамских тонов даны в соответствии с правилами вьетнамской орфографии, тонов других вьетнамских языков - без изменений по источникам материала.

Однако и в таком виде гипотеза не объясняет ряд явлений, например, как тонировались слоги с терминалами-сонантами. В общем виде проблема может быть сформулирована так: сколько типов слогов со специфическими просодическими характеристиками было в праязыке?

Теоретически можно предположить 9 типов слогов: открытый ($\emptyset$), закрытый гортанной смычкой (?), закрытый глухим спирантом (s), закрытый полугласным или сонантом (N), закрытый полугласным или сонантом + гортанная смычка (N'), закрытый полугласным или сонантом + глухой спирант (Ns), закрытый смычным (p), закрытый смычным + гортанная смычка (p'), закрытый смычным + глухой спирант (ps). Следовательно, в современных вьет-мионгских языках можно ожидать теоретически до 18 тонов. Однако на самом деле вряд ли возможно такое количество тонов и практически оно, конечно, не встречается ни в одном языке. По-видимому, в праязыке либо отсутствовали некоторые типы слогов, либо в некоторых различающихся типах слогов наблюдалась одинаковая просодия.

Анализ тоновых соответствий между языками (диалектами) вьетнамским (В), хен (Х), тхавунг (ТХВ), тхатъби (ТХБ), мишон (МШ), нгоклак (НГЛ), нъисуан (НС), ламла (ЛМЛ), ланлио (ЛЛЛ), хашу (ХШ), уило (У), тхайткинь (ТХ) дает возможность сделать следующие выводы.

Полное совпадение тоновых соответствий для слогов $\emptyset$ и N ; s и Ns ; p , p' , ps показывает, что эти слоги обладали одинаковыми просодическими характеристиками. Возможно, что слогов типа Ns , p' и ps в праязыке вообще не было, так как соответствия сегментных единиц также не дают оснований для их реконструкции.

С другой стороны, нетождественность соответствий для слогов $?$ и N' заставляет предполагать существование в праязыке двух типов слогов $?$ и N' с разными просодическими характеристиками.

Таким образом, если принимать гипотезу Одрюкура, т.е. полагать, что контур тона исторически зависел от типа слога, то необходимо увеличить число таких слогов по крайней мере до 5.

ИСКОННЫЕ ТЕРМИНАЛИ (ТИПЫ СЛОГОВ)

	А		В		Г		Д		
	$\emptyset$	N	$?$	N'	s	Ns	p	p'	ps
№	1 2	3 4	5 6	7 8	9 10	11 12	13 14	15 16	17 18
В	$a^1 a^2$	$a^3 a^4$	$a^5 a^6$	$a^7 a^8$	$a^9 a^{10}$	$a^{11} a^{12}$	$a^{13} a^{14}$	$a^{15} a^{16}$	$a^{17} a^{18}$
Х	$a^1 a^2$	$a^3 a^4$	$a^5 a^6$	$a^7 a^8$	$a^9 a^{10}$	$a^{11} a^{12}$	$a^{13} a^{14}$	$a^{15} a^{16}$	$a^{17} a^{18}$
ТХВ	$a^1 a^2$	$a^3 a^4$	$a^5 a^6$	$a^7 a^8$	$a^9 a^{10}$	$a^{11} a^{12}$	$a^{13} a^{14}$	$a^{15} a^{16}$	$a^{17} a^{18}$
ТХБ	$a^1 a^2$	$a^3 a^4$	$a^5 a^6$	$a^7 a^8$	$a^9 a^{10}$	$a^{11} a^{12}$	$a^{13} a^{14}$	$a^{15} a^{16}$	$a^{17} a^{18}$
МШ	$a^1 a^2$	$a^3 a^4$	$a^5 a^6$	$a^7 a^8$	$a^9 a^{10}$	$a^{11} a^{12}$	$a^{13} a^{14}$	$a^{15} a^{16}$	$a^{17} a^{18}$
НГЛ	$a^1 a^2$	$a^3 a^4$	$a^5 a^6$	$a^7 a^8$	$a^9 a^{10}$	$a^{11} a^{12}$	$a^{13} a^{14}$	$a^{15} a^{16}$	$a^{17} a^{18}$
НС	$a^1 a^2$	$a^3 a^4$	$a^5 a^6$	$a^7 a^8$	$a^9 a^{10}$	$a^{11} a^{12}$	$a^{13} a^{14}$	$a^{15} a^{16}$	$a^{17} a^{18}$
ЛМЛ	$a^1 a^2$	$a^3 a^4$	$a^5 a^6$	$a^7 a^8$	$a^9 a^{10}$	$a^{11} a^{12}$	$a^{13} a^{14}$	$a^{15} a^{16}$	$a^{17} a^{18}$
ЛЛЛ	$a^1 a^2$	$a^3 a^4$	$a^5 a^6$	$a^7 a^8$	$a^9 a^{10}$	$a^{11} a^{12}$	$a^{13} a^{14}$	$a^{15} a^{16}$	$a^{17} a^{18}$
ХШ	$a^1 a^2$	$a^3 a^4$	$a^5 a^6$	$a^7 a^8$	$a^9 a^{10}$	$a^{11} a^{12}$	$a^{13} a^{14}$	$a^{15} a^{16}$	$a^{17} a^{18}$
У	$a^1 a^2$	$a^3 a^4$	$a^5 a^6$	$a^7 a^8$	$a^9 a^{10}$	$a^{11} a^{12}$	$a^{13} a^{14}$	$a^{15} a^{16}$	$a^{17} a^{18}$
ТХ	$a^1 a^2$	$a^3 a^4$	$a^5 a^6$	$a^7 a^8$	$a^9 a^{10}$	$a^{11} a^{12}$	$a^{13} a^{14}$	$a^{15} a^{16}$	$a^{17} a^{18}$
№	1 2	3 4	5 6	7 8	9 10	11 12	13 14	15 16	17 18

ТОНОВЫЕ СООТВЕТСТВИЯ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРААБХАЗОАДЫГСКОЙ СИСТЕМЫ СОГЛАСНЫХ

К абхазоадыгской (ПА) семье языков относятся следующие языки: 1) убыхский (У); 2) абхазский (А), абазинский (Аб) (абхазоабазинская группа, ПАА); 3) адыгейский (Ад), кабардинский (К) (адыгская группа, ПАК). До сих пор было установлено лишь некоторое количество фонетических соответствий между тремя подгруппами (см. в частности А.К. Шагиров, К выявлению генетически общих элементов лексики абхазо-адыгских языков, "Этимология 1964"), а общеабхазо-адыгской реконструкции сделано не было. Ниже предлагается реконструкция праабхазоадыгского консонантизма. При нотации мы используем транскрипцию кавказской фонетики, принятую на кафедре структурной и прикладной лингвистики МГУ. Материал для реконструкции почерпнут из существующих словарей абхазоадыгских языков. Праадыгская система согласных приводится в том виде, в каком она восстановлена С.Л. Николаевым.

Большинство согласных праабхазоадыгского языка можно восстанавливать в четырех вариантах (неогубленный непалатализованный, неогубленный палатализованный, огубленный непалатализованный, огубленный палатализованный), обозначаемых ниже соответственно цифрами от 1 до 4; наличие этих вариантов было обусловлено характером соседних гласных, система которых впоследствии сильно редуцировалась.

ПА	У	ПАК	Ад	К	ПАА	А	Аб
*p 1	p	*p	p	p	*p	p	p
2	t _w	*t	t	t	*p	p	p
3	f	*p	p	p	*p	p	p
4 ? (t _w)		*c	c	c	*t _w	t _w	t _w
*p' 1	p'	*p'	p'	p'	*p'	p'	p'
2	t' _w	*t'	t'	t'	*p'	p'	p'
4 ? t' _w		*c'	c'	c'	*t' _w	t' _w	t' _w

ПА	У	ПАК	Ад	К	ПАА	А	Аб
*p̄ 1	b	*p̄	p	b	*b	b	b
2	(d _w)	*t̄	t	d	*b	b	b
*b 1	b	*b	b	b	*b	b	b
2	d _w	*d	d	d	*b	b	b
*f 1	f	*x _(w)	x/f	x _(w)	*f	f	f
*v 1	f	*b	b	b	*f	f	f
*m 1	m	*m	m	m	*m	m	m
*w 1	w	*w	w	w	*w	w	w
*pI 1	vI	*p	p	p	*p	p	p
*pI' 1	pI'	*p'	p'	p'	?		
*pI 1	bI	*p	p	b	?		
*bI 1	bI	*b	b	b	*b	b	b
*mI 1	mI	*m	m	m	*m	m	m
*t 1	t	*t	t	t	*t	t	t
3	t _w	*t	t	t	*t _w	t _w	t _w
4	t _w	?			*c _w	c _w	c _w
*t' 1	t'	*t'	t'	t'	*t'	t'	t'
3	t' _w	*t'	t'	t'	*t' _w	t' _w	t' _w
4	t' _w	*t'	t'	t'	*c' _w	c' _w	c' _w
*t̄ I	d	*t̄	t	d	*d	d	d
*l 1	d	*d	d	d	*d	d	d
3	d _w	*d	d	d	*d _w	d _w	d _w
4	d	*d	d	d	*z	z	z
*n 1	n	*n	n	n	*n	n	n
*r 1	d-, r/R	*t̄-, r	t-, r	d-, r	*r	r	r
2	ŷ	*d-	d-	d-	*r	r	r
*c 1	c	*s-, c	s-, c	s-, c	*c	c	c
2	č	(*s)	(s)	(s)	*c'	c'	c'
3	c _w	*s _w -, c _w	s _w -, c _w	f	*c _w	c _w	c _w
4	(č)	*c'	č	č	*č	č	č
*c' 1	c'	*c'	c'	c'	*c'	c'	c'
2	č'	*c'	c'	c'	*č'	č'	č'
3	c' _w	*c' _w	c' _w	f'	*c' _w	c' _w	c' _w
4	č'	*c'	s'	s'	*č'	č'	č'

ПА	У	ПАК	АД	К	ПАА	А	АВ
*Б I	с	*с	с	z	*о	о	о
I 2	с	*с	с	z	(*б)	(о)	(о)
I 3	с	*с	с	z	*о	о	о
*3 I 2	с	*с	с	z	*з	з	з
I 3	с	*с	с	z	*з	з	з
I 4	с	*с	с	z	*з	з	з
*Б I 1	с	*с	с	z	*б	б	б
I 2	с	*с	с	z	*б	б	б
I 3	с	*с	с	z	*б	б	б
I 4	с	*с	с	z	*б	б	б
*Б I 1	с	*с	с	z	*б	б	б
I 2	с	*с	с	z	*б	б	б
I 3	с	*с	с	z	*б	б	б
I 4	с	*с	с	z	*б	б	б
*Б I 1	с	*с	с	z	*б	б	б
I 2	с	*с	с	z	*б	б	б
I 3	с	*с	с	z	*б	б	б
I 4	с	*с	с	z	*б	б	б
*Б I 1	с	*с	с	z	*б	б	б
I 2	с	*с	с	z	*б	б	б
I 3	с	*с	с	z	*б	б	б
I 4	с	*с	с	z	*б	б	б
*Б I 1	с	*с	с	z	*б	б	б
I 2	с	*с	с	z	*б	б	б
I 3	с	*с	с	z	*б	б	б
I 4	с	*с	с	z	*б	б	б
*Б I 1	с	*с	с	z	*б	б	б
I 2	с	*с	с	z	*б	б	б
I 3	с	*с	с	z	*б	б	б
I 4	с	*с	с	z	*б	б	б

ПА	У	ПАК	АД	К	ПАА	А	АВ
*Б I	с	*с	с	z	*о	о	о
I 2	с	*с	с	z	*о	о	о
I 3	с	*с	с	z	*о	о	о
I 4	с	*с	с	z	*о	о	о
*J I	с	*с	с	z	*j	j	j
*K I	с	*с	с	z	*k	k	k
I 2	с	*с	с	z	*k	k	k
I 3	с	*с	с	z	*k	k	k
I 4	с	*с	с	z	*k	k	k
*K I	с	*с	с	z	*k	k	k
I 2	с	*с	с	z	*k	k	k
I 3	с	*с	с	z	*k	k	k
I 4	с	*с	с	z	*k	k	k
*K I	с	*с	с	z	*k	k	k
I 2	с	*с	с	z	*k	k	k
I 3	с	*с	с	z	*k	k	k
I 4	с	*с	с	z	*k	k	k
*K I	с	*с	с	z	*k	k	k
I 2	с	*с	с	z	*k	k	k
I 3	с	*с	с	z	*k	k	k
I 4	с	*с	с	z	*k	k	k

ПА	У	ПАК	АЛ	К	ПАА	А	АО
*к 3	ε _w	*к _w	к _w	ε _w	*ε _w	ε _w	ε _w
*ε 1	ε	*ε _w	ε _w	ε _w	*ε _w	ε _w	ε _w
2	ε	*ε	ε	ε	*ε	ε	ε
3	ε _w	*ε _w	ε _w	ε _w	*ε _w	ε _w	ε _w
4	ε	*ε _w	ε _w	ε _w	*ε _w	ε _w	ε _w
*x 1	ε	*x	x	x	*x	x	x
2	ε	*ε	ε	ε	*ε	ε	ε
3	x	*x(w)	x/i	x(w)	*x _w	x _w	x _w
4	x	*x _w	x	x _w	*ε _w	ε _w	ε _w
*y 1	γ/R	*γ	γ	γ	*γ	γ	γ
2	ε	*ε	ε	ε	*ε	ε	ε
4	ε	*ε	ε	ε	*ε	ε	ε
*q 1	q	*q	q	q	*q	q	q
3	q _w	*q _w	q _w	q _w	*q _w	q _w	q _w
4	q _w	*q _w	q _w	q _w	*q _w	q _w	q _w
*a' 1	a'	*a'	a'	a'	*a'	a'	a'
2	a'	*a'	a'	a'	*a'	a'	a'
3	a' _w	*a' _w	a' _w	a' _w	*a' _w	a' _w	a' _w
4	a'	*a'	a'	a'	*a'	a'	a'
*q̄ 1	q̄	*q̄	q̄	q̄	*q̄	q̄	q̄
2	q̄	*q̄	q̄	q̄	*q̄	q̄	q̄
3	q _w	*q _w	q _w	q _w	*q _w	q _w	q _w
4	q̄	*q̄	q̄	q̄	*q̄	q̄	q̄
*g 1	R	*R	R	R	*R	R	R
2	R	*R	R	R	*R	R	R
3	R _w	*R _w	R _w	R _w	*R _w	R _w	R _w
4	R	*R	R	R	*R	R	R
*X 1	X	*X	X	X	*X	X	X
2	X	*X	X	X	*X	X	X
3	X _w	*X _w	X _w	X _w	*X _w	X _w	X _w
4	X	*X	X	X	*X	X	X
*R 1	R	*R	R	R	*R	R	R
2	R	*R	R	R	*R	R	R
3	R _w	*R _w	R _w	R _w	*R _w	R _w	R _w
4	R	*R	R	R	*R	R	R

П.	У	ПАК	АЛ	К	ПАА	А	АО
*qI 2	q(I)	*H	H	H	*q	X	q
3	XI _w	*q _w	q̄ _w	q _w	*H _w	H _w	H _w
4	X _w	*H	H	H	*q _w	X _w	q _w
*qI' 1	qI'	*q̄	q̄	q'	*H(?)	H(?)	H(?)
2	q'	*q̄	q̄	q'	*H	H	H
3	qI' _w	*q̄ _w	q̄ _w	q' _w	*q' _w	q' _w	q' _w
4	q' _w	*q̄ _w	q̄ _w	q' _w	*H _w	H _w	H _w
*q̄I 1	q̄	*q	q	q'	*q̄	q̄	q̄
2	q'	*q̄	q̄	q'	*q̄	q̄	q̄
3	qI(w)	*q̄ _w	q̄ _w	q' _w	*q̄ _w	q̄ _w	q̄ _w
4	q' _w	*q̄ _w	q̄ _w	q' _w	*q̄ _w	q̄ _w	q̄ _w
*XI 1	XI	*X	X	X	*H	H	H
2	X	*H	H	H	*H _w	H _w	H _w
3	XI _w	*X _w	X _w	X _w	*H(w)	H(w)	H(w)
*RI 1	RI	*R	R	R	*q̄	q̄	q̄
2	R	*J	J	J	*q̄	q̄	q̄
3	RI _w	*R _w	R _w	R _w	*q̄ _w	q̄ _w	q̄ _w
4	R	*w	w	w	*q̄	q̄	q̄
*q̄ 1	q̄	*q̄	q̄	q̄	*q̄	q̄	q̄

АНОМАЛИЯ ДОЛГОТЫ В ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКЕ И 5 СМЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ

Реконструкция, зачастую даже сильнее, чем синхронное описание, обнаруживает связь казалось бы разрозненных явлений и вновь подтверждает принцип, который теперь хотели бы поклебать: язык — это система, *ou tout se tient*,

О. Аномалия долготы в литовском литературном языке (соответственно в западно-аукштайтских диалектах) состоит в том, что в некоторых случаях в неконечном слоге под ударением сохраняется краткий гласный, который обычно в этих условиях должен был бы продлеваться до полудолгого. Вслед за А.Мейе¹⁾ общепринято такое объяснение: данный слог был некогда конечным или независимым ударным. Типы и примеры: 1) *gerasis* < *gerās-is* "хороший", членная форма прилагательного; 2) *grā-neša* "сообщает", приставочная форма глагола, против *grā-našas* "пророк"; 3) императивы *neš-k(i)* "неси" < **neš+k^we+i*, где *k^we+i* энклитика; 4) местоимения в род. п. *mano* "мой" и др.; 5) 3 л. будущего времени *neš* "понесет", "-ут"; 6) I и 2 л. ед. ч. будущего времени *nešiu*, *neši*.

I. Наличие типов 4 и 6, где аномальный слог никогда не был конечным, заставляет уточнить формулировку А.Мейе и принять, вслед за Й.Казлаускасом²⁾, что в литовском языке большую роль играет категория "субморфа" — такого варианта морфемы, из которого особенности слоговой интонации, обусловленные позицией, обобщаются на обусловленные позиции в других формах парадигмы³⁾. Литовский

¹⁾ A. Meillet. D'une anomalie de la quantité en lituanien occidental. — *MSL*, XII (fasc.4), 1903.

²⁾ J. Kazlauskas. Lietuvių kalbos istorinė gramatika. Vilnius, 1968, p. 16 et passim.

³⁾ Детальное обследование для одного из диалектов см. К. Гаршва. Просодия в системе фонологического описания. — *Изв. АН СССР. Серия литерат. и яз.*, т. 36, вып. 1, 1977.

язык оказывается тем самым моделью того процесса становления и.-е. аблаута, который постулирует Е.Курилович.

2. Наличие в списке аномалий долготы форм 3 л. будущего времени ставит, однако, особую проблему. Эти формы аномальны по-разному: 1) корневой акутовый слог, содержащий долгий гласный тембра *i*, *u*, и, чаще всего сокращается до краткостного: *būti* — *būs* "будет"; 2) в редких случаях такой же слог, не сокращаясь, только претерпевает метатонию: *siūti* — *siūs* "будет шить"; 3) суффиксальный слог того же вида претерпевает только метатонию: *zakūti* — *zakūs* "будет говорить". (Остальные акутовые слоги испытывают только метатонию.) Фонетическое объяснение предложено: здесь перед нами три разных хронологических типа оттягивания ударения⁴⁾. Но как объяснить саму хронологическую разницу для трех форм, казалось бы, одной семантики? Это можно надеяться сделать только в контексте более широкой системы.

3. Прежде всего, здесь (как и во многих других случаях) возникает неизвестная старой компаративистике проблема — реконструкция синтагм. Если еще А.Мейе объяснил аномалию долготы на основе особой позиции слога в словоформе, то здесь необходимо реконструировать особую позицию целой словоформы в синтагме. Особенности этой позиции могут быть как фонетическими, так и семантическими. Отметим параллельные ряды в литовском и русском: 1) *mamaitė* *verks verks*, *ir mes išalkę verkiame* (*žemaitė*); 2) *Būdamo dirbs dirbs*, *ir niekas neišeina*; 3) *Liūb (liūb) išeis* *nuo saulės lig saulės dirbti*; ср. рус. I) Легче тени / Татьяна прыг в другие сени (Пушкин); Татьяна и прыгни в другие сени; 2) Бывало прыг на лавку и...; 3) Бывало выйдешь в поле и... По происхождению формы типа рус. прыгни, а также, вероятно, прыг, являются формами сильного аориста. Все случаи объединяет общая чер-

⁴⁾ Ю.С.Степанов. Ударение и метатония в литовском глаголе. — *"Baltistica"*. I Priedas. 1972.

та - нейтрализация различий будущего и претерита-аориста в пользу "определенного" (или совершенного) видового значения. (Ср. также др.-греч. гномический аорист.) Такая нейтрализация имела место всегда в несвободной синтаксической позиции - зависимого или придаточного предложения.

4. Т.о. снова встает вопрос о связи между балтийским сигматическим будущим и славянским сигматическим аористом и о происхождении их из общего источника. Такой взгляд имел, как известно; решительных противников (А.Мейе) и столь же решительных сторонников (Х.Педерсен). В настоящее время в пользу связи могут быть приведены новые доводы, в частности, убедительная реконструкция Х.Стангом замещения сигматического аориста в балтийском $\bar{a}$ -претеритом (в глаголах типа *kelti* "поднимать" против типа *kilti* "подниматься").

5. Парадоксальным образом, А.Мейе, отвергая общий генезис балтийских и славянских сигматических форм, открыл новую проблему, показав их функциональный параллелизм двум рядам с и.-е. $\bar{a}$ -суффиксами: 1) ряду претеритов - балт. *liko*, слят. *бър-а*, жд.-а, латин. *er-ā-в*, *dixer-ā-в*. 2) ряду форм конъюнктива - латин. *fuam*, *tulam* и др.⁵⁾ Новые данные внесла контроверза Н.С.Трубецкого и Э.Бенвениста о происхождении и.-е. $\bar{a}$ -суффикса. Мы можем сообщить о перекрещивании рядов с $\bar{a}$ -суффиксами и с *v*-суффиксами в балтославянском глаголе.

6. Т.о. в самом общем и схематическом виде может быть выдвинута следующая гипотеза: в балтославянском ареале существовал в дополнительном распределении "квадрат алломорфов" - 1. претеритальное *-в-*, 2. претеритальное *-ā-*, 3. непретеритальное *-в-* (дезидеративное и проч.), 4. непретеритальное *-ā-*. Балтийский подавляет 1 и 4, славянский - 2 и 3. Литовские аномалии в формах 3 л. будущего времени могут отражать разные этапы этих замен.

⁵ A.Meillet. Sur l'aoriste sigmatique. - "Mélanges F. de Saussure". P., 1908.

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ СЛОГОВЫХ АКЦЕНТОВ В ТУРКСКОМ ПРОТОЯЗЫКЕ

1. Еще в начале нынешнего столетия была высказана мысль о том, что вершинообразующее выделение компонентов, именуемое ударением, или акцентом, и отмечаемое, как правило, в слове, может иметь место и в пределах слога, вокализм которого в определенном смысле противопоставлен консонантизму. Впоследствии эта мысль неоднократно воспроизводилась вместе с констатацией реально существующего положения вещей (Э.Лагеркранц, С.Д.Кацнельсон и др.).

2. Наличие слоговых акцентов, иными словами, различные вокальнOVERшинного и консонантнOVERшинного типов слога, реализуется на уровне сегментных единиц в увеличении их длительности, на просодическом уровне - в движении тона и в способе примыкания компонентов друг к другу. В первом типе гласный обычно долгий и за ним следует простой согласный, во втором типе согласный - геминированный, точнее, близкий по длительности к геминированному, и ему предшествует краткий гласный. Для первого типа характерен плавный тон (ровный, восходящий, восходяще-нисходящий), для второго - толчкообразный, прерывистый. Простой согласный присоединяется к долгому гласному непосредственно, присоединение же к краткому гласному геминированного, или длительно произносимого, глухого согласного, в особенности смычного, нередко происходит путем более или менее резкого перерыва в артикуляции гласного, квалифицируемого в специальной литературе как явление преаспирации, преглотализации или фарингализации. Говоря об условиях образования перерыва в артикуляции гласного, следует особо подчеркнуть возможность его обусловленности не только характером слоговой акцентуации, но и исчезновением согласных: заднеязычных, увулярных и других.

3. В современных тюркских языках корреляция вокальнOVERшинного и консонантнOVERшинного типов слога отсутствует, однако наблюдается ряд фонетических явлений, кото-

рне легче всего объяснить исходя из существования в прошлом указанной корреляции. К таким явлениям относятся первичная долгота гласных, фарингализация гласных, геминация согласных.

3,1. По вопросу о происхождении первичных долгих гласных: большинство тюркологов придерживается точки зрения В.В.Радлова и Б.Грэнбека, признававших лишь контракционный путь развития долгот, т.е. путь стяжения сочетаний гласных с согласными. Е.Д.Полианов полагал, что на якутской почве развитие долготы гласных можно приписать влиянию звонкости последующих согласных. Особую позицию занимал Ю.Немет, по мнению которого, высказанному более полвека назад, появление первичных долгих гласных в тюркских языках было обусловлено не сокращением слогов или выпадением звуков, а своеобразием акцентуации.

3,2. Что касается фарингализации гласных, встречающейся в тувинском и тофаларском языках, то в настоящее время известны три точки зрения на ее природу. Фарингализацию считают рефлексом исчезнувших согласных, видят в ней отражение особенностей самодийского или енисейского языкового субстрата или же рассматривают в связи со слоговыми акцентами, указывая при этом на сходство с датским толчком.

3,3. Геминация согласных широко распространена в тюркских языках; однако в данном случае имеется в виду очень ограниченный круг слов, в которых удвоение согласных или увеличение их длительности, восходящее к глубокой древности, нельзя объяснить ни стечением согласных на языке морфем, ни усилением экспрессии.

3,4. Различные факты убедительно свидетельствуют о том, что первичная долгота гласных, фарингализация гласных и первичная геминация согласных тесно связаны между собой. Предлагаемый опыт реконструкции слоговых акцентов заключается в попытке объяснить перечисленные явления, как имеющие единое происхождение и отражающие особенности древней слоговой полипросодии.

К РЕКОНСТРУКЦИИ ОБЩЕИРАНСКОГО УДАРЕНИЯ

Активизировавшееся в последние годы изучение просодических систем живых иранских языков и их истории заставляет пересмотреть некоторые традиционные представления о древнеиранском ударении.

Традиционно — после работ А.Мейе и Р.Готье [А.Meillet 1900; R.Gauthiot 1916] — принято считать, что в древнеиранский период ударение: а) закрепилось на определенном слогое слова (предпоследнем, если его гласный был долгим, и предшествовавшем ему, если гласный предпоследнего слога был кратким); б) стало силовым.

Хотя в дальнейшем выявились и иные факторы, определяющие место ударения в иранских языках (тяжелые легкие слоги в согдийском [P.Tedesco 1923; I.Gershevitch 1954]) и было постулировано иное действие ударения в восточноеиранских языках [И.М.Оранский 1963], эти явления не проецировались на общеиранскую плоскость, а единичные высказывания о возможности отражения в ряде языков более древнего акцента типа ведического [G.Morgenstierne 1942; W.B. Henning 1942] долгое время оставались незамеченными.

Исследования последних лет выявляют системные отличия ряда языков от традиционной схемы в отношении как места, так и фонетического характера ударения.

Установлено отражение в некоторых языках ударения не на 2-м — 3-м слоге, а более древнего разноместного, совпадающего в основном с ведическим [В.А.Дыбо 1970; 1972; 1974; G.Morgenstierne 1942; 1973; И.М.Стеблин-Каменский 1971; 1972] (возражения [J.Kuryłowicz 1975] не выглядят убедительными).

Экспериментальные исследования фонетической презентации ударения в неслогофонемных языках, в том числе и иранских, показывают его комплексный характер, выражающийся в сочетании изменения высоты основного тона, его интенсивности; длительности ударного гласного (или слога в

целом) и отчетливости его артикуляции, — с колебаниями удельного веса каждого из компонентов по языкам (от преимущественно тонического до преимущественно силового ударения). Такая комплексность могла характеризовать в принципе и общеиранское ударение.

Наличие в исторической фонетике части средне- и новоиранских языков таких явлений как а/редукция (пред-)предударных гласных (включая и гласные первого слога типа *су*) и их отличное от соответствующих ударных качественное отражение, б/слабая артикуляция начальных слогов (вплоть до отпадения) при интенсивной артикуляции ударных, — указывают на преимущественно силовое (и достаточно сильное) ударение в предшественниках этих языков.

Отмечаемые в других языках а/сходное отражение древнеиранских гласных в ударной и (пред-)предударной позиции; б/сохранность безударных анлаутиных слогов и ряд иных явлений — свидетельствуют о преимущественно тоническом (и достаточно слабом) ударении в прототипе.

Направляется вывод, что общеиранская акцентная система представляла собой в наиболее раннюю эпоху разноместное ударение преимущественно тонического типа с возможным наличием тоновых оппозиций, сходное с ведическим. При этом тоновые оппозиции могли быть двойного происхождения: как унаследованными от общеарийского или индоевропейского состояния, так и возникшими в результате утраты аспирации звонкими аспирированными.

В более позднюю эпоху ударение лишь в части диалектов становится фиксированным на 2-м — 3-м слоге от конца, причем этот процесс не обязательно сопровождался перевесом силового компонента (напр., персидский и таджикский языки, где ударение остается преимущественно тоническим, ср. данные исторической фонетики и экспериментальных исследований [В.Б.Иванов 1972; 1975; 1977; Т.Н.Хаскашев 1972]). Другие диалекты сохранили разноместное ударение, фонетический характер которого в различных диалектах в разные эпохи был неодинаковым (см. данные исторической фонетики и современное ударение в афганском [Н.Рензи 1955; Н.А.Дворячков 1960; Ш.Асмат 1969] и ряде других языков).

ТИП РЕКОНСТРУИРУЕМЫХ ТОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ СЛОГОВЫХ ЯЗЫКОВ АЗИИ

Тональные системы большинства современных языков Восточной и Юго-Восточной Азии восходят к одной и той же системе, предполагающей три тона в слогах любого состава, кроме закрыт. х (т.е. кончающихся неподвижным согласным); в открытых слогах тональных различий не было, и их обычно рассматривают как особый, четвертый тональный класс. История дальнейшего развития этой системы хорошо изучена. Параллельно оглушению звонких инициалей произошло разделение каждого из первоначальных четырех тонов на высокий (в слогах с глухими инициалами) и низкий (в слогах, первоначально начинавшихся звонкими согласными). В дальнейшем в ряде языков число тонов вновь уменьшилось в результате слияния некоторых из них.

Такое происхождение имеют тональные системы китайских диалектов, тибетских языков, вьет-миангских и мiao-ло. Эти четыре группы не родственны между собой.

В некоторых из этих языков один из основных трех тонов незакрытых слогов возник в результате отпадения конечного целевого согласного (h, w). Убедительно всего это доказано для вьетнамского языка (современные высокий и низкий — ломаные тоны; конечный целевой в соответствующих корнях еще сохранился в некоторых миангских языках) — также для китайского (падающий тон, по крайней мере в части слогов). Таким образом, система с тремя тонами незакрытых слогов в некоторых случаях восходит к двухтоновой. Предположение о немелодическом происхождении различия между этими двумя тонами пока недостаточно обосновано.

В некоторых других языках система тонов имеет очень недавнее происхождение. Таковы, например, тоны современных тибетских диалектов — два основных тона, каждый из которых разделен на высокий и низкий. Тоновые различия в тибетском могут быть использованы для выражения граммати-

ческих значений или для словообразования. В языках, о которых говорилось выше, такие явления редки (за исключением, может быть, китайских диалектов Дэ).

Наконец, в тибето-бирманских языках Шиньяни и Бирмы (по крайней мере в достаточно хорошо изученных) исходной является система двух тонов в слогах любых типов (включая и закрытые). В незакрытых слогах обычно есть еще один тон, имеющий позднее происхождение и иногда используемый для словообразования.

Во многих языках группы лоло (Шиньяни) каждый тон разделен на высокий и низкий, однако это не связано со звонкостью или глухостью инициала: высокий тон наблюдается в корнях, которые в некоторых языках бирманской группы начинаются с глоттализованных согласных, восходящих к сочетанию согласного с префиксом.

Главные особенности последней тональной системы состоят в том, что 1) закрытые слоги не исключены из основного тонального противопоставления и 2) расщепление тонов на высокие и низкие, где оно произошло, имело иное основание, чем обычно.

Весьма вероятно, что тоны тибето-бирманских языков (кроме тибетского) восходят к одному источнику, но неясно, связаны ли они с двумя тонами открытых слогов китайского языка.

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИИ

ДВА КЛАССА ГЛАГОЛЬНЫХ КОРНЕЙ ВИДА CVC(C)V В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ

1. Греческие непроезвонные глагольные корни делятся на 3 вида согласно ауслауту; выделение этих видов производится по образованиям с суффиксами 1 класса¹.

Таблица 1

Суффикс	Вид 1	Вид 2	Вид 3
-της	ἐχέ-της	βέκ-της	δδ-της
-τρον ²	ἄρο-τρον	ψιλ-τρον	λυ-τρον
-θρον	κρ-μα-θρα	ἄρ-θρον	βα-θρον
нулевой инфикт	κρεμα-μα	εἶμα	φυμα

Нас интересуют корни 1 вида, характеризующиеся кратким ауслаутным гласным и двусложностью.

2. Рассмотрим поведение корней 1 вида в сочетании с суффиксами 2 класса¹ (-τηρ, -τω, -σι, -μα, -μθ, аориста, перфекта и т.п.). Здесь морфологически выделяются 2 класса таких корней.

Для корней 1 класса характерно: а) сохранение кратких широких гласных (ε, ο, α) в инлауте, если корень имеет вид CVCV; б) выпадение ауслаутного гласного в случае, если корень заканчивается на шумный, в других же случаях - только перед суффиксами с не-смычным ауслаутом.

Примеры:

- Корень *εεδε (εεε-θλα): εσ-μός, εἶμα (*ε-εεδ-εα), -εε-τος
- Корень *δφεεε (δδδ-μα): δεῖμα (*δδ-δφοι-ε), δεε-μα, δεε-μος
- Корень *γενε (γενε-θλα): γε-γον-α, γενε-τωρ, γενε-δης

¹ Знаком Ⓞ обозначается именной тематический гласный (ο, α).

² См. об этих классах: С. Л. Николаев, О морфологии древнегреческого глагольного корня. - Конференция "Ностратические языки и ностратическое языковедение".

Для корней 2 класса характерно: а) выпадение широких кратких гласных (ε, ο, α) в инлауте и удлинение ауслаутного гласного, если корень имеет вид CVCV (т.е. происходит чередование CVCV / CCV); б) сохранение ауслаутного гласного, если корень имеет другой вид (с долгими инлаутными гласными и т.д.). Примеры:

- Корень *εεε (εεε-τλ, εεε-τδ, εεε-της): ε-οχη-κα, ε-οχη-μα, ε-οχη-μα, ε-οχη-ον, ε-οχη-θην, εεε-δης
- Корень πελα (πελα-ω, πελα-της): ε-κλυ-ριον, κε-κλυ-μα, ε-κλα-θην, κλα-τος
- Корень αλε (αλε-τδ, αλε-της, αλε-τρον): αλ-υλι-κα, αλε-τρος

2. При сравнении с Балто-славянскими данными оказывается, что, как правило, глаголы 1 класса соответствуют глаголам балто-слав. 1 класса (слав. неподвижная парадигма /а и в/, латышская плавная интонация в корнях на онант, литовский морфологический 1 класс²).

Таблица 2

Греческий	Балто-славянский
1. Корень *εεδε: εσ-μός, εἶμα (*ε-εεδ-εα)	слав. *εεδг
2. Корень *δδδ: δεῖμα, ε-δδδ-εα, δδδ-τος	лит. teigtī, teigtis
3. Корень *γεγε: γενε-μα (*γενε-μα)	лит. neimt ; (слав. jьmг)

Глаголы 2 класса в большинстве случаев соответствуют глаголам балтослав. 2 класса (слав. парадигма о, латышская прерывистая интонация в корнях на сонант, литовский морфологический 2 класс²).

Таблица 3

1. Корень βερο: βε-ρω-κα, βρω-δης	слав. *ββгг ; лит. dzeft
2. Корень *βειρο: βει-ρω-βα, βει-ρω-κα	слав. *ββгг
3. Корень αρο: αρο-δα	слав. *αггг ; лит. aft

² См. С. Л. Николаев, С. А. Старостин, О парадигматических классах индоевропейских глаголов. - Конференция "Ностратические языки и ностратическое языковедение". М., 1977.

НЕКОТОРЫЕ СООТВЕТСТВИЯ ИНДОВЕРОПЕЙСКИХ ДОЛГОТ
И УДАРЕНИЙ

1. Соответствия долгот в индоевропейских корнях с исходом на шумный согласный.

Морфологически в древнеиндийских (ведийских) глагольных корнях с широким гласным и исходом на шумный (вида *сус*) различаются 3 типа количественного аблаута, показанные в табл. 1:

Таблица 1

	praes. 3s.	caus.	слабые формы
1 тип	$\bar{v}$	$\bar{v}$	$\bar{v} / v$
2 тип	v	$\bar{v}$	$v /$
3 тип	v	v	$v / \emptyset$

Например: 1 тип - praes. *rādhyate*, *ṣāsti*; caus. *rādha-*
yati; part. perf. pass. *rādhná*, *ṣistá*

2 тип: praes. *pādhyate*, caus. *pādāyati*, part. perf.
pass. *pānā*

3 тип: praes. *pātati*, caus. *pātāyati*, part. perf. *paptús*.

Корни с чередованиями этих типов будем обозначать соответственно *с̄vs*, *с̄vs*, *сvs*.

В других рассматриваемых и.-е. языках имеется бинарное противопоставление долготных и краткостных корней (лат., греч., герм.) либо циркумфлектированных и акутированных (балт., слав.). Долгота в латини устанавливается по пассивному причастию перфекта и прочим *t*-формам (*āctus* в противовес *tractus*), противопоставление долгот в других латинских формах мы не учитываем.

Устанавливаются следующие соответствия между количеством и интонацией корневых гласных в рассматриваемых языках (табл. 2):

	лат.	др.-инд.	греч.	герм.	балт.	слав.
1	$\bar{v}$	$\bar{v}$	v	v	$\bar{v}$	$\bar{v}$
2	$\bar{v}$	$\hat{v}$	$\bar{v}$	$\bar{v}$	$\bar{v}$	$\bar{v}$
3	v	v	v	v	$\bar{v}$	$\bar{v}$
4	v	$\bar{v}$	v	v	$\bar{v}$	$\bar{v}$

Соответствия подтверждаются следующим материалом (по возможности указываются и.-е. классы глаголов¹):

1 соответствие

др.-инд. *pād-*, слав. **pāpъ* (1); греч. *πάειν*, лат. *tāctus*, герм. *þak-*, лит. *stiegti*, (2); лат. *frāctus*, герм. **brak-* (1); греч. *πίσειν*, лт. *šeisti*, слав. **māpъ* (1); др.-инд. *āj-*, греч. *ἄγειν*, лат. *āctus*, герм. **ak-* (1); др.-инд. *ād-*, греч. *ἄδωμι*, лат. *ēsus*, герм. **et-*, лит. *ēsti*, слав. **jēdmъ* (1); греч. *ἴστω*, лит. *ūsti*; др.-инд. *ṣād-*, лат. *oāsus* (1); др.-инд. *yāp-*, греч. *ἴστω*, герм. **jas-* (1); др.-инд. *rād-*, лат. *rāsus* (2); греч. *λέγω*, лат. *lēctus* (1); греч. *ἀλέγω*, лат. *neg-lēctus* (2); лат. *vāsus* (2), герм. **wad-*; греч. *φάγωμι*, лит. *vōgti*.

2 соответствие

грек. *κλύβω*, герм. *flēk-*, лит. *pliešti*, слав. **plēpъ* (1); др.-инд. *dāp-*, лат. *dignus* (1); др.-инд. *rāj-*, греч. *ἀργύω*, лат. *rēctus*, лит. *rēsti* (2); др.-инд. *ās-*, греч. *ἴσταμι* (1); вест. *uāp-*, греч. *ἴωνται*, лит. *ūsti*, слав. *-jāpъ* (1); др.-инд. *vāp-*, греч. *φάγωμι*

3 соответствие

др.-инд. *pat-*, греч. *ἔπειται*, лат. *passus* (1); др.-инд. *prath-*, лит. *plēsti* (1); др.-инд. *(a)na-*, греч. *ἐπιναίωμι*, лат. *nactus*, герм. **nah-*, лит. *neisti*, слав. *nēsъ* (1/2); др.-инд. *as-*, греч. *ἔστω*, лат. *esse*, герм. **es-*, лит. *ēs* 1, слав. **jesmъ* (1); др.-инд. *gvas-*, лат. *questus*, герм. **hves-* (1); греч. *ἔστω*, лит. *akti* (1); лат. *captus* (1), герм. **hab-*; греч. *λέγω*, лат. *lectus*, герм. **leg-*, слав. **legti* (1)

¹ См. С. Л. Николаев, С. А. Старостин. О парадигматических классах индоевропейских глаголов. - Конференция "Ностратические языки и ностратическое языковедение". М., 1977, стр. 52-53.

4. Соответствие

др.-инд. rak-, греч. $\rho\acute{\alpha}\kappa\eta$, лат. costus, лит. kępti, слав. *ręko (2); др.-инд. dāgh-, лит. dėgti, слав. *dęgъ (2); др.-инд. tak-, лит. tekęti, слав. tęko (2); греч. $\tau\acute{\alpha}\kappa\omega$, лат. pexus, герм. *feht-, лит. pęsti (2); лат. fossus, лит. bęsti, слав. bęgъ (1/2); греч. $\pi\acute{\lambda}\acute{\epsilon}\kappa\omega$, лат. plexus, герм. *flent-, слав. plęto (2); греч. $\chi\omicron\rho\omicron\mu\eta$, герм. ag-, греч. $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\mu\omega$, лат. cleftus, герм. *hleif-

3 и 4 соответствия дополнительно распределены между собой в зависимости от и.-е. классов глаголов. Очевидно, в др.-инд. произошло вторичное удлинение во 2 классе.

При рассмотрении и.-е. корней на шумный с инлаутными дифтонгами на -i и -u данные греческого и др.-индийского не учитываются ввиду сильных перестроек, произошедших в их морфологических системах. По остальным явкам устанавливаются следующие соответствия:

1. Лат. ū ~ i, герм. ū/eu ~ i, балт. и слав. рефлексом о акутом;

2. Лат. u ~ i, герм. eu ~ i, балт. и слав. рефлексом о циркумфлексом.

Соответствия подтверждаются следующим материалом:

1 соответствие

лат. lūctus, герм. *lūk-, лит. laukti; лат. vīsus, (герм. wait), лит. veizdmi, слав. *vidęti; лат. fructus, герм. *brūk-, лат. vūctus, герм. *sūg-, лат. f-rūctus, лит. raugti; лат. lūctus, лит. laukti; лат. fixus, лит. diegti

2 соответствие

лат. victus, лит. veikti; лат. rursus, герм. *reud-, лит. rausti, слав. *rędęti; лат. lictus, герм. *lih-, лит. likti; лат. fictus, герм. *dig-, лит. žięsti, слав. *zidę; лат. dictus, лит. teigtі; лит. lięsti, слав. *lię

2. Соответствия именного ударения в древнеиндийском и греческом.

Традиционно считается², что между греческим и др.-индийским имеется 2 акцентных соответствия: 1) баритонеза - баритонеза; 2) окситонеза - окситонеза. Нам кажется, что данную точку зрения необходимо пересмотреть и установить 3 регулярных соответствия: 1) греч. баритонеза - др.-инд. баритонеза; 2) греч. окситонеза - др.-инд. окситонеза; 3) греч. баритонеза - др.-инд. окситонеза. Естественно, не рассматриваются такие лексические соответствия, где хотя бы в одном из языков ударение в словоформе морфологизовано. Рассматриваются только следующие типы бессуффиксальных основ: атематические многосложные, тематические всех родов³, основы на -i и -u, имена родства на -r, числительные; из суффиксальных - основы на -r- и -i-, а также немногие другие, в которых ударение не морфологизовано; также рассматриваются первичные локативные наречия. Ниже приводится материал (в каждом разделе соответствия сгруппированы по основам).

Barytona - barytona

др.-инд. vṛka- (m) - греч. $\lambda\acute{\iota}\kappa\omicron\varsigma$; vāna- (adj) - $\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$; vāiva- (adj) - $\delta\acute{\alpha}\lambda\omicron\varsigma$; va-hāgra- (n) - $\chi\lambda\acute{\iota}\omicron\varsigma$; āva- (n) - $\acute{\iota}\kappa\omicron\varsigma$; dāma- (m) - $\delta\omicron\mu\omicron\varsigma$; fka- (m) - $\chi\rho\omicron\kappa\tau\omicron\iota$; eha- (m) - $\alpha\acute{\iota}\theta\upsilon\varsigma$; kāvandha- (m) - $\kappa\acute{\alpha}\nu\upsilon\theta\omicron\varsigma$; kūpa- (m) - $\kappa\acute{\upsilon}\pi\eta$; kēvaṭa- (m) - $\kappa\acute{\alpha}\lambda\upsilon\tau\alpha$ (Нес.); vāva- (adj) - $\nu\acute{\epsilon}\mu\omicron\varsigma$; jāmbha- (m) - $\gamma\acute{\alpha}\mu\phi\omicron\varsigma$; vūva- (m/n) - $\pi\acute{\upsilon}\upsilon\nu$

др.-инд. sarkara (f) - греч. $\kappa\rho\omicron\kappa\acute{\alpha}\lambda\alpha\iota$; kāra (f) - $\kappa\acute{\upsilon}\pi\eta$; др.-инд. grōni- (a) - греч. $\kappa\lambda\acute{\omicron}\nu\iota\varsigma$ (f); hni- (m) - $\acute{\epsilon}\chi\epsilon\iota\varsigma$; āvi- (m/f) - $\acute{\alpha}\nu\iota\varsigma$; pāti- (m) - $\pi\acute{\alpha}\tau\iota\varsigma$; hānu- (m/f) - $\gamma\acute{\epsilon}\nu\upsilon\varsigma$; др.-инд. bhṛātṛ- (m) - греч. $\phi\rho\acute{\upsilon}\tau\omega\rho$ - $\tau\epsilon\rho\acute{\iota}$; evāṭṛ- (f) - $\acute{\epsilon}\omicron\rho$ (Нес.); klōman- (m) - $\kappa\lambda\acute{\epsilon}\mu\omega\nu$; др.-инд. dāga - греч. $\delta\acute{\alpha}\kappa\alpha$; vāva - $\acute{\epsilon}\nu\acute{\nu}\epsilon\chi$; rānga - $\rho\acute{\epsilon}\nu\tau\epsilon\iota$; trāva-s - $\tau\rho\acute{\epsilon}\iota\varsigma$ (* $\tau\rho\acute{\epsilon}\epsilon\varsigma$)

² В. W h e e l e r, Der griechische Nominalaccent. Straßaburg, 1885.

³ При этом различие по роду в греч. и др.-инд. не учитывается, за исключением случаев, когда др.-инд. основам соответствуют гр. окситонированные ā-основы: последние в греческом показывают контрастный выбор.

др.-инд. ānu - греч. ἄνω; āri - ἄρι; āri - ἄρι; pāri - πέρι

др.-инд. sūr(1)ya- (m) - греч. ἥλιος; dūr(1)ya- - θύριον;
ona- (m) - οἶνος; nāya- (adj) - νέος; tākṣan- (m) - τέκτων;
mādhya- (adj) - μέσος

Oxytona - oxytona

др.-инд. yugā- (n) - греч. ζυγόν; samā- (adj) - ὁμός;
ānā- (adj) - ἄνω; dīghā- (adj) - δολιχός; ūrdhvā- (adj) - ὑρθός;
kharvā- (adj) - κολοβός

др.-инд. snuṣā (f) - νυός (f); ohṣā (f) - οἰκία;
ūrjā (f) - ὄρη; jṣā (f) - βία

др.-инд. ragnū- (adj) - греч. ἑλαγνός; āṣu- (adj) - ἄκυσ;
bahū- (adj) - παχύς; urū- (adj) - εὐρύς; dhreū- (adj) - θραύς;
patū- (adj) - πλατύς; gurū- (adj) - βαρύς;
purū- (adj) - πολύς; pṛthū- (adj) - πλατύς; mṛdū- (adj) - βλαδύς

др.-инд. deṭī- (m) - греч. δέτηρ; pitr- (m) - πατήρ

др.-инд. gata- (n) - греч. ἑκατόν; sapta- - ἑπτά;
aṣṭā - ὀκτώ; aḥam - ἄγω

др.-инд. abhī - греч. ἐμφί

др.-инд. rudhira- (adj) - греч. ἑρυθρός; gilra- (adj) - πικρός;
drumā- (m) - δρυμός; isira- (adj) - ἰσρός;
ḡjīra- (m) - αἰγυκλιός (IF); ḡjra- (adj) - ἄργος (ἄργος);
krūrā- (adj) - κρυερός; ksura- (m) - ξυρόν; jihma- (adj) - δοχμός;
pīvara- (adj) - πιερός; ḡtū- (m) - ἄρις (Нес.)

Oxytona - barytona

др.-инд. gankha- (m) - греч. κόγχος, γ; garabha- (m) - κίραφος (Нес.);
ḡyena- (m) - ἰκτένος; stupā- (m) - βτύπχυ; āṅka- (m) - ἄγκος;
antrā- (n) - ἔντερον; oakra- (m) - κύκλος;
darbha- (m) - δάρχυ; kendara- (m) - κἀνδαλου (Нес.);
kumbhā- (m) - κύμβος; gandharvā- (m) - κένταυροι

др.-инд. karāṇā (f) - греч. κάρμη; jṣā (f) - βία

др.-инд. bhānū- (m) - греч. πήχυς; paraśū- (m) - πελεκυς

др.-инд. ḡ(u)van- (m) - греч. κύων; duhitṛ- (f) - θυγάτηρ;

mātr- (f) - μήτηρ;

др.-инд. d(u)vanū - греч. δύνω; ubhāu - ὑμφω; catvāras - τέσσαρες

др.-инд. upāri - греч. ὑπερ; parūt - πέρις; sanutār - ἄτερ

др.-инд. saptaśā- (adj) - греч. ἑβδομος; anyā- (adj) - ἄλλος;
divyā- (adj) - δῖος; udra- (m) - ὕδρος (H);
katarā- (pron) - ἰότερος; dhākā- (m) - θήκη; dhūmā- (m) - θύμος (не θυμός)

От указанных соответствий есть только два необычных отклонения; др.-инд. ḡjjan- (m) - греч. ἀργυρόν; āṣva- (m) - ἄκυσ. Все остальные случаи греческ. и окситонезы при др.-инд. баритонезе представлены в прилагательных на -u (подавляющее большинство их в греческом имеет окситонезу); др.-инд. tāku- - греч. ταχύς, mūhu - βραχύς; в лексемах с суффиксом или суфморфом -r-, также обнаруживающими явную тенденцию к окситонезу в греческом; др.-инд. ḡyācūra- (m) - греч. ἑκυρός; ājra- (m) - ἄγρος; dhārā (f) - θορή; pātra- (n) - πτερόν

ПРОБЛЕМА ТОНОВ ТАНГУТСКОГО ЯЗЫКА

1. Проблема тонов тангутского языка остается наиболее сложной и запутанной частью фонетической реконструкции. О существовании тонов свидетельствуют все внутренние источники. Однако они не согласуются между собой относительно их числа.

2. В сохранвшейся части "Веньхэе" имеется список рифм ровного и восходящего тонов. К сожалению, сохранился список только ровного тона. В "Веньхэе цза лэе", сохранившемся полностью, за исключением первого и последнего листа, тоже различаются только два указанных тона. Предисловие к фонетическим таблицам определено указывает на существование в тангутском языке четырех тонов, причем их номенклатура совпадает с китайской. Однако практика фонетических таблиц не имеет ничего общего с теорией, провозглашенной в предисловии. Как уже говорилось, во второй части таблиц различаются только два тона: ровный и восходящий, поскольку указаны рифмы этих тонов. Достаточно сравнить число иероглифов в "Веньхэе" и "Веньхэе цза лэе" (с учетом реконструкции восходящего тона), чтобы обнаружить почти полное тождество. Из этого следует, что в "Веньхэе" действительно различались не более двух тонов и никаких других рифм, помимо тех, которые указаны в "Веньхэе" и фонетических таблицах, не существовало.

3. Таким образом, налицо две трактовки проблемы тона во внутренних источниках. При этом примечательно, что в этом отношении внутренние источники делятся на две группы, различающиеся по датировке: "Веньхэе", с одной стороны, и внутренние источники, относящиеся к концу XIII в., — с другой. Вероятно, различные трактовки проблемы тона во внутренних источниках может быть объяснено только изменениями, которые претерпели тоны тангутского языка.

Судя по названиям, тоны тангутского языка, различаемые в "Веньхэе", были контурными и характеризовались определенным мелодическим рисунком: ровным в одном случае и восходящим в другом. Для синтетических языков вообще характерна зависимость между начальным согласным слога и регистром его произношения: слоги со звонкими начальными согласными произносятся в низком регистре, а слоги с глухими начальными согласными

произносятся в высоком регистре. Видимо, тангутский в том состоянии, которое отражено в "Веньхэе", не был исключением. Во всяком случае в "Веньхэе" регистр произношения слога связывался с глухостью или звонкостью начального согласного. Это хорошо заметно из тех помет, которые имеются при некоторых тангутских фаньце. В случаях, когда не оказывается подходящего слога для второго знака фаньце, при нем ставится знак ("глухой"/), если слог должен произноситься в высоком регистре, или знак ("звонкий"/), если слог должен произноситься в низком регистре. Ясно, что такие пометы могут относиться только к начальному согласному, но не к слогу в целом.

5. Материал рукописного словаря без названия говорит о той непосредственной связи, которая существовала между двумя интерпретациями тангутских тонов. Слоги, трактуемые в этом словаре как принадлежащие к уходящему тону, "Веньхэе" относит к ровному, а слоги, трактуемые как принадлежащие к входящему тону, "Веньхэе" относит к восходящему. Отсюда понятно, почему "Веньхэе бао юнь" рассматривает рифмы восходящего тона как рифмы восходящего и входящего тонов. Вероятно, при перечне рифм ровного тона должна быть отговорка относительно того, что рифмы ровного тона следует трактовать как рифмы ровного и уходящего тонов.

6. Таким образом, налицо зависимость между ровным и уходящим, а также между восходящим и входящим тонами. Данные рукописного словаря без названия слишком отрывочны, чтобы можно было составить точную картину перехода от одной трактовки тонов к другой. Различия в трактовке встречаются всего 23 раза. Однако даже этого небольшого числа примеров достаточно для того, чтобы констатировать зависимость новых тонов от регистров, различаемых в "Веньхэе".

7. Причина, которая побудила тангутских филологов изменить трактовку тонов, лежит в изменении системы согласных фонем. Судя по материалам "Веньхэе", тангутские согласные могли быть как глухими, так и звонкими, при этом слоги со звонкими начальными согласными произносились в низком регистре, а слоги с глухими начальными согласными — в верхнем. Иначе говоря, регистр произношения слога зависел от глухости или звонкости начального согласного.

как свидетельствуют иноязычные транскрипции, признак глухости-звонкости не имел существенного значения для тангутского языка конца XII в. Выше уже указывалось, что первые признаки этого явления мы обнаруживаем уже в первом издании "Томофонов". Совершенно естественно, что при утрате признака глухости-звонкости слоги тангутского языка должны были различаться по новому признаку, т.е. по регистру. Так из ровного тона выделялись слоги уходящего тона и из восходящего тона выделялись слоги входящего тона. Таким образом, внутренние источники реконструкции тангутской фонетики дают нам возможность утверждать, что в начале XII в. в тангутском языке было два тона: ровный и восходящий, каждый из которых реализовался в верхнем или нижнем регистре в зависимости от глухости или звонкости начального согласного. В конце XII в. в тангутском языке было четыре тона: ровный, восходящий, уходящий и входящий. "Венхан" различает регистры произношения не только шумных, но также и сонантов. Возможно, тангутские сонанты того времени либо вообще не имели точных регистровых различий и в этом случае их подведение под один из регистров вызвано орфографическими соображениями, либо слоги с сонантными начальными согласными произносились в определенном регистре, что равносильно четырем тонам для слогов с сонантными начальными согласными. Совершенно очевидно, что такая неуравновешенная система тонов не могла существовать долгое время и поэтому система четырех тонов распространилась и на слоги с шумными начальными согласными.

Е. А. Хелимский

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРАСЕВЕРНОСАМОДИЙСКИХ (ПСС) ЛАБИАЛИЗОВАННЫХ ГЛАСНЫХ НЕПЕРВЫХ СЛОГОВ

Данная работа имеет целью дополнить реконструкцию ПСС вокализма, предложенную Ю.Янхуненом, и является одной из частей ПСС реконструкции, которая была выполнена автором до ознакомления с результатами Янхунена, хотя и позднее публикации последних. Полная принципиальная идентичность обеих реконструкций (например, в таких моментах, как общее количество и качество монофтонгов, наличие дифтонгов на $i, \bar{e}$ и более редких на $\bar{y}$, приоритет ненецких данных при рассмотрении монофтонгов и нганасанских — при рассмотрении дифтонгов, общий, в т.ч. и консонантный, облик праформ) позволяет говорить об их взаимной верификации.

Одно из основных расхождений связано с отсутствием у Янхунена дифференциации в непервых слогах между $\bar{e}, \bar{e}j$, с одной стороны, и лабиализованными гласными или дифтонгами с первым лабиализованным компонентом, с другой. Последние могут быть реконструированы на основании следующих соответствий:

ПСС	Ненецкий	Энецкий	Нганасанский
*o	1. o; 2. =*ö	1. u; 2. =*ö	-u, -u-
*oi	o	u	uj
*ö	[ç+] o	e	-uaj
*u	1. ø (ä); 2. u	u	-üj (-u), -ü-
*ü	1. ø (ä); 2. [ç+] u	i	-u, -u-

Примечания. В нен. и эн. *o > *ö при гласном переднего ряда в первом слоге. *u, *ü > нен. u в "сильной" позиции при падении гласного в следующем слоге (ср. развитие *ü, *i в слав. языках), в "слабой" позиции нен. ø (ä в тех случаях, когда фонотактические закономерности — различия по диалектам — не допускают стечения согласных). В нган. *u > u, u после *t, üj, ü в остальных случаях.

¹ "Néplajz és nyelvudomány" XIX-XX, 1975-1976; J. Janhunen, Samojedischer Wortschatz, Helsinki, 1977. В последней работе для прасамодийского фактически использована ПСС вокалическая реконструкция.

Дополнительно к указанным рефлексам следует учесть развитие нен. о в первых слогах в и (не во всех диалектах, преимущественно в открытых слогах) и нган. переход в ü (ш > ш̄, ы̄ > ǖ, ӯ > ǖ) при наличии *i* или *ü* в первом слоге.

Такую реконструкцию подтверждают: 1) наличие иных рефлексов у гласных, которые постулирует в соответствующих местах Янхунен (ср. ПСС *э: нен. ø, эн. о, нган. э); 2) лабиализованные гласные в большинстве саяно-самодийских соответствий ПСС слов с указанными гласными.

Примеры:

*jə́rto "гусь": нен. Т jə́rto, Л áar̄tō, Ю lə́r̄tu; эн. (С) jə́tu; нган. (С) jə́btu', jə́btū.

*m̄eɔ "рана" (ср. Ј *m̄eɔjə́j): нен. Т m̄eɔ, Л īá̄u; эн. Т (МЭ) m̄eɔ; нган. (С) m̄eɔū, m̄eɔu. Ср. кам. (С) m̄eɔ̄.

*tá̄tto "искра": нен. Т tato, Л t̄á̄ttō; эн. (С) tá̄tu; нган. (С) tó̄tū.

*weto "кишка" (ср. Ј *wet̄, эн. *wet̄jə́j): нен. Т j̄ēdo, Л w̄é̄cu, Ю b̄é̄du; эн. Т (С) b̄eɔe, (МЭ) b̄ēde, Л (С) b̄ēde, (МЭ) b̄ē; нган. (С) b̄ēatū. Ср. кам. (С) b̄ēū, кар. (PM) b̄ēdu, мат. (PM) b̄ēdu.

*ɕ̄ō "сустав" (ср. Ј *ɕ̄ēɕ̄j̄²): нен. Т ɕ̄ēso' (n), Л ɕ̄j̄sū, ɕ̄j̄sū; эн. Т (С, МЭ) usu' (ø), Л (МЭ) isu'; нган. (С) ɕ̄āj̄ī (ɕ̄āsu-).

*ɕ̄moɔ "есть" (ср. Ј *ɕ̄m̄ə̄j̄r-): нен. Т ɕ̄á̄m̄oɔ-, Л ɕ̄á̄m̄oɔr-, Ю á̄m̄oɔm̄; эн. Т (МЭ) oɔr- (< *oɔr-); нган. (Т) ɕ̄á̄m̄oɔr-. Ср. мат. (Сп) омурма̄ "обедая", оморным̄ "ужиная".

*ɕ̄n̄tōj̄ "лодка" (ср. Ј *ɕ̄n̄t̄ə́j̄): нен. Т ɕ̄n̄to, Л ɕ̄á̄n̄tō, Ю n̄gá̄du; эн. (С) ōb̄du; нган. (С) ɕ̄á̄n̄dū. Ср. тайг., кар. (PM) ōndoi.

*j̄ə́ŋkōj̄ "капкан" (ср. Ј *j̄ə́ŋk̄ə́j̄): нен. Т j̄ə́ŋgo, Л j̄ə́ŋk̄ī; эн. Т, Л (МЭ) ōgo; нган. (М) á̄ōgū.

Таким образом, решающую роль в разграничении *о и *ō играют нган. данные (-ш vs. -ш̄). В отсутствие их допустима ориентация на данные саяно-самодийских языков, ср.:

*t̄ə́nt[ɔ] "широкий" (ср. Ј *c̄ə́nc̄ə́, нен. *t̄ə́nt̄ə́j̄j̄): нен. Л c̄á̄n̄ū; эн. (С) t̄ēde. Ср. кам. (С) t̄h̄āu.

*ə̄[ɔ̄] "нижняя челюсть, подбородок" (ср. Ј *ə̄j̄ə́- или ?

*ə̄j̄ə́j̄): нен. Т ɰ̄ə̄u, Л ɰ̄īə̄u, Ю ɰ̄j̄ə̄u; эн. Т (С) en. Ср. кар. (PM) ōngoi, мат. (PM) ōngui.

*īn̄o "богатый": эн. Т (Л) īn̄ə, (МЭ) īn̄e, нган. (С) ɰ̄īn̄īə̄, ɰ̄īn̄īə̄.

*k̄ə̄ə̄r̄o "заболоченное озеро": нен. Т x̄ə̄r̄o, Л k̄ə̄ə̄r̄u. k̄ə̄ə̄u; эн. Т (МЭ) k̄ə̄oɔe.

*s̄ə̄r̄o "дождь" (ср. Ј нен. *s̄ə̄r̄ə́j̄j̄, эн., нган. *s̄ə̄r̄ə́j̄): нен. Т s̄ə̄r̄o, Л x̄ə̄r̄u, Ю s̄ə̄r̄u; эн. Т (С) s̄ə̄e, Л (С) s̄ə̄e; нган. (С) s̄ōrūə̄. Ср. тайг., кар. (PM) sch̄ə̄rru, мат. (Сп) шорк̄ə̄.

*t̄ə̄n̄o "малочисленный" (ср. Ј нен. *t̄ə̄n̄ə́j̄j̄): нен. Т t̄ə̄n̄o. Л c̄ə̄j̄j̄; эн. (С) t̄ə̄n̄e; нган. (С) t̄ə̄nūə̄, t̄ə̄nūə̄.

*m̄ə̄t̄oɔr "шкура для сидения на нарте": нен. Т m̄ə̄m̄oɔr', Л n̄ā̄m̄oɔr; эн. Т, Л (МЭ) ə̄e' (r).

*ɕ̄m̄u "север": (ср. Ј *ɕ̄m̄ə̄): нен. Т ɕ̄ēm̄, Л ɕ̄ēm̄; эн. (С) ū̄m̄; нган. (С) ɕ̄ə̄m̄ī.

*j̄ə̄ru "плач": нен. Т j̄ə̄r; эн. Т (МЭ) á̄ə̄ru; нган. (PC) д̄ə̄ōp̄o'.

*k̄ə̄tu "метель" (ср. Ј *k̄ə̄c̄ə́): нен. Т k̄ə̄d, Л k̄ə̄t; эн. Т (С) k̄ə̄ru, (МЭ) k̄ə̄du, Л (С) k̄ə̄du, (МЭ) k̄ə̄du; нган. (С) k̄ōdū.

*k̄ə̄ru "нож" (ср. Ј *k̄ə̄r̄ə́): нен. Т k̄ə̄r, Л k̄ə̄r; эн. Т, Л (МЭ) k̄ōru. Ср. тайг. (PM) k̄ūr̄ru, кар. (PM) k̄ūr̄ru, мат. (PM) ch̄ūr̄ru.

*m̄ə̄tt̄ut (< *m̄ə̄kt̄ut) "шесть" (ср. Ј *m̄ə̄kt̄ə́t (?~*m̄ə̄kt̄ə́j̄t)): нен. Т m̄ə́t' (d), Л m̄ə́t', m̄ə́tt̄at, Ю m̄ə́t; эн. (С) m̄ōtu'; нган. (М) m̄ə́t̄i'. Ср. кам. (D) m̄ūkt̄u', тайг. (PM) m̄ūkt̄ū.

*n̄ə̄k̄ur "три" (ср. Ј *n̄ə̄k̄ə́r (?~*n̄ə̄k̄ə́j̄r)): нен. Т n̄ə̄x̄ə́r', Л n̄ə̄x̄ə́r, Ю n̄j̄ə̄n̄ə̄r; эн. (С) n̄ēhu'; нган. (М) n̄ə̄ḡūr. Ср. кам. (D) n̄ə̄ḡūr, тайг. (PM) n̄ə̄ḡūr.

*k̄ə̄sūj̄ə́ "ухой": нен. Т x̄ə̄sūj, Л k̄j̄ss̄ūj, Ю k̄ə̄ss̄ūi; эн. Т (С) k̄ə̄sūə, (МЭ) k̄ə̄sūo, Л (С) k̄ə̄sūe; нган. (С) k̄ōs̄īə.

*b̄ə̄nt̄ə́j̄ə́ "верхний": эн. Л (Т) b̄ə̄dūj, (МЭ) b̄ə̄dūe, Т (МЭ) b̄ə̄dūo (в сочетаниях); нган. (PC) с̄ēj̄m̄ēb̄ə̄nt̄ə́ȳo "веко".

*k̄ə̄kk̄u "туман": эн. (С) k̄ōki, нган. (С) k̄ə̄k̄ū.

*s̄ēl̄u "своjak" (< *kel̄i; ср. Ј *kel̄ə́): нен. Т s̄ēl, Л s̄ēl; эн. Т (С) s̄ēki', (МЭ) s̄ēri; Л (С) s̄ēri; нган. (С) s̄ə̄l̄ū. Ср. финск. k̄ə̄ly "своjчeнницa, зoлoвкa, нeвeоткa".

*tīə̄r̄u "облако" (ср. Ј нен. *tīə́(j)r̄ə́, эн. *tīə́(j)r̄ə́j̄ə́,

нган. *tʰəjɾɛʒj:; нен. Т tʰɪr, Л ɔʰr, Ю tʰɪr; эн. Т (С) tʰo-
m, (МЭ) tʰoɾi, Л (С) tʰoɾi; нган. (С) tʰɪɾi, (РС) чʰəjɾəʰ.

*mənʲjʒ "полная луна": нен. Т mənʲjʒ; эн. Т (МЭ) mənʲo.

*velʲjʒ "олень, с рогов которого облезла кожа": нен. Т
vəlʲjʒ; эн. Т (МЭ) vəlʲo, нган. (П) velʲo-ku.

Вероятно, в ПСС были представлены в непервых слогах
и другие (помимо *oʲ) дифтонги с лабиализованным первым
компонентом. Ввиду их крайней редкости или даже уникаль-
ности имеющийся материал позволяет предложить лишь услов-
ную реконструкцию, основанную на системных соображениях и
на аналогиях с развитием вокализма в первом слоге — напри-
мер, для *pʲɛ (*uʲ или *oʲ):

*əvʲuʲ "пленка (на мясе, шкуре)": нен. Т pʲəvʲo; эн. Т
(МЭ) əvʲo.

*kʲɪvʲɪ "место, объединенное оленями": нен. Т xado; эн. Т
(МЭ) kɔvʲo.

Таким образом, в ненецком языке узкие лабиализованные
гласные *u, *i подверглись редукции, разделив судьбу других
узких гласных непервых слогов (*i, *j), а также *-ʒ-, *-ʒ.
Энецкое развитие охарактеризовалось упрощением системы ла-
биализованных гласных непервых слогов и в ряде случаев
утратой их контраста с рефлексом нелабиализованных глас-
ных. Особенностью нганасанского языка является регулярное
появление после всех старых ауслатных лабиализованных мо-
нодифтонгов назального элемента, в современном языке вновь
утраченного.

Сокращения

Языки и диалекты: нен. — ненецкий (Т — тундровый по
Н.М.Терещенко, Л — лесной по Т.Лехтисало, Ю — "юрацкий",
или старовосточный, по Г.Ф.Миллеру); эн. — энецкий (Т —
тундровый [Хантайка, сомату], Л — лесной [Вайха, Бай]);
нган. — нганасанский; кам. — камасинский; мат., тайг., кар.
— диалекты маторско-гайгиско-карагасского языка.

Источники: Д — Б.О.Долгих; МЭ — материалы Таймырской
экспедиции ОИЯИ филологического ф-та МГУ; П — А.А.Попов;
РС — Ю.Б.Симченко (рукопись); РМ — Г.Ф.Миллер (рукопись);
СП — Г.Спасский; Т — Н.М.Терещенко; С — М.А.Кастрен; В —
К.Доннер; J — Ю.Янхунен; M — Т.Микола.

РЕКОНСТРУКЦИЯ ПРОСОДИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ИНДООЕВРОПЕЙСКОГО КОРНЯ

1. Всякое фонологическое явление, характеризующее в
целом единицу более высоких уровней /морфема, слова, сло-
восочетания, предложения/, называется просодическим.
Фонологические ограничения в структуре корня также сле-
дует считать его просодическими характеристиками.

2. Индоевропейский корень первоначально имел не более
двух шумных смычных согласных, распределявшихся по трем
артикуляционно-акустическим сериям /работе гортани/ с
определенными ограничениями.

3. Соотношение серий лучше отражено армянским языком:
первая /соответствует армянским глухим ненапряженным при-
дыхательным/, традиционно обозначаемая как *p, t, k, q;
вторая /соответствует армянским звонким /придыхательным/,
традиционно обозначаемая как bh, dh, gh, gʰ; третья /де-
фектная в лабиальном ряду, соответствует армянским на-
пряженным непридыхательным/, традиционно обозначаемая как
d, g, ɟ.

4. Ограничения в распределении этих серий внутри кор-
ня можно описать путем реконструкции двух просодических
правил, относящихся к разным периодам развития индоевро-
пейского консонантизма:

1/начальное правило диссимилиации: в одном корне не
встречаются согласные одной серии /возможны лишь шесть
типов слогов: tadh, tɛd, dhɛt, dhɛd, dɛt, dhɛdh/;

2/последующее по времени правило ассимиляции ненапря-
женных /первые две серии, соответствующие армянским при-
дыхательным глухим и звонким/ по глухости/звонкости
/озвончение глухих, оглушение звонких: tadh, dhɛt →
tɛt, dhɛdh, т.е. pɪp, qɪp → pɪp, qɪq /;

5. В индоевропейском стали возможны лишь шесть типов
двуконсонантных корней: глухие /tɛt=pɪp/, звонкие

/*dhdh = ɥiŋ /, глухо-начальные /*ted = pʲiŋ /, глухо-
 конечные /*det = ɥiŋp /, звонко-начальные /*dhd = pʲiŋ /,
 звонко-конечные /*dedh = ɥiŋp /.

СОДЕРЖАНИЕ

Структура слова

ГАМКРЕЛИДZE Т.В. (Тбилиси), ИВАНОВ В.В. (Москва). Проблемы типологии и реконструкция праязыка (ин- доевропейская праязыковая структура).....	4
КУРАВЛЕВ В.К., НЕРОЗНАК В.П. (Москва). Проблемы теории реконструкции.....	7
КУМАХОВ М.А. (Москва). К реконструкции структуры слова в западнокавказских языках.....	12
АНДРЕЕВ Н.Д. (Ленинград). Реконструкция структуры слова в ранне- и среднеиндоевропейском.....	14
ГАДЖИЕВА Н.З. (Москва). О трудностях морфологи- ческой реконструкции (на материале тюркских язы- ков).....	16
ГИГИНИЕВИЛИ Б.К. (Тбилиси). Реконструкция основ- ных синтактических типов именных основ общедри- гестанского языка.....	18
ГИНДИН Л.А. (Москва). К реконструкции бракий- ской морфологии.....	20
КАЗАНСКИЙ Н.Н. (Ленинград). К реконструкции индоевропейского аблатива.....	22
КАЛЫГИН В.П. (Москва). Др.-ирл. 1 foss, тож. A wast, B ost и и.-е название "дома".....	25
КОРОЛЕВ А.А. (Москва). Некоторые вопросы прото- ирландской реконструкции.....	27
МАРТЫНОВ В.В. (Минск). Реконструкция словооб- разовательных систем и глоттогоническая диа- гностика.....	28
МЕЛИКИШВИЛИ И.Г. (Тбилиси). Структура корня и глагальных основ в общекартвельском.....	31
МИГАЧЕВ В.А. (Белгород). Проблемы реконструкции и диахроническая морфонология.....	33

МИЛЛАРЕВ А.Ю. (Москва). Корневые варианты в афразийских языках.....	35
НАУМОВ В.В., ПОРХОМОВСКИЙ В.Я. (Москва). Сокотрийские материалы для общесемитской реконструкции.....	39
НЕДЯКОВ И.В. (Брянск). Морфологическая структура причастий в тунгусо-маньчжурских языках.....	42
СЫТОВ А.Т. (Ленинград). О соотношении этимологического и морфологического анализа при историческом изучении глагола албанского языка (и.-е. *ei-mi > алб. vete "я иду").....	44
ХЕЛИМСКИЙ Е.А. (Москва). Проблема интерпретации угорско-самодийских и других межгрупповых изоглосс прауральской реконструкции.....	46
ЦАНЦАУС В.И. (Ленинград). Структура и функция форм обладания в алтайских языках.....	49
ЧЕКМАН В.Н. (Минск). Закономерности развития тенденции к открытому слогу в индоевропейских языках.....	52

Фонология, акцентология и тонология

ДЫБО В.А. (Москва). Тонологическая гипотеза генезиса индоевропейских акцентных систем.....	56
СОФРОНОВ М.В. (Москва). Тоногенетические процессы в языках юго-восточной Азии.....	62
ГЕРЦЕНБЕРГ Л.Г. (Ленинград). Историческая связь акцентов и грамматической структуры слова.....	65
ГОЛОВАСТИКОВ А.Н. (Москва). К реконструкции чинской тоновой системы.....	68
ЖИТОМЛЕРСКАЯ М.С. (Москва), КАДЫРОВА Х.Б. (ДагАССР). Фонационное противопоставление в лакском языке.....	72
ЗАВЬЯЛОВА О.И. (Москва). Тоны в шеньсийском диалекте дунганского языка.....	75
ИВАНОВ В.В. (Москва). Реконструкция индоевропейских акцентологических синтаксических структур.....	77

КЛЫЧКОВ Г.С. (Москва). К реконструкции просодики....	81
МЕЛЬНИЧУК А.С. (Киев). Раннеиндоевропейское ударение и формирование качественных различий гласных.....	84
НИКОЛАЕВ С.Л. (Москва). Реконструкция фонетической системы працезского языка.....	87
ПЕЙРОС И.И. (Москва). Проблема происхождения сино-тибетских тонов (лоло-бирманские и качинские языки).....	90
СОКОЛОВСКАЯ Н.К. (Москва). Вьет-мыонгские тоновые соответствия в связи с вопросом о типах праветьмыонгских слогов.....	93
СТАРОСТИН С.А. (Москва). Реконструкция праабхазоадыгской системы согласных.....	96
СТЕПАНОВ Ю.С. (Москва). Аномалия долготы в литовском языке и 5 смежных проблем индоевропейской реконструкции.....	102
ЩЕРБАК А.М. (Ленинград). Опыт реконструкции слоговых акцент в в тюркском языке.....	105
ЭДЕЛЬМАН Д.И. (Москва). К реконструкции общеперсидского ударения.....	107
ЯХОНТОВ С.Е. (Ленинград). Типы реконструируемых тональных систем слоговых языков Азии.....	109

Материалы дискуссии

НИКОЛАЕВ С.Л. (Москва). Два класса глагольных корней вида sv(c)sv в древнегреческом.....	112
НИКОЛАЕВ С.Л., СТАРОСТИН С.А. (Москва). Некоторые соответствия индоевропейских долгот и ударений.....	114
СОФРОНОВ М.В. (Москва). Проблема тонов тангутского языка.....	120
ХЕЛИМСКИЙ Е.А. (Москва). Реконструкция прасеверносамодийских (ПСС) лабиализованных гласных первых слогов.....	123

ШИРОКОВ О.С. (Москва). Реконструкция просодичес- кой структуры индоевропейского корня	127
С о д е р ж а н и е	129

*А-04400 от 9.8.78г. 8,25н.л. Тип 200 Зик. 1003
Тип. МГПИИЯ*